

ЗАПИСКИ ИИМК РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

No. 16

Saint Petersburg
2017

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 16

Санкт-Петербург
2017

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2017. № 16. 200 с.
ISSN 2310-6557

ISBN 978-5-9909871-9-7

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2017.

No. 16. 200 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (главный редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стеганцева

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva

В № 16 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. В работе А. М. Родионова и Н. И. Платоновой впервые проведено сравнительное трасологическое изучение нескольких групп орудий на пластинах, характерных для кремневых индустрий верхнепалеолитических стоянок Костёнки 8/II и 11/II. Статья А. В. Фрибуса и С. П. Грушина посвящена вопросам реконструкции оформления неолитического костюма в Древней Сибири. Л. Б. Кирчо публикует новые материалы начала периода позднего энеолита из раскопок Алтын-депе в Южной Туркмении. Комплексный анализ всех радиоуглеродных дат окуневской культуры проведен в работе А. В. Полякова. Статья И. С. Жушиховской посвящена изучению технологии изготовления керамики юга Дальнего Востока методом оптико-электронной микроскопии. Изучение двух кавказских фибул раннего железного века позволило Е. Е. Васильевой и М. Т. Кашубе выявить место и значение этих находок в костюме разных групп древнего населения Кавказа. Работы А. С. Намойлик, Е. В. Кузнецовой, а также Н. А. Павличенко и О. Ю. Соколовой посвящены различным аспектам анализа эпиграфических данных на артефактах античного времени. В статье Е. П. Королевой и А. Н. Егорькова изучены типология и состав стекла бус курганного могильника Восход в Белоруссии. В работе С. В. Белецкого с соавторами публикуются новые древнерусские свинцовые plombы домонгольского времени из Курска. Научная биография А. А. Иессена — выдающегося исследователя древностей Кавказа, написана В. А. Алёшкиным для раздела «Из истории науки». В разделе «Хроника» В. Я. Стёганцевой дана информация о Круглом столе, проведенном в 2016 г. и посвященном 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко. Юбилею выдающегося исследователя Русского Севера О. В. Овсянникова посвящена статья А. Е. Мусина с соавторами в разделе «Персоналии». Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музеоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 16th issue of the «Transactions of IHMC RAS» contains papers dealing with the newest discoveries and investigations in archaeology and ancient history. A. M. Rodionov and N. I. Platonova present the first results of the traceological study of several groups of blade tools typical of the Upper Paleolithic flint assemblages of Kostenki 8/II and 11/II. The paper by A. V. Fribus and S. P. Grushin is devoted to the reconstruction of a Neolithic costume from Siberia. L. B. Kircho introduces new Late Eneolithic materials from the excavations of Altyndepe in South Turkmenistan. A. V. Polyakov's paper deals with the complex analysis of radiocarbon dates available for the Okunev culture. The work by I. S. Zhushchikhovskaya is devoted to the study of pottery manufacturing technology in the south of the Far East with the use of electron microscopy. The analysis of two Caucasian Early Iron Age fibulae allowed E. E. Vasileva and M. T. Kashuba to determine the place and role of these objects in the costume of different groups of ancient Caucasian people. The studies by A. S. Namoilik, E. V. Kuznetsov, as well as N. A. Pavlichenko with O. Yu. Sokolova are devoted to various questions associated with the analysis of epigraphic materials of the Classical period. E. P. Koroleva and A. N. Egorkov describe the typology and chemical composition of glass beads from the burial mound of Voskhod in Belarus. S. V. Beletsky with coauthors introduce new Old Russian lead seals found in Kursk and dated to the pre-Mongol time. The section «From the History of Archaeology» contains V. A. Alekshin's paper about A. A. Iessen — an outstanding researcher of Caucasian antiquities. V. Ya. Stegantseva in the chronicle section reports on the Round Table dedicated to the 80th birth anniversary of S. N. Bratchenko. The paper by A. N. Kirpichnikov, A. E. Musin, A. A. Peskova is dedicated to the jubilee of the outstanding researcher of the Russian North Oleg Ovsyannikov. The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

ISSN 2310-6557

ISBN 978-5-9909871-9-7

© Институт истории материальной культуры РАН, 2017

© Авторы статей, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А. М. Родионов, Н. И. Платонова.* Сравнительный анализ
пластинчатого инвентаря культурных слоев
Костёнки 8/II и Костёнки 11/II: трасологический аспект 7
- А. В. Фрибус, С. П. Грушин.* Перья птиц в системе оформления
неолитического костюма (по материалам могильника
Чумыш-Пережат на юге Западной Сибири) 20
- Л. Б. Кирчо.* К датировке геоксюрского комплекса
(новые данные из Алтын-депе в Южной Туркмении). 35
- А. В. Поляков.* Радиоуглеродные даты окуневской культуры 52
- И. С. Жутиховская.* Опыт применения электронной микроскопии
в изучении археологической керамики юга Дальнего Востока 75
- Е. Е. Васильева, М. Т. Кашуба.* Разыскания по двум кавказским фибулам
раннего железного века. 92
- А. С. Намойлик.* К вопросу о ценах на гончарную продукцию
в Нимфее в V–IV вв. до н. э. 111
- Е. В. Кузнецова.* О гончарных мастерских Херсонеса Таврического,
исследованных В. В. Борисовой 118
- Н. А. Павличенко, О. Ю. Соколова.* Новые эпиграфические памятники
из Нимфея 128
- Е. П. Королёва, А. Н. Егорьков.* Типология и состав стекла бус
курганного могильника Восход 138
- С. В. Белецкий, Р. С. Веретюшкин, К. В. Горлов.* Свинцовые пломбы
из раскопок в Курске в 2016 г. 146

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

- В. А. Алёшкин.* А. А. Иессен — выдающийся исследователь
древностей Кавказа. 160

ХРОНИКА

- В. Я. Стёганцева.* Круглый стол, посвященный 80-летию
со дня рождения С. Н. Братченко 173

ПЕРСОНАЛИИ

- А. Н. Кирпичников, А. Е. Мусин, А. А. Пескова.*
Олег Овсянников: опыт творческой биографии 177
- Список сокращений 191
- Список авторов статей, опубликованных в «Записках ИИМК РАН» № 16. 196

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

- A. M. Rodionov, N. I. Platonova.* Comparative analysis of blade products from Kostenki 8, layer II, and Kostenki 11, layer II: traceological aspect 7
- A. V. Fribus, S. P. Grushin.* Bird feathers in the makeup of a Neolithic costume (based on the materials of the Chumysh-Perekat cemetery in the south of West Siberia) 20
- L. B. Kircho.* Towards the dating of the Geoksyur complex (new data from Altyn-depe in South Turkmenistan). 35
- A. V. Polyakov.* Radiocarbon dates of the Okunev culture 52
- I. S. Zhushchikhovskaya.* Experience of using electron microscopy in the study of archaeological ceramics from the south of the Far East. 75
- E. E. Vasilieva, M. T. Kashuba.* Investigations concerning two Caucasian fibulae of the Early Iron Age 92
- A. S. Namoilik.* On the problem of pottery prices in Nymphaeum in the V–IV centuries B. C. 111
- E. V. Kuznetsova.* On the ceramic workshops of Tauric Chersonesus studied by V. V. Borisova 118
- N. A. Pavlichenko, O. Yu. Sokolova.* New epigraphic inscriptions from Nymphaeum 128
- E. P. Koroleva, A. N. Egor'kov.* Typology and chemical composition of glass beads from the Voskhod burial mound 138
- S. V. Beletsky, R. S. Veretyushkin, K. V. Gorlov.* Lead seals from the excavations in Kursk in 2016 146

FROM THE HISTORY OF ARCHAEOLOGY

- V. A. Alekshin.* A. A. Iessen — an outstanding researcher of Caucasian antiquities 160

CHRONICLE

- V. Ya. Stegantseva.* Round table dedicated to the 80th birth anniversary of S. N. Bratchenko 173

PERSONALIA

- A. N. Kirpichnikov, A. E. Musin, A. A. Peskova.* Oleg Ovsyannikov: an essay of creative biography 177
- List of abbreviations 191
- List of authors 196

СТАТЬИ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЛАСТИНЧАТОГО ИНВЕНТАРЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ КОСТЁНКИ 8/II И КОСТЁНКИ 11/II: ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

А. М. РОДИОНОВ, Н. И. ПЛАТОНОВА

Ключевые слова: *верхний палеолит, граветт, кремневая индустрия, Костёнки 8/II, Костёнки 11/II, трасология, функциональный анализ.*

Кремневые индустрии Костёнки 8/II и 11/II относятся к граветтоидному технокомплексу. Несмотря на определенные хронологические различия, в индустриях обоих памятников наблюдается немало общих черт (притупляющая ретушь, прием резцового скола, микропластинки, острия на пластинах и т. д.). Однако каменный инвентарь обеих стоянок никогда не сопоставлялся с точки зрения функционального применения тех или иных типов орудий. В настоящей статье излагаются результаты впервые проведенного трасологического анализа и сравнения нескольких групп орудий на пластинах, характерных для обоих памятников. В результате выяснилось, что одни и те же типологические группы на разных памятниках, при всем сходстве внешнего облика инвентаря, не закрепляют за собой одинаковую функцию. Их использование осуществлялось совершенно по-разному.

Краткая история исследований. Многослойные верхнепалеолитические стоянки Костёнки 8 (Тельманская) и Костёнки 11 (Аносовка 2) расположены в Костёнковско-Борщёвском районе — на высоком правом берегу Дона, в 30–35 км к югу от г. Воронежа.

Стоянка *Костёнки 8* расположена на мысу, образованном Александровским логом и его крупным отвершком — Бирючьим логом, вблизи устья Александровского лога. Памятник был открыт А. Н. Рогачёвым в 1936 г. Раскапывался П. П. Ефименко и А. Н. Рогачёвым. В ходе раскопок зафиксировано пять культурных слоев

---

¹ Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00345а, и Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Евразийское наследие: новые смыслы», проект «Археологические культуры Евразии в контексте системного анализа: новые перспективы осмысления истории по археологическим данным».

(I, Ia, II, III и IV). В слоях I и II исследованы остатки палеолитических жилищ (Рогачёв 1951; 1957: 47–56; Рогачёв и др. 1982; Борисковский 1957).

В 2005 г., после 25-летнего перерыва, исследования на стоянке возобновились силами Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН (рук. М. В. Аникович, с 2013 г. — С. Н. Лисицын)². Задачей работ стало целенаправленное изучение второго культурного слоя (Костёнки 8/II), содержащего древнейшую в Костёнковско-Борщёвском районе индустрию граветтоидного технокомплекса (Аникович и др. 2008: 128–132). Раскопки велись с перерывами до 2013 г. включительно; в результате исследован участок слоя 8/II площадью около 50 м², представлявший собой жилую зону с остатками двух разновременных очагов. Его стратиграфия и микростратиграфия недавно были детально проанализированы в статье, где приведен и сводный план раскопов на стоянке за весь период исследований (Дудин и др. 2016: 41–50, рис. 1).

Стоянка *Костёнки 11* была открыта А. Н. Рогачёвым в 1951 г. (Рогачёв 1953). Она расположена в приустьевой части Аносова лога. Вблизи устья (около 0,3 км от впадения в пойму Дона) лог разветвляется на два отвершка. Левый из них имеет протяженность 0,8 км. Длина правого отвершка — собственно Аносова лога — более 2 км. Их разветвление образует пологий центральный мыс протяженностью около 250 м и шириной в средней части до 90 м, на котором и расположена стоянка. Предполагаемая площадь культурных отложений на мысу составляет около 10 000 м².

Полевые исследования на Костёнках 11 велись с 1951 по 1975 г. (с перерывами) под руководством А. Н. Рогачёва. В результате была выстроена культурно-стратиграфическая колонка, включавшая слои Ia, Ib, II, III, IV, V. Еще один участок с культурными остатками, выпадавший из общей системы, был зафиксирован на северном краю мыса (Северный пункт) (Рогачёв, Попов 1982). Всего за период 1950–1970-х гг. на Аносовке 2 оказалось вскрыто 625 м². Тем не менее, в начале 1980-х гг. исследователи определяли памятник как «малоизученный» (Там же: 116). Причиной тому стала музеефикация жилища верхнего культурного слоя Ia (строительство над ним здания музея и благоустройство прилегающих участков). Поэтому на значительной части стоянки оказались вскрыты только верхние культурные напластования, а с середины 1970-х гг. все исследования Костёнок 11 были надолго прекращены.

Поселение культурного слоя II представлено в раскопках 1950–1970-х гг. остатками двух наземных жилищ, выраженных локальными, четко очерченными линзами гумусированности, включенными в толщу лессовидного суглинка. В линзах наблюдалась высокая концентрация культурных остатков, а также выраженные скопления очажной массы в средней части (Там же: 125). Характерные культурные остатки II слоя обнаружены на гребне, на южном и северном склонах оконечности мыса.

² Держателями Открытых листов в ходе работ на Костёнках 8 в 2005–2013 гг. являлись сотрудники Музея-заповедника «Костёнки» В. В. Попов, А. Ю. Пустовалов и А. Е. Дудин, самостоятельно представлявшие полевые отчеты.

Для проведения комплексного изучения северного и среднего (западного) участков склона мыса в 2003–2004 гг. работы на памятнике были возобновлены Костёнковско-Борщёвской археологической экспедицией ИИМК РАН (Попов и др. 2004). В ходе этих работ культурные остатки Северного пункта впервые удалось зафиксировать в относительной близости к гребню мыса и определить условия их залегания в стратиграфической колонке памятника. Однако материалы слоя Костёнки 11/II в раскопах 2003 и 2004 гг. оказались представлены лишь единичными находками, при полном отсутствии структур. Стратиграфия и характер отложений на обоих участках не дали возможности отобрать образцы на аналитику.

Хронология. Возраст поселения Костёнки 8/II, как правило, оценивается в диапазоне 28–27 тыс. л. н., на основании радиоуглеродной даты $27\ 700 \pm 750$ л. н. (GrN-10509), полученной по древесному углю (Радиоуглеродная хронология... 1997: 28–29, 50). По материалам старых раскопок для слоя 8/II было получено также две более молодые даты (по кости лошади и фрагментам обожженного черепа человека): $24\ 500 \pm 450$ л. н. (ГИН-7999) и $23\ 020 \pm 320$ л. н. (OxA-7109) (Там же).

В последние годы появилась серия новых C^{14} AMS дат: $23\ 340 \pm 150$ л. н. (CURL-15816); $25\ 640 \pm 210$ л. н. (CURL-15797) (Дудин и др. 2016: 49); $27\ 620 \pm 270$ л. н. (OxA-30197); $27\ 670 \pm 270$ л. н. (OxA-30198) (Reynolds et al. 2015: 124). Две последние даты, полученные по костям лошади и давшие между собой минимальный разброс, значительно подкрепили мнение о древнем возрасте стоянки, соответствующем началу Гренландского стадиала (GS) 5 ($32\ 000$ – $31\ 000$ cal BP). Хотя нельзя полностью исключать, что датировки $\sim 28\ 000$ – $27\ 000$ и $\sim 25\ 000$ – $23\ 000$ л. н. относятся к разным, наложившимся друг на друга и сильно «спрессованным» в слое комплексам культурных остатков (Дудин и др. 2016: 50). Отметим также, что калиброванные значения полученных новых датировок Костёнок 8/II разнятся между собой не так сильно, как конвенциональные³.

Для культурного слоя Костёнки 11/II по старым материалам получены две радиоуглеродные даты, имеющие большой разброс. Дата по кости — $15\ 200 \pm 300$ л. н. (TA-34); дата по костному углю — $21\ 800 \pm 200$ л. н. (ГИН-2531) (Радиоуглеродная хронология... 1997: 49). Первая представляется явно омоложенной: ее значение «входит в основную серию дат, полученную для вышележащего культурного слоя Костёнки 11/IIa» (Аникович и др. 2008: 201). Вторая дата традиционно считается надежной, так как к тому же хронологическому диапазону $\sim 22\ 000$ – $21\ 000$ л. н. относятся две даты, полученные для культурного слоя Костёнки 21/III (Радиоуглеродная хронология... 1997: 49). А этот памятник рассматривается как самая близкая аналогия Костёнкам 11/II.

Однако проблема хронологии Костёнок 11/II дополнительно осложняется тем, что диапазон датировок, полученных для нижележащего слоя Костёнки 11/III,

³ Калиброванное значение даты CURL-15797, полученной по образцу, взятому Дж. Ф. Хоффекером, составляет $30\ 709 \pm 395$ (Hoffecker, Holliday 2014: 144). Калиброванное значение дат OxA-30197 и OxA-30198, полученных по образцам, взятым Н. Рейнольдс, составляет $\sim 32\ 000$ – $31\ 000$ л. н. (Reynolds et al. 2015: 124).

также установлен в пределах ~22 000–20 000 л. н. (Там же). Остается надеяться, что новые исследования стоянки, ведущиеся А. Е. Дудиным с 2013 г., как-то скорректируют представления о ее стратиграфии и хронологии. Но пока говорить об этом преждевременно.

Кремневые индустрии Костёнки 8/II и 11/II: характеристика и культурная принадлежность. Культурный слой Костёнки 8/II отличается по характеру инвентаря от всех синхронных индустрий региона, являясь древнейшим типично граветтоидным памятником Костёнковско-Борщёвского района. Индустрия поражает своим разнообразием, богатством, высокой техникой расщепления и вторичной обработки кремня. Техника первичного раскалывания типично призматическая, пластины узкие, тонкие, с «правильной» огранкой спинки. Широко использовали микропластинки, снимавшиеся с вторичных ядрищ. Характерна предельная утилизация сырья, а также высокий процент сломанных и намеренно разбитых изделий.

В ходе обобщения материалов стоянки Костёнки 11 на рубеже 1970–1980-х гг. неоднократно отмечалось типологическое сходство индустрии Костёнки 11/II с материалами других стоянок — культурных слоев Костёнки 21/III и Костёнки 5/III (последний — слабо исследован) (Рогачёв, Попов 1979: 85; Попов 1983: 12; Иванова 1985; и др.). А. Н. Рогачёв и М. В. Аникович определили жилые остатки на стоянках Костёнки 11/II и 21/III как «жилища аносовско-гмелинского типа» (Рогачёв, Аникович 1984: 195).

Техника первичного расщепления здесь призматическая. Основными приемами вторичной обработки являлись дорсальная крутая и вертикальная ретушь, срезающая край и конец пластины, плоская ретушь, резцовый скол. Прием чешуйчатой подтески применялся редко. Характерной деталью является почти полное отсутствие отщепов с ретушью и орудий на отщепах. Коллекция II культурного слоя Костёнок 11 насчитывает более 16 500 предметов; из них более 900 имеют вторичную обработку.

Таким образом, кремневые индустрии Костёнки 11/II и Костёнки 8/II представлены, прежде всего, продуктами пластинчатого призматического расщепления, а также специфическими отходами, сопровождавшими данный вариант получения пластин. В индустриях обоих памятников во вторичной обработке использовалась как притупляющая ретушь, так и прием резцового скола. Резцовые сколы, микропластинки, острия на пластинах являются характерными чертами индустрий рассматриваемых стоянок. При этом Костёнки 8/II относится к классическому раннему граветту, а Костёнки 11/II был отнесен рядом исследователей к аносовско-гмелинской археологической культуре (Аникович и др. 2008).

Функциональный анализ и сравнение индустрий Костёнки 8/II и Костёнки 11/II. Сопоставление функционального применения тех или иных типов каменных орудий обеих стоянок никогда не проводилось. Наибольший интерес представляют орудия на пластинах, характерные для обоих памятников. Группы

этих орудий были подвергнуты нами трасологическому анализу, сравнение результатов приведено в таблице:

Т а б л и ц а

**Основные типы орудий памятников Костёнки 8/II и Костёнки 11/II,
подвергнутые трасологическому анализу**

Типы артефактов	Стоянки	Костёнки 11/II	Костёнки 8/II
Скребки на пластинах или фрагментах пластин		7	3
Резцы на пластинах или фрагментах пластин		25	31
Пластины и фрагменты пластин с ретушью или со следами утилизации		63	59
Резцовые сколы		11	25
Острия на резцовых сколах		—	16
Микропластинки		8	28

Трасологический анализ пластинчатого инвентаря стоянки **Костёнки 11/II** дал следующие результаты.

Скребки. Из семи скребков микропризнаки имеют только два, причем следов от работы по коже (казалось бы, наиболее характерного материала для использования скребка) не зафиксировано. Следы на рабочем лезвии одного скребка были интерпретированы как следы обработки дерева (рис. 1, 1, 2). Возможно, в контексте рассматриваемой индустрии памятника «скребок» существовал только как типологическая единица, а не как специфическое орудие для обработки кожи. Причем оказалось, что зачастую при работе скребком по дереву использовали не только скребковое окончание, но и боковые стороны пластины, что по кинематике и направлению движения больше напоминает работу скобелем.

Резцы. Многие резцы являлись комбинированными орудиями (рис. 2, 2, 3, 4, 7) так как в ряде случаев резцовое лезвие являлось окончанием скребковой или скоблевидной кромки орудия. Из 25 проанализированных скребков 12 имеют макропризнаки утилизации, но какие-либо заполировки или другие микропризнаки износа удалось проследить только на трех резцах. Следы на резцах достаточно слабые и невнятные, что, скорее всего, связано с непродолжительным временем использования орудий (рис. 1, 3). Определить, какой именно материал обрабатывали данными резцами, пока не удалось.

Пластины. Всего было проанализировано 63 пластины — 27 целых и фрагменты, которые имеют макропризнаки утилизации рабочих лезвий. Трасологическое исследование целых пластин показало, что 18 из них имели следы от работы по мягкому органическому материалу, прежде всего, по мясу (рис. 1, 4). Ничего подобного при изучении фрагментов пластин не выявлено. Исходя из этого можно сделать вывод, что пластины на памятнике Костёнки 11/II имели специализированную

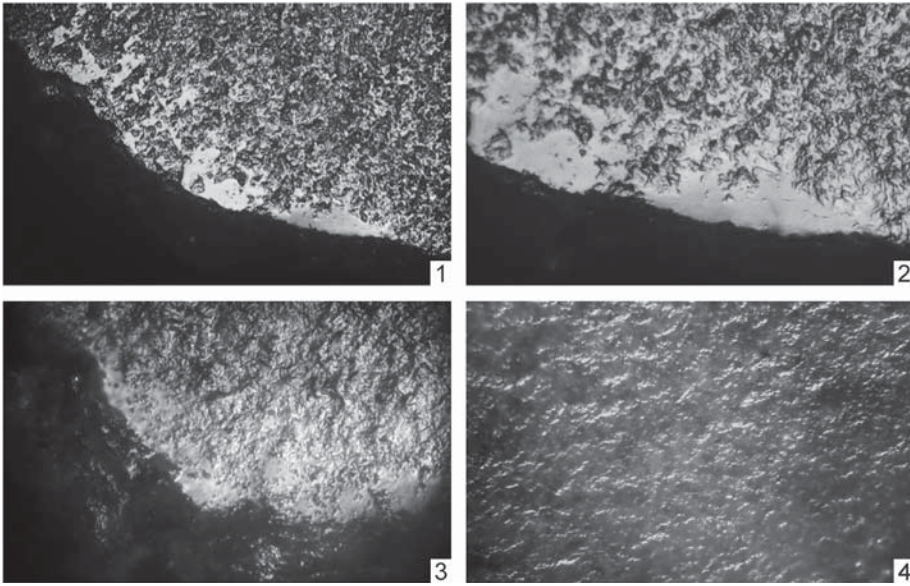

Рис. 1. Стоянка Костёнки 11/II, микроследы на пластинчатом инвентаре: 1, 2 — следы от работы по дереву на рабочем лезвии концевого скребка; 3 — слабо сформированные следы на кромке резца; 4 — следы от разделки мяса на пластине. Увеличение: 1 — $\times 40$; 2, 3 — $\times 200$; 4 — $\times 100$

Fig. 1. Kostenki 11/II, microtraces on blade tools: 1, 2 — wood working traces on the working edge of an endscraper; 3 — weakly expressed traces on a burin facet; 4 — meat cutting traces on a blade. Magnification: 1 — $\times 40$; 2, 3 — $\times 200$; 4 — $\times 100$

направленность, и, скорее всего, преднамеренно выбирались еще на стадии заготовок. Заготовки, не прошедшие отбор, направляли на изготовление других орудий — скребков, резцов, скобелей и т. д.

Резцовые сколы и микропластинки — побочные продукты изготовления резцов, при трасологическом изучении никаких результатов не дали.

Стоит заметить одну тенденцию, наблюдаемую для всего пластинчатого инвентаря рассматриваемой стоянки: многие орудия, имеющие выразительные признаки макро- и микроизноса, имеют также побочные пятна заполировок, которые расположены на более выпуклых участках поверхности, гранях, ребрах, ударных бугорках. Эти побочные заполировки носят точечный, локальный характер, что может быть связано как с фиксацией их в руке или в рукояти, так и с условиями залегания в слое.

Анализ пластинчатого инвентаря стоянки **Костёнки 8/II**⁴ дал несколько другие результаты.

Скребки. Представлено всего три концевых скребка, хотя коллекция из раскопок 2013 г. достаточно многочисленна. Аналогичное явление отмечалось и при

⁴ В основу настоящего анализа положена коллекция из раскопок 2013 г., насчитывающая более 1000 кремневых артефактов.

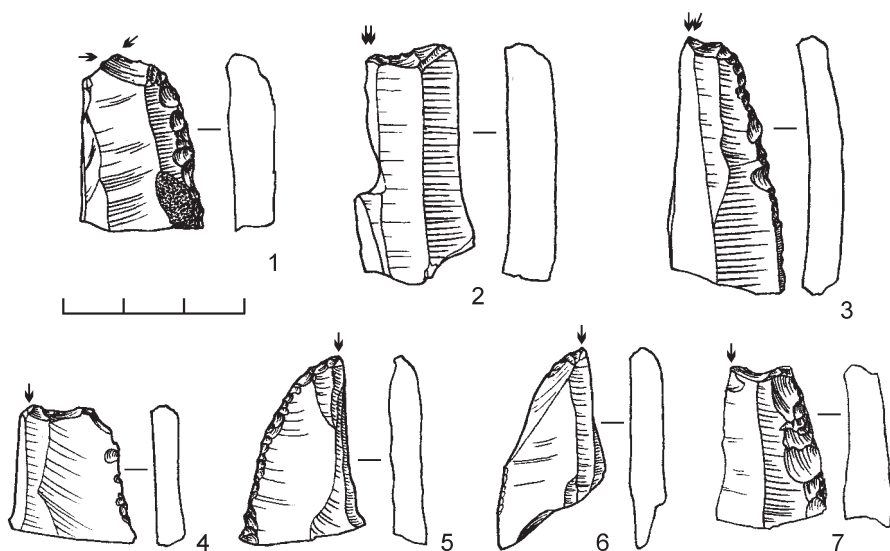

Рис. 2. Стоянка Костёнки 11/II, кремневый инвентарь: 1, 5, 6 — резцы на фрагментах пластин с ретушью; 2, 3, 4, 7 — комбинированные орудия с резцовой кромкой

Fig. 2. Kostenki 11/II, flint inventory: 1, 5, 6 — burins on retouched fragments of blades; 2, 3, 4, 7 — combined tools with burin facet

анализе коллекции из старых раскопок (Литовченко 1969). Лезвия двух скребков были преднамеренно деформированы после использования. На всех трех орудиях присутствуют следы от обработки и выделки кожи. В ходе работ на стоянке в 2005–2009 гг. коллекция кремневого инвентаря культурного слоя II пополнилась на примерно 2000 предметов, включая около 260 орудий. Кремневый инвентарь полностью идентичен материалу, полученному при исследовании стоянки под руководством А. Н. Рогачёва. Доля типологически выраженных скребковых форм в этой коллекции также невелика и составляет около 2,5 % (7 экз.) (Пустовалов, Родионов 2011). Более половины из них являются концевыми скребками на пластинах, ретушированных и не ретушированных по краям.

Резцы на пластинах (рис. 3, 5–8). Изучен 31 резец, однако следы непосредственного использования удалось зафиксировать только на одном артефакте (рис. 4, 1, 2). Вероятно, изготовление резцов не являлось преднамеренным действием. Скорее всего, пластины с ретушированным краем являлись нуклеусами для получения микроострий и микропластинок.

Пластины и фрагменты пластин (рис. 3, 9–11). Всего было изучено 59 пластин и их фрагментов, из них 18 целых. Трасологическое исследование показало, что целые пластины не несут на себе следов от какой-либо работы. Идентичные трасологические признаки встречены как на целых пластинах, так и на фрагментах. Только две пластины имеют следы от разделки туш (рис. 4, 3, 4), а еще две — использовали для скобления дерева. На одной пластине зафиксированы следы от строгания древесины.

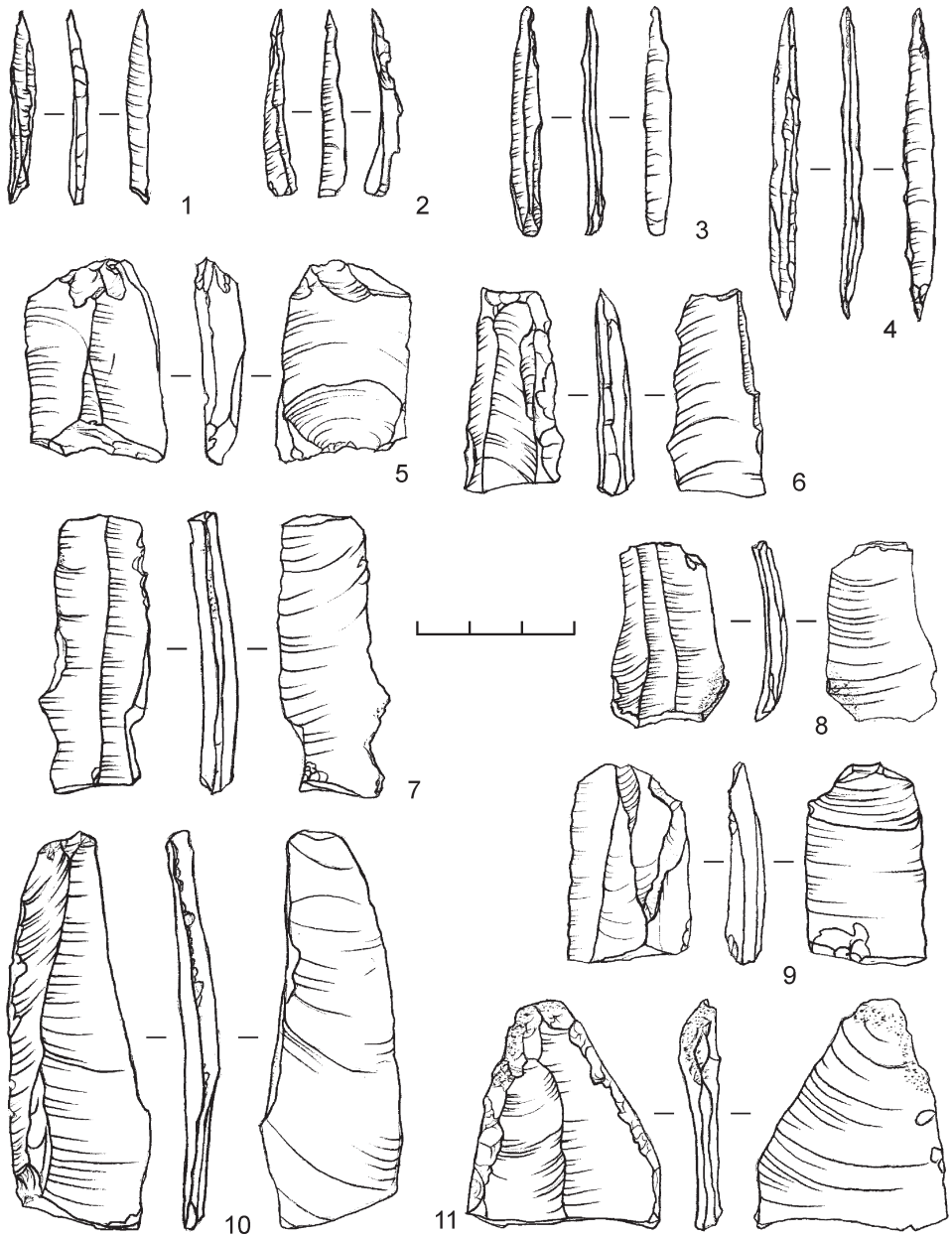

Рис. 3. Стоянка Костёнки 8/II, кремневый инвентарь: 1–4 — микропластинчатые формы; 5–8 — резцы; 10 — пластина со следами утилизации; 9, 11 — фрагменты пластин со следами вторичной обработки

Fig. 3. Kostenki 8/II, flint inventory: 1–4 — microblades; 5–8 — burins; 10 — blade with traces of utilization; 9, 11 — fragments of blades with traces of secondary treatment

Анализ микропластинок, острый (рис. 3, 1–4) и резцовых сколов показал наличие на них микропризнаков утилизации, заполировок (рис. 4, 5). Контекст расположения следов не позволяет говорить о них как о самостоятельных орудиях. Абсолютное большинство микроформ несут на своем кончике заполировки от рабочих лезвий первичных пластин, частью которых они когда-то являлись. Вероятно, ранее использованные орудия преднамеренно раскалывали, что прослеживается и на фрагментах пластин, и на скребках с умышленной вторичной деформацией рабочего края.

Заключение. Функциональный анализ основных типологических групп кремневого инвентаря позднепалеолитических стоянок Костёнки 8/II и Костёнки 11/II показывает, что одни и те же типологические группы орудий на этих памятниках,

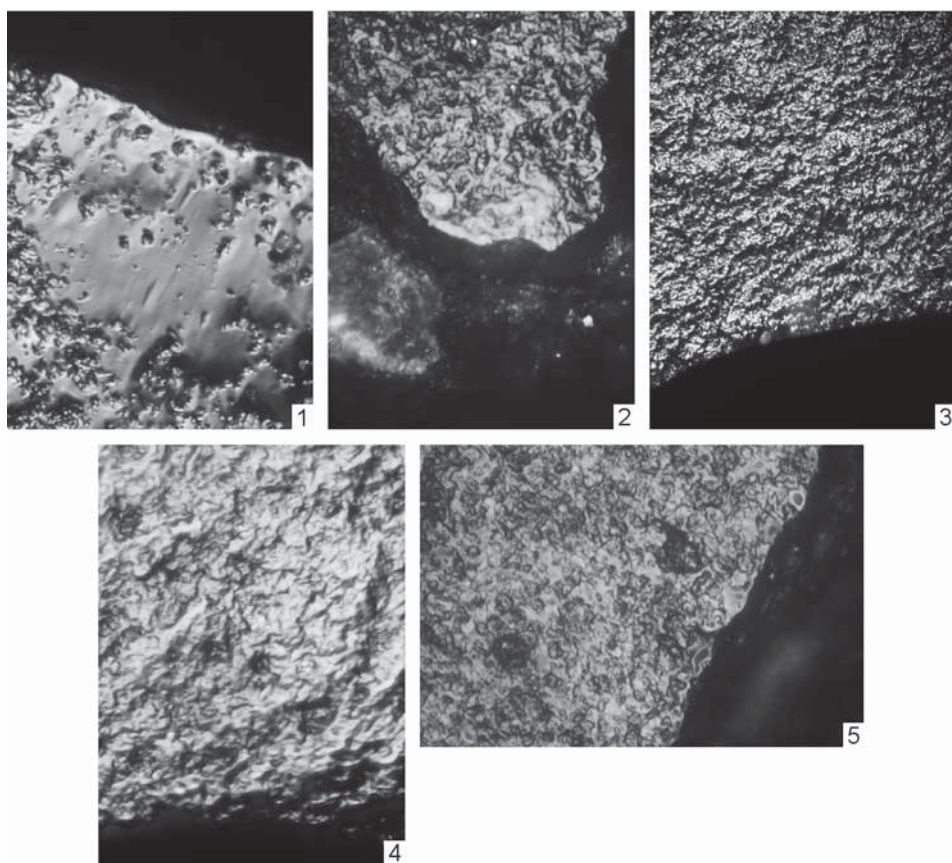

Рис. 4. Стоянка Костёнки 8/II, микроследы на пластинчатом инвентаре: 1, 2 — следы на кромке бокового резца; 3, 4 — следы от разделки мяса на фрагменте пластины; 5 — остаточные следы на микропластинке. Увеличение: 1, 4, 5 — $\times 200$; 2 — $\times 40$; 3 — $\times 100$

Fig. 4. Kostenki 8/II, microtraces on blade tools: 1, 2 — wear traces on the working edge of a truncation burin; 3, 4 — meat cutting traces on a blade fragment; 5 — residual traces on amicroblade. Magnification: 1, 4, 5 — $\times 200$; 2 — $\times 40$; 3 — $\times 100$

при всем сходстве внешнего облика каменного инвентаря, не имели единых функций. Например, на Костёнках 11/II только целые, скорее всего, преднамеренно отобранные, пластины использовали в качестве ножей для разделки мяса. В инвентаре стоянки Костёнки 8/II пластины не несут на себе следов какой-либо специализации.

Аналогичное противопоставление прослеживается и при сопоставлении скребков этих стоянок. На Костёнках 8/II скребки изготавливали непосредственно для работы с кожей. На Костёнках 11/II типологическая группа скребков вообще не несет четко закрепленной за ней функции.

Литература

Аникович и др. 2008 — *Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.* Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История, 2008. 304 с. (Тр. КБАЭ. Вып. 1).

Борисковский 1957 — *Борисковский П. И.* Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры Русской равнины // Окладников А. П. (ред.). Палеолит и неолит СССР. Т. 3: Материалы по стратиграфии и относительной хронологии верхнего палеолита СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 174–190 (МИА. № 59).

Дудин и др. 2016 — *Дудин А. Е., Пустовалов А. Ю., Платонова Н. И.* Второй культурный слой стоянки Костёнки-8 (Тельманская): структура, объекты микростратиграфии // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2016. Т. 15, № 3. С. 41–52.

Иванова 1985 — *Иванова М. А.* Структура Гмелинского палеолитического поселения (по результатам планиграфического и типологического анализа кремневого инвентаря): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1985. 17 с.

Литовченко 1969 — *Литовченко Л. М.* Тельманская палеолитическая стоянка (II культурный слой) // СА. 1969. № 3. С. 110–123.

Попов 1983 — *Попов В. В.* Анализ кремневого инвентаря стоянки Костёнки 11 (II культурный слой) // Синюк А. Т. (отв. ред.) и др. Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж: Изд-во ГПИ, 1983. С. 5–13 (Известия Воронежского ГПИ. Т. 227).

Попов и др. 2004 — *Попов В. В., Аникович М. В., Хоффекер Дж., Дудин А. Е., Пустовалов А. Ю., Чернышов С. С.* Костёнки 11 (Аносовка 2) // Аникович М. В., Платонова Н. И. (отв. ред.). Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж: Истоки, 2004. С. 6–17.

Радиоуглеродная хронология... 1997 — Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. 1997 / Сеницын А. А., Праслов Н. Д. (ред.). СПб.: ИИМК РАН, 1997 (Археологические изыскания. Вып. 52).

Рогачёв 1951 — *Рогачёв А. Н.* О нижнем слое культурных остатков Тельманской стоянки в Костёнках // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 23–29.

Рогачёв 1953 — *Рогачёв А. Н.* Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины // Окладников А. П. (ред.). Палеолит и неолит СССР. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 39–55 (МИА. № 39).

Рогачёв 1957 — *Рогачёв А. Н.* Многослойные стоянки Костёнковско-Борщёвского района и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Окладников А. П. (ред.). Палеолит и неолит СССР. Т. 3: Материалы по стратиграфии и относительной хронологии верхнего палеолита СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 9–134 (МИА. № 59).

Рогачёв и др. 1982 — *Рогачёв А. Н., Аникович М. В., Дмитриева Т. Н.* Костёнки 8 (Тельманская стоянка) // Праслов Н. Д., Рогачёв А. Н. (отв. ред.). Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука, 1982. С. 92–109.

Рогачёв, Попов 1979 — *Рогачёв А. Н., Попов В. В.* Костёнки 11 (Аносовка II) // Горецкий В. И. (гл. ред.). Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины: ТД к Всесоюзному совещанию, посвящ. 100-летию открытия палеолита в Костёнках (20–25 августа 1979 г.). Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 1979. С. 84–87.

Рогачёв, Попов 1982 — *Рогачёв А. Н., Попов В. В.* Костёнки 11 (Аносовка 2) // Праслов Н. Д., Рогачёв А. Н. (отв. ред.). Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука, 1982. С. 116–132.

Рогачёв, Аникович 1984 — *Рогачёв А. Н., Аникович М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Борисковский П. И. (отв. ред.). Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С. 162–271 (Археология СССР).

Пустовалов, Родионов 2011 — *Пустовалов А. Ю., Родионов А. М.* Трасологический анализ скребкового инвентаря II культурного слоя стоянки Костёнки 8 (Тельманская) // Федюнин И. В. (отв. ред.). Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: Изд-во Воронежского ГПУ, 2011. Вып. 14. С. 9–12.

Hoffecker, Holliday 2014 — *Hoffecker J. F., Holliday V. T.* Landscape archaeology and the dispersal of modern humans in Eastern Europe // Васильев С. А., Ткач Е. С. (отв. ред.). Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 140–158.

Reynolds et al. 2015 — *Reynolds N., Lisitsyn S. N., Sablin M. V., Barton N., Higham T. F. G.* Chronology of the European Russian Gravettian: new radiocarbon dating results and interpretation // *Quartär*. 2015. 62. P. 121–132.

COMPARATIVE ANALYSIS OF BLADE PRODUCTS FROM KOSTENKI 8, LAYER II, AND KOSTENKI 11, LAYER II: TRACEOLOGICAL ASPECT

A. M. RODIONOV, N. I. PLATONOVA

Keywords: *Upper Paleolithic, Gravettian, flint industry, Kostenki 8/II, Kostenki 11/II, traceology, functional analysis.*

Flint industries of Kostenki 8/II and Kostenki 11/II belong to the Gravettoid technocomplex. Despite some chronological differences, the industries of both sites have much in common (blunting retouch, burin blow technique, microblades, points on blades, etc.). However, the stone assemblages of both sites have never been compared regarding functions of particular types of tools. The paper presents the results of the first traceological analysis aimed at the comparison of several groups of tools made on blades, which are characteristic of the two assemblages. It is shown that as similar as they are, typologically identical tools from different sites do not have identical functions. They were used in quite different ways.

Literature

Аникович и др. 2008 — *Anikovich M. V., Popov V. V., Platonova N. I.* Paleolit Koste'nkovsko-Borsche'vskogo rayona v kontekste verhnego paleolita Evropy [*Paleolithic of the Kostenki-Borshchevo area in the context of the Upper Paleolithic of Europe*]. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2008. 304 p. (Proceedings of the Kostenki-Borshchevo Archaeological Expedition. Vol. 1) (in Russian).

Борисковский 1957 — *Boriskovsky P. I. Nekotorye voprosy razvitiya pozdnepaleoliticheskoy kul'tury' Russkoy ravniny* [Some questions of the development of the Upper Paleolithic culture on the Russian plain] // Okladnikov A. P. (ed.). *Paleolit i neolit SSSR. T. 3: Materialy po stratigrafii i otноситel'noy hronologii verhnego paleolita SSSR* [Paleolithic and Neolithic of the USSR. Vol. 3: Materials on the stratigraphy and relative chronology of the Upper Paleolithic of the USSR]. M.; L.: AS of the USSR, 1957. P. 174–190 (MSA. No. 59) (in Russian).

Дудин и др. 2016 — *Dudin A. E., Pustovalov A. Yu., Platonova N. I. Vtoroy kul'turny'y sloj stoyanki Koste'nki-8 (Tel'manskaya): struktura, ob'ekty mikrostratigrafii* [Second cultural layer of the Kostenki-8 site (Telmanskaya): structure and objects of microstratigraphy] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk SU. Series: History, philology]. 2016. Vol. 15, no. 3. P. 41–52 (in Russian).

Иванова 1985 — *Ivanova M. A. Struktura Gmelinskogo paleoliticheskogo poseleniya (po rezul'tatam planigraficheskogo i tipologicheskogo analiza kremnevoogo inventarya)* [Structure of the Gmelin Paleolithic settlement (based on the spatial and typological analysis of stone inventory)]; Abstract of Candidate of History thesis. L., 1985. 17 p. (in Russian).

Литовченко 1969 — *Litovchenko L. M. Tel'manskaya paleoliticheskaya stoyanka (II kul'turny'y sloj)* [Telmanskaya Paleolithic site (cultural layer II)] // SA. 1969. No. 3. P. 110–123.

Попов 1983 — *Popov V. V. Analiz kremnevoogo inventarya stoyanki Koste'nki 11 (II kul'turny'y sloj)* [Analysis of flint inventory of the Kostenki 11 site (cultural layer II)] // Sinyuk A. T. (ed.). *Drevnie pamyatniki na territorii Vostochnoy Evropy* [Ancient sites on the territory of East Europe]. Voronezh: State Pedagogical Institute, 1983. P. 5–13 (News of Voronezh State Pedagogical Institute. Vol. 227) (in Russian).

Попов и др. 2004 — *Popov V. V., Anikovich M. V., Hoffecker J., Dudin A. E., Pustovalov A. Yu., Chernyshov S. S. Koste'nki 11 (Anosovka 2)* [Kostenki 11 (Anosovka 2)] // Anikovich M. V., Platonova N. I. (eds.). *Koste'nki i rannyyaya pora verhnego paleolita Evrazii: obsch'ee i lokal'noe* [Kostenki and the early stage of the Upper Paleolithic of Eurasia: common and local traits]. Voronezh: Istoki, 2004. P. 6–17 (in Russian).

Радиоуглеродная хронология... 1997 — *Radiouglerodnaya hronologiya paleolita Vostochnoy Evropy i Severnoy Azii. Problemy i perspektivy. 1997* [Radiocarbon chronology of the Paleolithic of East Europe and North Asia. Problems and perspectives. 1997] / Sinityn A. A., Praslov N. D. (eds.). St. Petersburg: IHMC RAS, 1997 (Archaeological investigations. Vol. 52) (in Russian).

Рогачёв 1951 — *Rogachev A. N. O nijnem sloe kul'turnykh ostatkov Tel'manskoy stoyanki v Koste'nkah* [About the lower layer of cultural remains on the Telmanskaya site at Kostenki] // ВЦИИМС. 1951. Vol. 37. P. 23–29 (in Russian).

Рогачёв 1953 — *Rogachev A. N. Novye dannye o stratigrafii verhnego paleolita Vostochno-Evropeyskoy ravniny* [New data on the stratigraphy of the Upper Paleolithic of the East European Plain] // Okladnikov A. P. (ed.). *Paleolit i neolit SSSR. T. 2* [Paleolithic and Neolithic of the USSR. Vol. 2]. M.; L.: AS of the USSR, 1953. P. 39–55 (MSA. No. 39) (in Russian).

Рогачёв 1957 — *Rogachev A. N. Mnogosloynnye stoyanki Kostenkovsko-Borsch'evskogo rayona i problema razvitiya kul'tury v e'pohu verhnego paleolita na Russkoy ravnine* [Multilayered sites of the Kostenki-Borshchevo area and the problem of the development of culture in the Upper Paleolithic of the Russian Plain] // Okladnikov A. P. (ed.). *Paleolit i neolit SSSR. T. 3: Materialy po stratigrafii i otноситel'noy hronologii verhnego paleolita SSSR* [Paleolithic and Neolithic of the USSR. Vol. 3: Materials on the stratigraphy and relative chronology of the Upper Paleolithic of the USSR]. M.; L.: AS of the USSR, 1957. P. 9–134 (MSA. No. 59) (in Russian).

Рогачёв и др. 1982 — *Rogachev A. N., Anikovich M. V., Dmitrieva T. N. Koste'nki 8 (Tel'manskaya stoyanka)* [Kostenki 8 (Telmanskaya site)] // Praslov N. D., Rogachev A. N. (eds.). *Paleolit Koste'nkovsko-Borsch'evskogo rayona na Donu. 1879–1979* [Paleolithic of the Kostenki-Borshchevo area on the Don. 1879–1979]. L.: Nauka, 1982. P. 92–109 (in Russian).

Рогачёв, Попов 1979 — *Rogachev A. N., Popov V. V. Koste'nki 11 (Anosovka II)* [Kostenki 11 (Anosovka II)] // Goretzky V. I. (ed.). *Verhniy pleystocen i razvitie paleoliticheskoy kul'tury v centre Russkoy ravniny* [Upper Pleistocene and the development of the Paleolithic culture in the center of

the Russian Plain: Abstracts of papers presented at the All-Union conference dedicated to the 100th anniversary of the discovery of Paleolithic at Kostenki (20–25 August 1979). Voronezh: Voronezh SU, 1979. P. 84–87 (in Russian).

Рогачёв, Попов 1982 — *Rogachev A. N., Popov V. V. Kostenki 11 (Anosovka 2)* // Praslov N. D., Rogachev A. N. (eds.). *Paleolit Koste'nkovsko-Borsche'vskogo rayona na Donu. 1879–1979 [Paleolithic of the Kostenki-Borshchevo area on the Don. 1879–1979]*. L.: Nauka, 1982. P. 116–132 (in Russian).

Рогачёв, Аникович 1984 — *Rogachev A. N., Anikovich M. V. Pozdnyy paleolit Russkoy ravniny i Kryma [Late Paleolithic of the Russian Plain and Crimea]* // Boriskovsky P. I. (ed.). *Paleolit SSSR [Paleolithic of the USSR]*. M.: Nauka, 1984. P. 162–271 (Archaeology of the USSR) (in Russian).

Пустовалов, Родионов 2011 — *Pustovalov O. Yu., Rodionov A. M. Trasologicheskiy analiz skrebkovogo inventarya II kul'turnogo sloya stoyanki Koste'nki 8 (Tel'manskaya) [Traceological analysis of endscrapers from cultural layer II of Kostenki 8 (Telmanskaya)]* // Fedyunin I. V. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy [Archaeological sites of East Europe]*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2011. Vol. 14. P. 9–12 (in Russian).

Hoffecker, Holliday 2014 — *Hoffecker J. F., Holliday V. T. Landscape archaeology and the dispersal of modern humans in Eastern Europe* // Vasiliev S. A., Tkach E. S. (eds.). *Verhniy paleolit Severnoy Evrazii i Ameriki: pamyatniki, kul'tury, tradicii [Upper Paleolithic of North Eurasia and America: sites, cultures, traditions]*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2014. P. 140–158.

Reynolds et al. 2015 — *Reynolds N., Lisitsyn S. N., Sablin M. V., Barton N., Higham T. F. G. Chronology of the European Russian Gravettian: new radiocarbon dating results and interpretation* // *Quartär*. 2015. 62. P. 121–132.

ПЕРЬЯ ПТИЦ В СИСТЕМЕ ОФОРМЛЕНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОГО КОСТЮМА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)¹

А. В. ФРИБУС, С. П. ГРУШИН

Ключевые слова: *неолит, Алтай, Причумышье, кузнецко-алтайская культура, шаманизм, реконструкция костюма, палеозоология.*

Чумыш-Перекаат — новый грунтовый могильник, который исследуется совместной экспедицией Кемеровского ГУ и Алтайского ГУ с 2014 г. Памятник содержит материалы позднего неолита, эпохи бронзы, раннего железного века, средневековья. К неолитической эпохе отнесено 11 погребений, которые имеют много общего с материалами хорошо известных могильников лесостепного и предгорного Алтая: Большой Мыс/Иткуль, Усть-Иша, Тузовские бугры, Фирсово XI, Новоалтайск-Развилка и др. Погребение № 13 (рис. 1, 2) выделялось относительным богатством сопроводительного набора (каменный нож, отщеп, костяное острие, украшения) и особой погребальной конструкцией, в которой были использованы ветки деревьев. В статье рассматривается комплекс предметов, расположенных в области таза и бедренных костей погребенного (рис. 1, 5) — оторочка пояса или края одежды из 33 просверленных зубов канисовых, две пястно-запястные кости (пряжки) довольно крупной птицы и костяное изделие. Даются различные интерпретации данного комплекса в связи с реконструкцией отдельных элементов древнего костюма (рис. 1, 3, 4). Центральное место в этом наряде занимали закрепленные у правого бедра погребенного длинные маховые перья птицы. Образ птицы занимает особое место в мифологии и верованиях многих сибирских народов и играл важную роль в оформлении шаманского костюма и ритуальных практиках. Традиция использования частей крыльев птиц для оформления неолитического костюма зафиксирована впервые, что может указывать на особый статус погребенного.

Неолитическая эпоха на юге Западной Сибири по-прежнему является одной из наименее изученных и часто дискуссионных тем. В первую очередь это связано со спецификой источниковой базы. Грунтовые неолитические могильники здесь — редкая находка, а планомерные их поиски пока не увенчались успехом. Большинство известных сегодня памятников — случайные открытия, связанные с процессами антропогенного или естественного разрушения погребений. Поэтому находки любых новых погребальных неолитических памятников вызывают неизменный исследовательский интерес.

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта АлтГУ, поддержанного Правительством РФ (постановление № 220), договор № 14Z50.31.0010 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», и проекта № 33.2597.2017/ПП КемГУ.

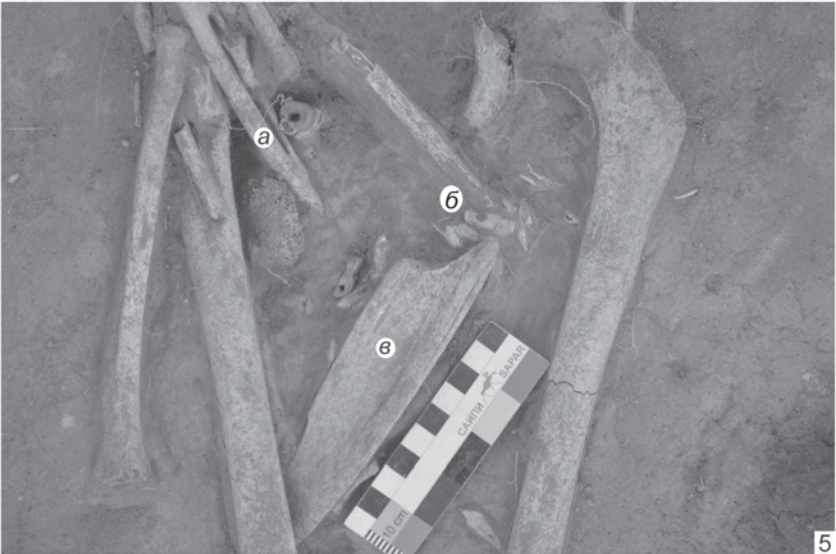
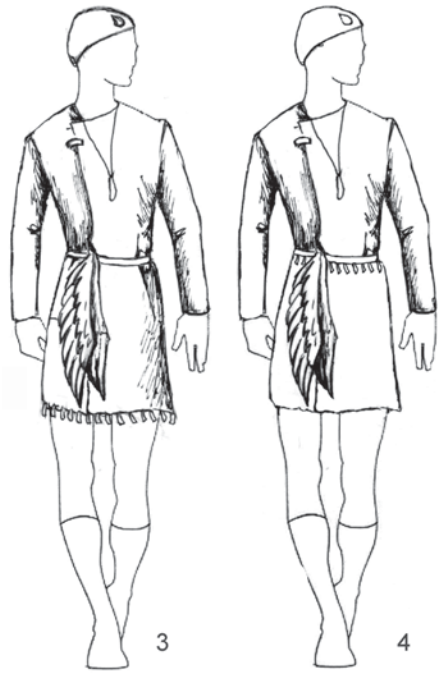
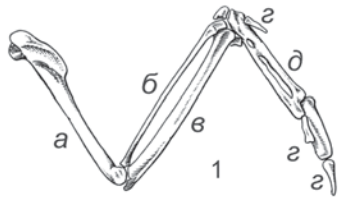
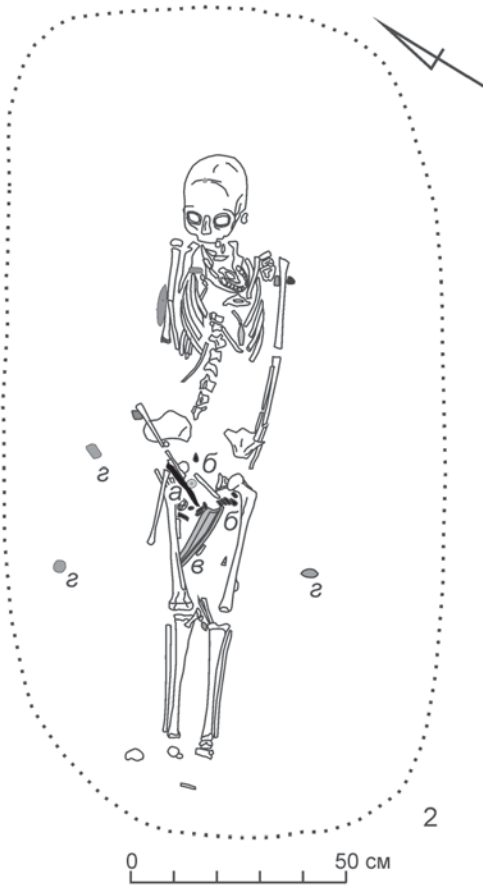
До настоящего времени в лесостепном Алтае и в северных предгорьях Горного Алтая было известно 16 погребальных памятников, которые соотносятся с эпохой неолита. Иногда это одиночные могилы, иногда — довольно большие (по меркам эпохи) некрополи, которые насчитывают до двух десятков могил. На общем фоне по количеству погребений выделяются два памятника — Большой Мыс/Иткуль (17 погр.) и Тузовские Бугры (21 погр.), а среди могильников предгорий — Усть-Иша (11 погр.) (Молодин 1999; Абдулганеев и др. 2000; Кирюшин и др. 2000; Кирюшин Ю., Кирюшин К. 2015; и др.). Исключительное положение занимает погребение в пещере Каминная — первое достоверно неолитическое погребение доафанасьевского времени на северо-западе Горного Алтая (Маркин 2000).

В 2012 г. на северо-востоке Алтайского края, в предгорьях Салаирского кряжа, С. П. Грушиным открыт грунтовый могильник, который содержал новые неолитические материалы. Памятник располагается на правом высоком берегу р. Чумыш и содержит разновременные материалы — от неолита до эпохи средневековья. В настоящее время здесь исследовано 11 погребений, которые могут быть отнесены к раннему комплексу (поздний неолит/энеолит) (обзор дискуссии — см.: Марочкин 2013; 2014). Они характеризуются набором признаков, которые позволяют сопоставить их с известными могильниками лесостепного и предгорного Алтая. Большинство погребений — индивидуальные, в одном случае (№ 8) — парное, в двух случаях (№ 1, 2 и № 6, 7) могилы детей были устроены рядом с погребениями взрослых. Захоронения производили в неглубоких ямах. Положение погребенных — вытянуто на спине, руки уложены на таз, ноги «стянуты в коленях». Ориентировка — на СВ, головой вниз по течению р. Чумыш (обычно при использовании местного ориентира погребенные уложены ногами вниз по течению реки). Фиксируются случаи вторичных захоронений (№ 8, 12). Инвентарь в большинстве могил отсутствует либо немногочислен и представлен орудиями из камня и кости.

Из общего стереотипа выделяется погр. 13 (рис. 1, 2), которое отличалось относительным богатством сопроводительного набора и своеобразной конструкцией. В могиле был похоронен подросток 10,5–11,5 л. (пол не определен)². Положение и ориентировка погребенного типичны — вытянуто на спине, головой на СВ, могила вписана в ряд. Инвентарь: кремневый нож, костяное изделие, отщеп. Украшения — «пояс» из зубов животных, резец бобра, каменная подвеска с насечками, небольшая фигурка-рыбка из перламутра. По периметру погребения зафиксированы фрагменты дерева, вероятно, остатки вертикально установленных шестов или веток, являвшихся элементами погребальной конструкции. Полученные материалы представляют интерес для реконструкции некоторых деталей древнего костюма.

В настоящей работе внимание сосредоточено лишь на одном элементе — комплексе предметов, обнаруженных в области таза и бедренных костей. Здесь горизонтальной линией располагались 33 зуба волка или собаки (рис. 1, 5б). Зубы

² Антропологические определения выполнены к. и. н. С. С. Тур (АлтГУ).

принадлежали 2–3 особям, имели подработку и отверстия для подвешивания в корневых отделах³. Над головкой правой бедренной кости зафиксированы две пястно-запястные кости птицы (так называемые пряжки) (рис. 1, 1, 5а), длина которых *in situ* составляла 10 см. Сохранность костей плохая, удалось извлечь лишь фрагменты. В одном случае этот несколько обломков трубчатых костей и сустав со следами сверления, в другом — сильно фрагментированные трубчатые кости. Обе кости идентичны и принадлежали одной и той же особи. Определить видовую принадлежность по сохранившимся фрагментам затруднительно, судя по размерам, кости принадлежали довольно крупной птице. К пряжке у птиц крепятся самые длинные в составе крыла маховые перья, имеющие, как правило, яркую окраску (так называемые первостепенные или маховые 1-го порядка). Таким образом, можно предполагать, что у правого бедра погребенного были размещены окончания двух крыльев с богатым оперением.

Находки костей птиц в неолитических погребениях Верхнего Приобья и сопредельных территорий немногочисленны. Это отполированная кость из погр. 3 могильника Заречное (Зах 2003: 67–68); две кости происходят из погр. 2 могильника Новоалтайск-Развилка; подобные находки представлены в погребении из Нижнетыткескенской пещеры 1, которое Ю. Ф. Кирюшин относит к большемысской культуре (Кирюшин и др. 1995: 28). В могильнике Новоалтайск-Развилка также зафиксирован миниатюрный игольник, изготовленный из лучевой кости птицы (по предположению авторов — крупной утки), который был украшен резным орнаментом в виде сетки (Кирюшин и др. 2006: 55, рис. 3, 3). Цилиндрические пронизки, выполненные из трубчатых костей птицы, найдены В. И. Молодиным в парном погребении могильника Большой Мыс/Иткуль (Молодин 1999: 44–45, рис. 2, 2).

Образ птицы присутствует и в предметах мелкой пластики из неолитических погребений: фрагментированное скульптурное изображение из Усть-Алейки (Шмидт 2005); две костяные фигурки из Яйского могильника (Матющенко 1963: 99, табл. II, 2, б); небольшое скульптурное изображение из разрушенного погребения Трекино (Бобров 1990: 21, рис. 1, 1); скульптурная фигурка из могильника

³ Палеозоологические определения выполнены к. биол. н. С. С. Онищенко (КемГУ).

Рис. 1. 1 — положение пястно-запястной кости (пряжки) в составе птичьего крыла (а–д — кости: а — плечевая; б — лучевая; в — локтевая; г — фаланги пальцев; д — пряжка); 2–5 — могильник Чумыш-Перекал, погр. 13: 2 и 5 — план погребения и фотография комплекса предметов в районе таза и бедренных костей погребенного (а — пястно-запястные кости птицы; б — оторочка из просверленных зубов животных; в — костяное изделие; г — древесный тлен); 3, 4 — варианты реконструкции элементов костюма погребенного

Fig. 1. 1 — position of the carpometacarpal bone in the wing (а–д — bones: а — humerus; б — radius; в — ulna; г — phalanges; д — buckle); 2–5 — Chumysh-Perekat cemetery, burial 13: 2 and 5 — plan of the burial and a photograph of the group of objects found near the pelvis and thigh bones (а — carpometacarpal bones of a bird; б — edging of perforated animal teeth; в — bone article; г — wood decay); 3, 4 — variants of reconstruction of the buried person's costume elements

Лебеди II (Bobrov 1988: 39, fig. 6, 1); стилизованная фигурка из Крутихи 5, погр. 1 (Молодин 1977: 28, табл. XVI, 3). Изображения могут быть как стилизованными, так и реалистичными, передают образ боровой и водоплавающей птицы. В некоторых случаях фигурки имеют вертикальные сквозные отверстия для подвешивания. Изредка изображения птицы встречаются на керамике поселений. Орнитоморфные образы в орнаментальной графике населения Западной Сибири эпохи энеолита и бронзы проанализированы В. В. Бобровым (Бобров 2013). В эпоху бронзы образ птицы получает дальнейшее развитие в искусстве и погребальной практике — орнитоморфные персонажи Каракола (Кубарев 2009), птицы на самусьской керамике (Есин 2009) или находки черепов журавлей в окуневских погребениях (Вадецкая 1986).

Зубы канисовых со сверлением являются одним из главных элементов в комплексе рассматриваемых предметов. Подобные находки представлены во многих неолитических могильниках рассматриваемого региона, в качестве подвесок использовали зубы волка, лисицы, медведя, кабана, барсука, сурка, лося, марала, костяные и перламутровые нашивки различных форм, створки раковин моллюсков. Часто элементы декора комбинировались, иногда украшения нашивали внахлест, составляя своеобразные декоративные ленты. Нашивки и подвески, как правило, тяготеют к определенным зонам: горизонтальные ряды в районе таза или чуть ниже тазовых костей, в районе груди, вертикальные ряды вдоль позвоночника, отдельные скопления в области шеи, груди, черепа, запястий, коленей. По мере накопления материала стало очевидно, что все это — элементы декора одежды, появились аргументированные реконструкции неолитического костюма.

Реконструкция, предложенная В. В. Бобровым, основывается на анализе материалов погр. 6 и 7 могильника Лебеди II в Кузнецкой котловине. Наряд женщины представлял собой удлиненную нераспашную куртку. Украшения располагались горизонтальной линией на поясе, по краю подола, в районе коленей, отдельные нашивки присутствовали в районе стоп (на обуви) и руках. Мужской костюм реконструируется как удлиненная распашная куртка, борт которой украшен вертикальным рядом нашивок из зубов животных. На графической реконструкции представлен пояс, который маркируют расположенные в этом районе три резца бобра (Bobrov 1988: fig. 6, 9). Анализируя размещение украшений в парном погребении могильника Большой Мыс/Иткуль, В. И. Молодин пришел к выводу, что мужчина и женщина, захороненные в нем, были одеты в одинакового кроя нераспашные куртки длиной ниже пояса. Украшения были нашиты горизонтальной линией в районе груди, пояса курток были декорированы тройным рядом каплевидных подвесок, которые нашивались внахлест, напоминая чешую. В женском костюме на поясе также присутствовали резцы сурка. Подолы курток были декорированы широким поясом нашивок аналогично поясу. В обоих случаях с помощью пронизок, каплевидных подвесок и перламутровых нашивок из озерных раковин были оторочены рукава. В. И. Молодин отмечал особую близость в си-

стеме расположения украшений с погр. 6 могильника Лебеди II (Молодин 1999: 39–43, 46). Реконструкция неолитического костюма, предложенная Н. Ю. Кунгуровой, основана на анализе погребений могильника Солонцы 5 в предгорьях Алтая, с привлечением материалов Усть-Иши, Большого Мыса/Иткуля, пещеры Каминная, Фирсово XI и др. Автору удалось выделить особенности украшений одежды для разных половозрастных категорий, по отдельным элементам костюма прослежены этнографические параллели. Для женского костюма, по ее мнению, характерны устойчивые комбинации нашивок в виде горизонтальных полос в районе грудной клетки, коленных суставов и в верхней части бедренных костей, ниже таза. У взрослых женщин к этой комбинации добавляются орнаментальные ленты в районе пояса. Мужские погребения не демонстрируют устойчивой системы. В погр. 1 нашивки образуют неполные ряды, пересекающие грудь, зафиксированы скопления в районе таза и ниже. В погр. 7 украшения располагались широкими лентами: на поясе, продольная лента от плеча к колену, полоса-оторочка задней части подола, лента на левом рукаве, подвески из зубов животных вдоль рук и бедер. В остальных трех мужских погребениях украшения были более скромными и не образовывали четко прослеживаемых комбинаций (Кунгурова 2004: 11–20; 2005: 38–50, рис. 44–47).

Принципиальным является вопрос, что представляют собой горизонтальные линии подвесок, располагавшиеся в районе таза: орнаментальные линии нашивок на самой одежде или самостоятельный элемент костюма — пояс. Из текста В. И. Молодина следует, что это именно украшения куртки (Молодин 1999: 41), хотя Н. Ю. Кунгурова со ссылкой на эту работу говорит о поясах (Кунгурова 2005: 43). Из ее анализа погребений Солонцы 5 однозначный вывод о наличии поясов как отдельных элементов костюма сделать также сложно. В погр. 7 могильника Лебеди II пояс реконструируется, однако какие-либо нашивки на нем отсутствуют. Наличие поясного ремня как отдельного элемента костюма допускает С. В. Маркин для погребения в пещере Каминная. Это предположение сделано на основании находки миниатюрной «пряжки» — костяной пластинки плоско-выпуклого сечения. Однако ее малые размеры и отсутствие отверстия заставляют автора констатировать, что «реконструировать поясную одежду женщины не представляется возможным» (Маркин 2000: 60).

Последний элемент, который, по всей видимости, относится к рассматриваемому комплексу — костяное изделие, выполненное из расколотого диафиза кости животного (рис. 1, 5в). Длина изделия — 18,2 см, максимальная ширина — 4,5 см. Один конец заострен, второй имеет оформленный уступ. Предмет располагался ниже тазовых костей, наклонно, между бедрами, приостренная его часть находилась под правой бедренной костью, из чего можно заключить, что он был помещен за спиной погребенного. По общему абрису и пропорциям предмет напоминает обойму вкладышевого орудия (кинжала). Однако следы пазов и самих вкладышей

отсутствуют. Аналогии подобным изделиям известны по материалам раскопок А. П. Окладникова и М. М. Герасимова на Фофановском могильнике в Забайкалье. Они определяются как «костяные острия» без уточнения функционального предназначения (Лбова и др. 2008: рис. 15, 2; 16; 17, 1). Стоит отметить, что авторы причисляют к этой категории изделия различных форм. Таким образом, можно условно назвать предмет, найденный на Чумыше-Перекате, костяным кинжалом (?) или острием.

Существует несколько вариантов интерпретации данного комплекса. На первый взгляд, взаимосвязанное расположение предметов, отверстия для подвешивания позволяют предполагать наличие отдельного элемента костюма — поясного ремня. Это могла быть функциональная вещь, украшенная подвесками из зубов животных и перьями птиц, которой, если допустить наличие рукояти, например деревянной, фиксировался костяной кинжал (рис. 1, 4). Определенные сомнения вызывает то, что все предметы, кроме костей птицы, расположены не в области талии, а ниже тазовых костей, практически на бедрах. Второй вариант основывается на том, что подвески концентрировались под тазом в основном с левой стороны, располагаясь по верхней кромке, ниже уровня костяного изделия. Теоретически можно предположить, что они могли относиться к декору чехла костяного изделия или «ремня», с помощью которого он мог носиться или был закреплен на одежде. Наконец, третий вариант предполагает, что все элементы находятся в одной зоне, но не связаны друг с другом. В этом случае перья крепились к нижнему краю короткой куртки или на поясе в районе правого бедра, подол украшали подвески из зубов животных, костяной предмет уложен отдельно сзади между бедрами погребенного. В пользу этого предположения говорит тот факт, что зона расположения подвесок (на бедрах, ниже таза) практически полностью совпадает с зонами, выделенными В. И. Молодиным в Иткульском могильнике (Молодин 1999: 38, рис. 1) и Н. Ю. Кунгуровой на Солонцах 5 (Кунгурова 2005: 125, рис. 48, 1, 2). Такая трактовка представляется наименее противоречивой. Что касается остальных украшений, то резец бобра, располагавшийся в правой части грудного отдела, мог служить застежкой (в таком случае куртка была распашной); перламутровая фигурка-рыбка вероятнее всего является подвеской-амулетом, а каменная подвеска, найденная в области черепа, могла украшать головной убор (рис. 1, 3).

Вне зависимости от того, каким образом интерпретировать весь комплекс в целом, длинные маховые перья, безусловно, занимали в нем центральное место. Обращаясь к семантике образа птицы, большинство исследователей отмечают сложный комплексный характер этого персонажа в системе мировоззренческих представлений населения лесной зоны Евразии в эпоху неолита — энеолита (Усачёва 1998: 105–134; Чаиркина 1998: 81–104; Молодин и др. 1999: 77; Морозов, Умеренкова 2015: 74 и др.). Суммируя точки зрения, можно выделить несколько смысловых рядов, в которых образ птицы играет ключевую роль.

Первое — птица-демиург, выступающая в качестве главного персонажа космогонического мифа (миф о ныряющей птице). Этот широко распространенный сюжет подробно проанализирован В. В. Напольских. Фабула его сводится к тому, что на дно первичного океана за землей ныряют разные птицы (в наиболее распространенном варианте — водоплавающие), но безрезультатно; последней ныряет самая маленькая из них и именно ей удается достичь дна и принести песчинку, из которой возникает суша. Зарождение этой мифологемы автор относит к эпохе палеолита (Напольских 1990: 9).

Второе — универсальный комплекс представлений о птице как воплощении души. В архаичной структуре Вселенной, которая реализована в идее Мирового древа (древа жизни), птицам отводится место в верхнем регистре, на его вершине. Кроме того, с помощью птицы душа может перемещаться из Верхнего мира в Средний, мир людей, где она обретает новую сущность (Новгородова 1995; Черемисин 1997: 38; Чаиркина 1998: 99–100 и др.).

Третье — образ птицы мог воплощать тотемистические представления. Определенные свидетельства того, что различные виды птиц почитались в качестве предков-тотемов отдельных родов и родовых групп, известны в этнографии палеоазиатских и финно-угорских народов (Косарев 1988: 103 и др.).

И наконец, последнее. Трудно переоценивать ту роль, которую играл образ птицы в оформлении шаманского костюма и ритуальных шаманских практиках сибирских народов по данным этнографии. Практически все исследователи, обращавшиеся к анализу шаманского костюма, отмечали, что наряд шамана наделяет его новым магическим телом в образе животного. Чаще всего ритуальная одежда воспроизводит образ птицы, оленя и медведя (Элиаде 2000: 89). Автор классической работы по истории сибирского шаманского костюма Е. Д. Прокофьева считала, что любой шаманский костюм в основе своей имеет образ птицы, и тип этот наиболее древний. Позднее появляются комбинированные вариации, когда в одном наряде сочетается несколько образов, например птицы и лося, но доминирующей все равно остается символика птицы, формирующая саму структуру шаманского одеяния. По ее мнению, образ птицы наиболее полно отражен в шаманской одежде северных и южных алтайцев, хакасов, тувинцев, тофаларов, а также монголов и бурят, живущих на территории, примыкающей с юга к Алтаю (Прокофьева 1971: 16, 79).

Структура костюма и семантика его отдельных элементов действительно тесно связаны с орнитоморфной символикой. С помощью различных материалов на рукавах шаманской куртки изображаются различные элементы крыла. Железные нашивки имитируют отдельные кости крыла и суставы. У якутских шаманов наряд представлял собой целый скелет птицы, сделанный из железа (Элиаде 2000: 90). С помощью меховых полосок показывается птичий пух. Бахрома и кожаные жгуты различной длины, трубчатые подвески имитируют короткие и длинные

перья. Е. Д. Прокофьева отмечает случай, зафиксированный у якутов, когда на рукавах были подвешены основания (цилиндрики) птичьих перьев (Прокофьева 1971: 16, 42). Точно также обшивается бахромой и лентами различной длины и подол, что в целом придает шаманскому кафтану орнитоморфный облик (Васильев 1910: 4–5, рис. 1, 2).

Кроме имитаций, шаманский костюм мог включать также и сами шкурки зверей и птиц или их отдельные части (когти, клювы, крылья, перья). Так, например, у алтайцев зафиксированы «ошейники», украшенные бахромой из перьев черных и коричневых сов. Головной убор украшали перьями лебедя, орла, совы, известны экземпляры, украшенные хвостовым оперением филина. Телеутские и алтайские шаманы делали свой колпак из шкуры (чучела) коричневой совы, оставляя крылья, а иногда и голову для украшения, а под мышками на куртку пришивались крылья от той же птицы (Потапов 1991: 206; Элиаде 2000: 89). У монгольского шамана крылья птицы пришивались к костюму сзади в области плеч. У хакасов (качинцев) к поясу шамана подвязывали с боков два птичьих крыла и несколько высушенных птичьих лап с когтями (Прокофьева 1971: 64; Элиаде 2000: 89). Фигурки птиц, которые служили подвесками, изображающими духов-помощников шамана, чаще всего изображают орла, филина, журавля, гагару, утку, гуся, кукушку (Анисимов 1951: 198–199, рис. 1–3, 6; Прокофьева 1971: 87). Основное предназначение шаманского костюма, воплощающего образ птицы, очевидно — такой наряд наделяет своего обладателя способностью совершать полеты, перемещаться в потусторонний мир.

Идея ирреального полета развивается и во время самих камланий. Раздобыв магическое перо, шаман во время обряда с помощью танца и движений рук воспроизводит полет птиц, имитирует их голоса и пение. А. Ф. Анисимов приводит интересные сведения о роли птиц в шаманских обрядах из этнографии эвенков. По их представлениям одним из самых хитрых духов-помощников шамана (харги и марги) является гусь. При изгнании болезни он засовывает нос в желудок больного и ловит клювом духа — причину болезни. При этом если дух вырывается, по совету харги шаман обмахивает больное место орлиными перьями (Анисимов 1958: 210–211). Из этого следует, что образ птицы и ее отдельные атрибуты (крылья, когти, перья) могут выступать не только элементами костюма, но и приспособлениями, которые используются во время камланий. Особая роль, которая отведена птице в шаманских ритуалах, иногда объясняется представлениями многих сибирских народов о том, что прародителем всех шаманов является орел (Элиаде 2000: 43–45).

Безусловно, было бы определенным упрощением интерпретировать рассматриваемый комплекс исключительно в русле параллелей из этнографии (см., напр. Grosman et al. 2008), учитывая тот факт, что в ней похоронен подросток. Тем не менее, архаичность и консервативность шаманских представлений и культов, за-

фиксированная у многих сибирских народов, заставляет отнести к обнаруженным аналогиям с определенным вниманием. Впервые в неолитических материалах зафиксирована традиция использования перьев птиц для оформления костюма. На неординарность данного погребения, особый статус человека, захороненного в нем, указывает и еще одно обстоятельство. Из 11 неолитических могил, исследованных на Чумыше, лишь в двух случаях были обнаружены сопроводительные наборы более 1–2 предметов и украшения. Вторая такая могила (№ 27) содержала комплекс каменных и костяных предметов под головой погребенного, единичные подвески из зубов сурка, лисицы и лося, а также «кинжал-жезл», изготовленный из ребра крупного копытного, который венчает изображение лосиной головы.

Литература

Абдулганеев и др. 2000 — *Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Пугачев Д. А., Шмидт А. В.* Предварительные итоги исследований могильника Тузовские Бугры I // Деревянко А. П., Молюдин В. И. (ред.). Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. Т. 6. С. 206–210.

Анисимов 1951 — *Анисимов А. Ф.* Шаманские духи по воззрениям эвенков и тотемистические истоки идеологии шаманства // Толстов С. П. (ред.). Сб. МАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 13. С. 187–215.

Анисимов 1958 — *Анисимов А. Ф.* Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 236 с.

Бобров 1990 — *Бобров В. В.* Материалы разрушенных неолитических погребений кузнецко-алтайской культуры // Кирюшин Ю. Ф. (ред.). Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1990. С. 19–32.

Бобров 2013 — *Бобров В. В.* Орнитоморфный образ в орнаментальной графике древних народов Западной Сибири // Вестник КемГУ. 2013. Т. 4, № 3. С. 5–12.

Вадецкая 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Васильев 1910 — *Васильев В. Н.* Шаманский костюм и бубен у якутов. СПб.: Тип. Имп. АН, 1910. 47 с. (Сб. МАЭ. Т. 1, вып. 8).

Есин 2009 — *Есин Ю. Н.* Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 2009. 526 с. (Тр. музея археологии и этнографии Сибири. Т. 2).

Зах 2003 — *Зах В. А.* Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Изд-во Института проблем освоения севера СО РАН, 2003. 168 с.

Кирюшин и др. 1995 — *Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Степанова Н. Ф.* Археология Нижнетягскенской пещеры I (Алтай). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. 150 с.

Кирюшин и др. 2000 — *Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю., Кадиков Б. Х.* Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. 117 с.

Кирюшин и др. 2006 — *Кирюшин К. Ю., Пугачев Д. А., Семибратов В. П.* Грунтовый могильник Новоалтайск-Развилка — новый памятник неолита–энеолита Барнаульского Приобья // Демин М. А., Щеглова Т. К., Телегин А. Н. (ред.). Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история. Барнаул: Изд-во Барнаульского ГПУ, 2006. С. 52–58.

Кирюшин Ю., Кирюшин К. 2015 — *Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю.* Проблемы культурной принадлежности ранних погребений грунтового могильника Тузовские бугры I (одна из

версий историко-культурной интерпретации) // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 2 (12). С. 52–68.

Косарев 1988 — *Косарев М. Ф.* Человек и живая природа в свете сибирских этнографических и археологических материалов // Дэвлет М. А. (ред.). Некоторые проблемы сибирской археологии. М.: ИА АН СССР, 1988. С. 54–83.

Кубарев 2009 — *Кубарев В. Д.* Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 264 с.

Кунгурова 2004 — *Кунгурова Н. Ю.* Женский костюм в IV тыс. до н. э. (по материалам погребений кузнецко-алтайской культуры) // АЭАЕ. 2004. № 2. С. 11–20.

Кунгурова 2005 — *Кунгурова Н. Ю.* Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: Изд-во Барнаульского юридического института МВД России, 2005. 127 с.

Лбова и др. 2008 — *Лбова Л. В., Жамбалтарова Е. Д., Конев В. П.* Погребальные комплексы неолита — раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 248 с.

Маркин 2000 — *Маркин С. В.* Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // АЭАЕ. 2000. № 2. С. 53–64.

Марочкин 2013 — *Марочкин А. Г.* Культурно-хронологические концепции неолита и раннего металла Верхнего Приобья в отечественной историографии 1970 — начала 2010-х годов // Вестник Томского ГПУ. 2013. № 7 (135). С. 84–90.

Марочкин 2014 — *Марочкин А. Г.* Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 205 с.

Матющенко 1963 — *Матющенко В. И.* Яйский неолитический могильник // Сб. науч. работ исторических кафедр. Томск: Изд-во ТГУ, 1963. С. 97–103 (Тр. ТГУ. Т. 165).

Молодин 1977 — *Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 169 с.

Молодин 1999 — *Молодин В. И.* Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Бобров В. В. (ред.). Проблемы неолита — энеолита юга Западной Сибири: материалы совещания. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 36–57.

Молодин и др. 1999 — *Молодин В. И., Новиков А. В., Чикишева Т. А.* Неолитический могильник Корчуган на Средней Таре // Там же. С. 66–98.

Морозов, Умеренкова 2015 — *Морозов А. В., Умеренкова О. В.* Мелкая пластика эпохи неолита — энеолита Сибири // Вестник КемГУ. 2015. № 3 (1). С. 71–77.

Напольских 1990 — *Напольских В. В.* Семантика образов водоплавающих птиц в прауральской мифологии // Известия СО АН СССР. Серия истории, философии и филологии. 1990. № 1. С. 5–21.

Новгородова 1995 — *Новгородова Л. И.* Реликты древних культур в обрядовой одежде якутов // Вузовская наука 50-летию Великой Победы. Якутск: Изд-во Якутского ГУ, 1995. С. 66–68.

Потапов 1991 — *Потапов Л. П.* Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 319 с.

Прокофьева 1971 — *Прокофьева Е. Д.* Шаманские костюмы народов Сибири // Потапов Л. П., Иванов С. В. (ред.). Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Л.: Наука, 1971. С. 5–100 (Сб. МАЭ. Т. 27).

Усачёва 1998 — *Усачёва И. В.* К истокам мировоззрения древних уральцев (по материалам древней глиняной и кремневой пластики эпохи неолита — бронзы оз. Андреевского Тюменской обл.) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. Вып. 23. С. 105–134.

Чаиркина 1998 — *Чаиркина Н. М.* Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов среднего Зауралья // Там же. С. 81–104.

Черемисин 1997 — *Черемисин Д. В.* К ирано-тюркским связям в области мифологии. Богиня Умай и мифическая птица // Деревянко А. П. (ред.). Народы Сибири. История и культура. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 31–43.

Шмидт 2005 — *Шмидт А. В.* Неолит Приобского плато: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.

Элиаде 2000 — *Элиаде М.* Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.

Bobrov 1988 — *Bobrov V. V.* On the Problem of Interethnic Relations in South Siberia in the Third and Early Second Millennia B. C. // *Arctic Anthropology*. 1988. Vol. 25, no. 2. P. 30–46.

Grosman et al. 2008 — *Grosman L., Munro N. D., Belfer-Cohen A.* A 12,000 year-old Shaman burial from the southern Levant (Israel) // *Proceedings of the National AS of the USA*. 2008. Vol. 105, no. 46. P. 17665–17669.

BIRD FEATHERS IN THE MAKEUP OF A NEOLITHIC COSTUME (BASED ON THE MATERIALS OF THE CHUMYSH-PEREKAT CEMETERY IN THE SOUTH OF WEST SIBERIA)

A. V. FRIBUS, S. P. GRUSHIN

Keywords: *Neolithic, Altai, Chumysh area, Kuznetsk-Altai culture, shamanism, costume reconstruction, paleozoology.*

Chumysh-Perekat is a new burial ground which has been studied by a joint expedition from the Kemerovo and Altai state universities since 2014. The site contains Late Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age and medieval materials. The Neolithic period is represented by 11 burials, which have much in common with materials of the well known cemeteries from the forest-steppe and submontane parts of Altai: Bolshoi Mys/Itkul, Ust-Isha, Tuzovskie Bugry, Firsovo XI, Novoaltaisk-Razvilka, etc. Burial no. 13 (Fig. 1, 2) stands out for its relatively rich accompanying inventory (a stone knife, a flake, a bone point, adornments) and an original grave construction built with the use of twigs. The paper deals with the group of objects found near the pelvis and thighs of the corpse (Fig. 1, 5): belt or dress edging consisting of 33 perforated canid teeth, two carpometacarpal bones (buckles) of a big bird, and a bone article. The authors provide different interpretations of this assemblage dependant on the reconstruction of various elements of the ancient costume (Fig. 1, 3, 4). The central role in this attire belonged to the long flight feathers of a bird attached at the right thigh of the buried person. The bird image occupies a special position in the mythology and beliefs of many Siberian peoples. It played an important role in the shaman costume and ritual practices. The use of parts of bird wings in the Neolithic costume is reported here for the first time. It may be indicative of a special status of the buried person.

Literature

Абдулганеев и др. 2000 — *Abdulganeev M. T., Kirushin Yu. F., Pugachev D. A., Shmidt A. V. Predvaritelnye itogi issledovaniy mogilnika Tuzovskie Bugry I [Preliminary results of the Tuzovskie Bugry I research]* // Derevyanko A. P., Molodin V. I. (eds.). *Problemy arheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy [The problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and the adjacent territory]*. Novosibirsk: IAE, 2000. T. 6. P. 206–210 (in Russian).

Анисимов 1951 — *Anisimov A. F. Shamanskii duhi po vozzreniyam evenkov i totemicheskie istoki ideologii shamanstva [Shaman spirits in beliefs of the Evenks and totem roots of the Shaman ideology]* // Tolstov S. P. (ed.). MAE collection. M.; L.: AS of the USSR, 1951. Vol. 13. P. 187–215 (in Russian).

Анисимов 1958 — *Anisimov A. F. Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i probleme proishozhdeniya pervobytnykh verovaniy [The religion of Evenks in a historical-genetic research and problems of the origins of primordial beliefs]*. M.: AS of the USSR, 1958. 236 p. (in Russian).

Бобров 1990 — *Bobrov V. V. Materialy razrushennykh neoliticheskikh pogrebeniy kuznecko-altayskoy kultury [Materials from destroyed Neolithic burials of the Kuznetsk-Altai culture]* // Kirushin Yu. F. (ed.). *Problemy arheologii i etnografii Yuzhnoy Sibiri [Problems in archaeology and ethnography of South Siberia]*. Barnaul: Altay SU, 1990. P. 19–32 (in Russian).

Бобров 2013 — *Bobrov V. V. Ornitomorfnyy obraz v ornamentalnoy grafike drevnykh narodov Zapadnoy Sibiri [Ornithomorphic image in ornamental graphics of the ancient peoples of Western Siberia]* // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo SU]*. 2013. Vol. 4, no. 3. P. 5–12 (in Russian).

Вадецкая 1986 — *Vadetskaya E. B. Arheologicheskie pamyatniki v stepayh Srednego Eniseya [Archaeological sites in the Middle Enisey steppes]*. L.: Nauka, 1986. 180 p. (in Russian).

Васильев 1910 — *Vasil'ev V. N. Shamansky kostum i buben u yakutov [The Yakut shaman's costume and drum]*. St. Petersburg, 1910. 47 p. (MAE collection. T. 1, vol. 8) (in Russian).

Есин 2009 — *Esin Yu. N. Drevnee iskusstvo Sibiri: samus'skaya kultura [Ancient art of Siberia: the Samus' culture]*. Tomsk: Tomsk SU, 2009. 526 p. (Proceedings of the Museum of archaeology and ethnography of Siberia. T. 2) (in Russian).

Зах 2003 — *Zah V. A. Epoha neolita i rannego metalla lesostepnogo Prislair'ya i Priob'ya [Neolithic and Early Metal Period in the forest-steppe parts of the Salair and Ob' rivers]*. Tumen': Northern Research Institute of the Siberian Branch of RAS, 2003. 168 p. (in Russian).

Кирюшин и др. 1995 — *Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L., Stepanova N. F. Arheologiya Nizhnetytkeskenskoy Peshery 1 (Altay) [Archaeology of Nizhnetytkeskenskaya cave 1 (Altay)]*. Barnaul: Altay SU, 1995. 150 p. (in Russian).

Кирюшин и др. 2000 — *Kiryushin Yu. F., Kungurova N. Yu., Kadikov B. H. Drevneyshie mogilniki severnykh predgoriy Altaya [Most ancient burial sites of the northern foothills of Altay]*. Barnaul: Altay SU, 2000. 117 p. (in Russian).

Кирюшин и др. 2006 — *Kirushin K. Yu., Pugachev D. A., Semibratov V. P. Gruntovy mogilnik Novoaltaysk-Razvilka — novyy pamyatnik neolita — eneolita Barnaulskogo Priob'ya [Novoaltaysk-Razvilka burial ground — a new Neolithic-Eneolithic site at the Barnaul part of the Ob' region]* // Demin M. A., Shcheglova T. K., Telegin A. N. (eds.). *Polevye issledovaniya v Verhnem Priob'e i na Altae: arheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya [Field research in the Upper Ob' area and Altay: archaeology, ethnography, oral history]*. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University, 2006. P. 52–58 (in Russian).

Кирюшин Ю., Кирюшин К. 2015 — *Kiryushin Yu. F., Kiryushin K. Yu. Problemy kulturnoy prinadlegnosti rannikh pogrebeniy gruntovogo mogilnika Tuzovskie Bugry I (odna iz versiy istoriko-kulturnoy interpretatsii) [Problems of cultural attribution of the early graves from the Tuzovskie Bugry I burial ground (one of the versions of historical and cultural interpretation)]* // *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological research]*. 2015. No. 2 (12). P. 52–68 (in Russian).

Косарев 1988 — *Kosarev M. F. Chelovek i zhivaya priroda v svete sibirskih etnograficheskikh i arheologicheskikh materialov [Man and nature in the light of Siberian archaeological and ethnographic materials] // Nekotorye problemy sibirskoy arheologii [Some problems of Siberian archaeology]. M.: Nauka, 1988. P. 54–83 (in Russian).*

Кубарев 2009 — *Kubarev V. D. Pamyatniki karakolskoy kultury Altaya [Sites of the Karakol culture of Altay]. Novosibirsk: IAE, 2009. 264 p. (in Russian).*

Кунгурова 2004 — *Kungurova N. Yu. Zhensky kostum v IV tys. do n.e. (po materialam pogrebeniy kuznetsko-ataiskoy kultury) [Woman costume in the IV millennium B. C. (with particlar reference to the KuznetskAltay culture burials)] // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [AEAE]. 2004. No 2. P. 11–20 (in Russian).*

Кунгурова 2005 — *Kungurova N. Yu. Mogilnik Solontcy-5. Kultura pogrebennykh neolita Altaya [Solontcy-5 cemetery: the culture of the buried people in the Neolithic of Altay]. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 2005. 127 p. (in Russian).*

Лбова и др. 2008 — *Lbova L. V., Zhabaltarova E. D., Konev V. P. Pogrebalnye komplekxy neolita — rannego bronzovogo veka Zabaykaliya (formirovanie arhetipov pervobytnoy kultury) [Neolithic — Early Bronze Age burial complexes of Transbaikalia (the formation of prehistoric culture archetypes)]. Novosibirsk: IAE, 2008. 248 p. (in Russian).*

Маркин 2000 — *Markin S. V. Neoliticheskoe pogrebenie Severo-Zapadnogo Altaya [Neolithic burial in the North-Western Altay] // AEAE. 2000. No 2. P. 53–64 (in Russian).*

Марочкин 2013 — *Marochkin A. G. Kulturno-hronologicheskie koncepcii neolita i rannego metalla Verhnego Priob'ya v otechestvennoy istoriografii 1970 — nachala 2010-h godov [Cultural and chronological concepts of the Upper Ob' Neolithic and Early Metal Period in Russian historiography of the 1970s — early 2010s] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University]. 2013. No. 7 (135). P. 84–90 (in Russian).*

Марочкин 2014 — *Marochkin A. G. Pogrebalnaya praktika naseleniya Verhnego Priob'ya v periody neolita i eneolita (istoriya izucheniya, strukturnyi analiz i tipologiya, problemy kulturno-hronologicheskoy interpretacii) [Funeral practice of the Upper Ob' people in the Neolithic and Eneolithic (history of research, structural analysis and typology, problems of cultural and chronological interpretation)]: Candidate of History thesis. Kemerovo, 2014. 205 p. (in Russian).*

Матющенко 1963 — *Matyushchenko V. I. Yaiskiy neoliticheskii mogilnik (Yaisk Neolithic cemetery) // Sbornik nauchnykh rabot istoricheskikh kafedr [Collection of scholarly works of historical departments]. Tomsk: Tomsk SU, 1963. P. 97–103 (Proceedings of Tomsk SU. T. 165) (in Russian).*

Молодин 1977 — *Molodin V. I. Epoha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtys'h'ya [Neolithic and Bronze Age in the forest-steppe part of the Ob'-Irtys'h' region]. Novosibirsk: Nauka, 1977. 169 p. (in Russian).*

Молодин 1999 — *Molodin V. I. Neoliticheskoe pogrebenie na ozere Itkul i nekotorye soobrazheniya po povodu pogrebalnykh kompleksov dannoy epohi v predgoryah i gorah Altaya [A Neolithic burial on Lake Itkul and some thoughts regarding burial complexes of this epoch in the Altay foothills and mountains] // Bobrov V. V. (ed.). Problemy neolita — eneolita yuga Zapadnoy Sibiri: materialy soveshaniya [Problems of the Neolithic and Eneolithic in the south of West Siberia: materials of the conference]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999. P. 36–57 (in Russian).*

Молодин и др. 1999 — *Molodin V. I., Novikov A. V., Chikisheva T. A. Neoliticheskii mogilnik Korchugan na Sredney Tare [Neolithic cenetery of Korchugan on the Middle Tara] // Ibid. P. 66–98 (in Russian).*

Морозов, Умеренкова 2015 — *Morozov A. V., Umerenkova O. V. Melkaya plastika epohi neolita — eneolita Sibiri [Small statuary in the Neolithic and Eneolithic of Siberia] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo SU]. 2015. No. 3 (1). P. 71–77 (in Russian).*

Напольских 1990 — *Napolskih V. V. Semantika obraza vodoplavaushih ptic v prauralskoy myfologii [Semantics of the waterfowl images in the proto-Uralic mythology] // Izvestiya Sibirskogo*

otdeleniya AN SSSR. Seriya istorii, filosofii i filologii [*Proceedings of the Siberian Branch of the AS of the USSR. History, philosophy, philology series*]. 1990. No. 1. P. 5–21 (in Russian).

Новгородова 1995 — *Novgorodova L. I. Relikty drevnykh kultur v obryadovoy odezhde yakutov* [*Relics of ancient cultures in the ritual clothing of Yakuts*] // *Vuzovskaya nauka 50-letiu Velikoy Pobedy* [*University science to the 50th anniversary of the Great Victory*]. Yakutsk: Yakutsk SU, 1995. P. 66–68 (in Russian).

Потапов 1991 — *Potapov L. P. Altaiskiy shamanizm* [*Altay shamanism*]. L.: Nauka, 1991. 319 p. (in Russian).

Прокофьева 1971 — *Prokofieva E. D. Shamanskije kostumy narodov Sibiri* [*Shaman costumes of Siberian peoples*] // Potapov L. P., Ivanov S. V. (eds.). *Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX — nachale XX veka* [*Religious ideas and rituals of the peoples of Siberia in the XIX — early XX century*]. L.: Nauka, 1971. P. 5–100 (MAE Collection. T. 27) (in Russian).

Усачёва 1998 — *Usach'eva I. V. K istokam mirovozzreniya drevnykh uralcev (po materialam drevney glyunyanoy i kremnevoy plastiki epohi neolita — bronzy oz. Andreevskogo Tumenskoj obl.* [*To the roots of ideology of the ancient Uralian people (based on the ancient clay and flint art objects from the Neolithic and Bronze Age of Lake Andreevo, Tyumen region)*] // *Voprosy arheologii Urala* [*Questions of Uralian archaeology*]. Ekaterinburg, Ural SU, 1998. Vol. 23. P. 105–134 (in Russian).

Чаиркина 1998 — *Chairkina N. M. Antropo- i zoomorfnye obrazy eneoliticheskikh kompleksov srednego Zauraliya* [*Anthropo- and zoomorphic images from the Eneolithic complexes of Middle Trans-Ural*] // *Ibid.* P. 81–104 (in Russian).

Черемисин 1997 — *Cheremisin D. V. K irano-turkskim svyazyam v oblasti myfologii. Boginya Umay i myficheskaya ptitsa* [*On the Iranian — Turkic connections in the field of mythology. The Umay goddess and the mythical bird*] // Derevyanko A. P. (ed.). *Narody Sibiri. Istoriya i kultura* [*The peoples of Siberia. History and culture*]. Novosibirsk: IAE, 1997. P. 31–43 (in Russian).

Шмидт 2005 — *Shmidt A. V. Neolit Priobskogo plato* [*Neolithic of the Ob' plateau*]: Abstract of Candidate of History thesis. Barnaul, 2005. 24 p. (in Russian).

Элиаде 2000 — *Eliade M. Shamanizm: arhaicheskie tehniki extazy* [*Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*]. Kiev: Sofiya, 2000. 480 p. (in Russian).

Bobrov 1988 — *Bobrov V. V. On the Problem of Interethnic Relations in South Siberia in the Third and Early Second Millennia B. C.* // *Arctic Anthropology*. 1988. Vol. 25, no. 2. P. 30–46.

Grosman et al. 2008 — *Grosman L., Munro N. D., Belfer-Cohen A. A 12,000 year-old Shaman burial from the southern Levant (Israel)* // *Proceedings of the National AS of the USA*. 2008. Vol. 105, no. 46. P. 17665–17669.

К ДАТИРОВКЕ ГЕОКСЮРСКОГО КОМПЛЕКСА (НОВЫЕ ДАННЫЕ ИЗ АЛТЫН-ДЕПЕ В ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ)

Л. Б. КИРЧО

Ключевые слова: Южная Туркмения, Алтын-депе, средний и поздний энеолит, периодизация, геоксюрский комплекс, стратиграфия, радиоуглеродное датирование.

Развитие древнеземледельческой культуры на юго-западе Средней Азии в периоды среднего и позднего энеолита (времени Намазга II–III) проходило в условиях интенсивных культурных взаимодействий в период позднеурукской и протоэламской экспансии (вторая половина IV — начало III тыс. до н. э.). Эти взаимодействия, обусловленные, вероятно, добычей и обменом (торговлей?) камнем (лазуридом, алебастром и др.) и металлом, которые доставлялись при посредничестве населения среднеазиатского и иранского регионов в центры Переднего Востока, послужили основой формирования древних торговых путей в Средней Азии — будущих трасс Великого Шелкового пути.

В 2014 г. на Алтын-депе в Юго-Восточной Туркмении были изучены напластования горизонта 13 раскопа 5, материалы которых (рис. 1–4) находят ближайшие аналогии в геоксюрском комплексе горизонта 1 раскопа 1 поселения Геоксюр 1, а также раскопа 1 и шурфа 1 поселения Чонг-депе времени раннего Намазга III. Получена также новая серия радиоуглеродных дат (таблица), значения которых находятся в широких пределах 3400–2470 гг. cal BC. Представляется, что для периодов позднего Намазга II — Намазга III Юго-Восточной Туркмении (раннегеоксюрский, геоксюрский и постгеоксюрский комплексы) наиболее обоснованными остаются датировки, предложенные по результатам анализа стратиграфии и мощности культурных напластований Алтын-депе, а также сопоставлений с памятниками Ирана и Афганистана — около 3300–2800/2700 гг. до н. э.

Введение. Эта работа напрямую связана с кругом научных интересов настоящего крупного исследователя, каковым была Галина Вацлавна Длужневская. Дело в том, что развитие древнеземледельческой культуры на юго-западе Средней Азии и в долинах Туркмено-Хорасанских гор в Северо-Восточном Иране в среднем и позднем энеолите (время Намазга II–III по системе относительной периодизации многослойных поселений энеолита — бронзы Южной Туркмении — см.: Массон 1982: 26–57) проходило в условиях интенсивных культурных взаимодействий (Сарианиди 1968; Массон 2006: 56–59; Кирчо 2007; 2009). Исторически они связаны с усилением межрегиональных контактов в периоды позднеурукской и протоэламской экспансии (вторая половина IV — начало III тыс. до н. э.) и, скорее всего, обусловлены добычей и обменом (торговля?) ценным минеральным сырьем: камнем (лазуридом, алебастр и др.) и металлом. Последние доставлялись при посредничестве населения среднеазиатского и иранского регионов в центры Переднего

Востока. На современном этапе исследований именно Г. В. Длужневская инициировала идею рассматривать эти взаимодействия как начало формирования древних торговых путей в Средней Азии, послуживших основой некоторых будущих трасс Великого Шелкового пути (Длужневская и др. 2006: 452).

Геоксюрский археологический комплекс впервые был выделен на материалах многослойных поселений Геоксюрского оазиса при раскопках во второй половине 1950-х — середине 1960-х гг. в Юго-Восточной Туркмении. Его наиболее ярким признаком является посуда с мелкими минеральными примесями в тесте и росписью *геоксюрского стиля* бихромными (красным и черным) геометрическими и зооморфными мотивами. Время бытования такой посуды было названо «геоксюрским периодом» и по сопоставлению керамики из разных строительных горизонтов поселений синхронизировано с периодом позднего Намазга II — раннего Намазга III (Сарианиди 1960: 301; 1965: 5–6) или позднего Намазга II — Намазга III (Хлопин 1964: 65–66, рис. 35). В то же время основные признаки геоксюрского археологического комплекса (характер застройки поселений, типы погребений и очагов, иконография антропоморфных статуэток, появление печатей-амулетов и алебастровых сосудов, формы керамики, а также композиции и мотивы ее росписи и т. д. — Массон 1982: 35) были выявлены при изучении поверхностных строительных горизонтов поселений Геоксюр I и Чонг-депе времени Намазга III (конец IV — начало III тыс. до н. э.; Сарианиди 1965: 9–19; Массон 1982: 44–46). В результате понятия «геоксюрский комплекс» или «культура геоксюрского типа» и «культура периода позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении» в литературе стали синонимами. Отсюда в своды памятников этого времени были включены все поселения с керамикой геоксюрского стиля, в том числе и времени позднего Намазга II: например, Илгынлы-депе, Муллали-депе (Сарианиди 1965: 7, 8, табл. XVI, 44–53; XVII, 9, 16), а также Геоксюр 9 или материалы из района Келлелинского оазиса в древней дельте р. Мургаб (Kohl 1984: 93, 95, map 12).

Дальнейшее изучение культуры геоксюрского типа в первую очередь связано с многолетними раскопками Каракумской экспедиции ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН на поселениях Алтын-депе и Илгынлы-депе (Массон 1981; 1989)¹. Общие задачи этих исследований были сформулированы В. М. Массоном еще в середине 1980-х гг.: изучение генезиса цивилизации эпохи бронзы Алтын-депе и характеристика на новом уровне культуры местных общин энеолитической эпохи (Массон, Кирчо 1999: 61), включая «изучение происхождения геоксюрского археологического комплекса» (Березкин 1993: 12).

Одним из важных результатов работ на Илгынлы-депе явилось выделение

¹ Результаты раскопок В. И. Сарианиди в 1960-х — начале 1970-х гг. энеолитических слоев Хапуз-депе и Улуг-депе фактически не опубликованы, а материалы туркмено-французской экспедиции, выявившей на Улуг-депе в 2004 г. в культурном слое с керамикой геоксюрского типа и типа Намазга III мастерскую по изготовлению статуэток, опубликованы предварительно и датированы IV тыс. до н. э. (Brunet 2011).

раннегеоксюрского комплекса (горизонты I–III раскопа 3 и синхронные им горизонты на раскопах 2, 4, 7). Тогда в культуре середины — конца среднего энеолита уже появляются отдельные геоксюрские черты: очаги-алтари на круглых сырцовых основаниях, коллективное захоронение в сопровождении нерасписной краснолощенной посуды (Там же: 16), керамика с бихромной сетчатой орнаментацией и «потекшей» красной краской на внутренней поверхности сосудов или монохромными рисунками из ступенчатых мотивов на подцилиндрических сосудах с растительной примесью в тесте (Берёзкин, Соловьёва 1998: 87, 90, рис. 2; 16, 1, 2, 8), а также намечаются изменения в иконографии антропоморфных статуэток (Соловьёва 2008: 48). При этом в материалах Илгынлы-депе полностью отсутствует расписная керамика типа Намазга III и представлена керамика типа Намазга II с характерными двуцветными или монохромными орнаментами.

Стратиграфическое изучение Алтын-депе времени энеолита показало, что поселение, основанное, по крайней мере, в период позднего Намазга I, достигло максимальных размеров в позднем энеолите (время Намазга III). Информация о количестве строительных горизонтов и мощности культурных напластований среднего и позднего энеолита позволяет верифицировать и частично дополнить стратиграфическую колонку Намазга-депе — основу периодизации памятников энеолита и бронзы юга Средней Азии. Получены многочисленные данные о структуре поселения, обводных стенах, жилых, хозяйственных и производственных сооружениях, хозяйстве и занятиях населения, а также о культурном комплексе позднего энеолита (время Намазга III) в целом, и особенно времени позднего Намазга III (постгеоксюрский период), ранее известного только по материалам шурфов на Намазга-депе, Хапуз-депе и Ак-депе. Материалы исследований Алтын-депе времени энеолита уже введены в научный оборот (Кирчо и др. 2008), однако на основном стратиграфическом раскопе 5 раскопки были остановлены в 2001 г. на уровне 12-го горизонта, а культурные напластования 13-го горизонта, предварительно отнесенные к началу позднего энеолита, были раскопаны частично (двор А в юго-восточной части раскопа — Там же: 28–33, рис. 11).

Раскопки на Алтын-депе в 2014 г.

Изучение энеолитических слоев Алтын-депе было возобновлено в 2014 г. Из-за 12-летнего перерыва в исследованиях на раскопе 5 культурные слои 12–13-го горизонтов был сильно размыты. Основные работы проводились в северной четверти раскопа 5, где были изучены культурные напластования 13-го горизонта на участке внутренней территории поселения площадью около 150 м², ограниченном с северо-запада обрезом раскопа, а с северо-востока — обводной стеной периода энеолита (рис. 1). В западном углу раскопа находилось пом. 3, возведенное в 13-м и существовавшее также в 12-м строительном периоде. При этом в 12-м периоде два смежных, связанных проходом помещения (2 и 3) представляли собой двухкомнатное строение, видимо, хозяйственного назначения. Пространство в северном углу раскопа было условно обозначено как двор Б, а пространство под

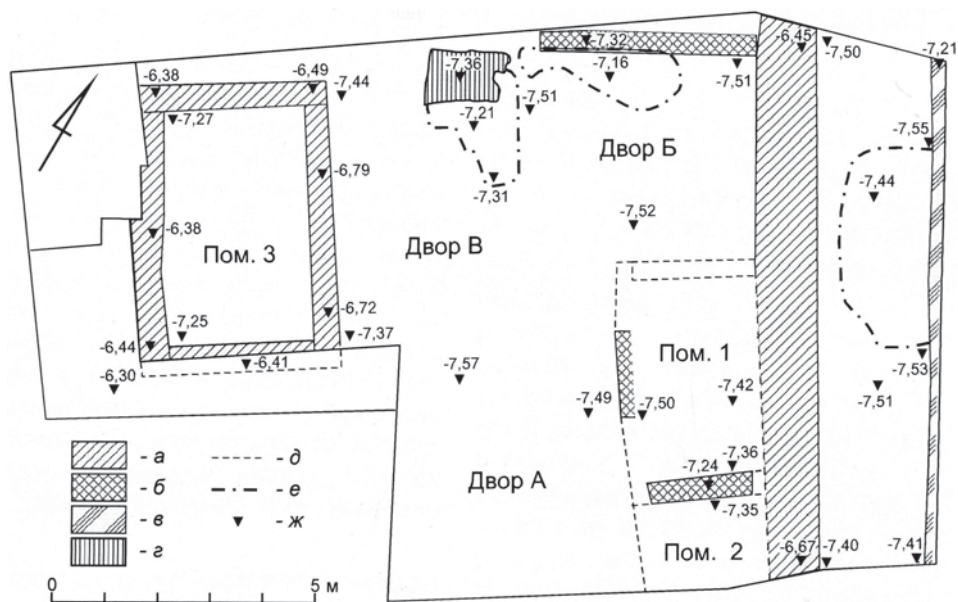

Рис. 1. Алтын-депе, раскоп 5, 2014 г., план: *а* — стены горизонтов 13 и 12; *б* — стены горизонта 13; *в* — обводная стена горизонта 14; *г* — остатки печи 1; *д* — предположительные границы стен; *е* — границы развалов обожженных кирпичей; *ж* — высотные отметки от условного репера

Fig. 1. Altyn-depe, excavation area 5, 2014, plan: *a* — walls of horizons 13 and 12; *b* — walls of horizon 13; *v* — encircling wall of horizon 14; *г* — remains of kiln 1; *д* — assumed wall margins; *e* — fired bricks accumulation limits; *ж* — heights measured from the datum point

пом. 2 горизонта 12 — как двор В. Фактически все три участка (дворы А, Б и В) в 13-м строительном периоде представляли собой единое открытое дворовое пространство к юго-западу от обводной стены. С северо-запада это пространство было ограничено невысокой стеной, выявленной вдоль северо-западного обреза раскопа, а с юго-запада — северо-восточной стеной пом. 3. К северо-востоку от двора А вдоль обводной стены были обнаружены сильно размытые остатки забутованных смежных помещений 1 и 2.

Заполнение дворового пространства (дворы Б и В) в нижней части, на уровне основания северо-западной стены двора Б и чуть ниже уровня основания стен пом. 3 горизонта 13 представляло собой горизонтально-натечные слои, состоявшие из чередующихся прослоек темно-серой, часто почти черной углистой золы или плотных прослоек спекшейся серой золы, перекрытых прослойками глины (до 5 см толщиной), имеющими желтовато-коричневую размытую поверхность. Характер слоя показывает, что на открытую поверхность двора выбрасывали золу, часто еще горячую. Эти зольники, растекшиеся в виде неправильных (или округлых) пятен на поверхности двора и, вероятно, дававшие сильную золистую пыль, специально перекрывали слоем глины, который служил одновременно и для выравнивания

поверхности двора. Толщина этого нижнего слоя составляла около 12–15 см. Именно на поверхности этого нижнего слоя двора В было построено пом. 3.

Выше дворы Б и В (как и двор А, исследованный в 2001 г. — Кирчо и др. 2008: 28, рис. 9Б, 11Б) были заполнены рыхлым зольно-мусорным слоем толщиной до 30–40 см. В этих слоях расчищены два развала обломков обожженных кирпичей (во дворе А — две ямы, перекрытые такими же развалами; Там же: 33), а во дворе В около северо-западного обреза раскопа — подпрямоугольная конструкция размерами 1,4 × 1 м, предположительно, развал однокамерной печи 1. Судя по сохранившимся остаткам, печь не имела мощного сырцового пода и была подземной, то есть сооружена в специальной яме, которая разрушила часть северо-западной стены двора Б горизонта 13. Сооружение и функционирование печи 1 относится к позднему этапу 13-го периода (горизонт 13А), так как в западной части развал печи был перекрыт кладкой северного угла пом. 2 горизонта 12, а под северо-восточной стеной этого же помещения прослежена специальная выравнивающая прослойка глины толщиной до 5–7 см и шириной 15 см, перекрывавшая развал обожженных кирпичей на участке двора В.

Наконец, по данным раскопок 2014 г. возведение обводной стены времени энеолита относится к 13-му строительному периоду, а возможно, и к более раннему времени. Во всяком случае, изнутри поселения мощная кладка высотой выше 1 м и шириной не менее 1,2 м выявлена в северной части раскопа, а внешняя грань обводной стены прослеживается по всему северо-восточному краю исследованного участка.

Комплекс **индивидуальных находок** из 13-го горизонта раскопа 5 Алтын-депе в целом типичен для позднего энеолита.

Женские статуэтки представлены обломками нижних частей фигурок, обычно сломанных по линии талии (рис. 2, 1–6). Персонаж полусидит с сомкнутыми, чуть изогнутыми в коленях ногами. Парность ног показана углубленной линией спереди и сзади, такой же линией обозначен треугольный лобок, который иногда дополнительно окрашен черной краской (рис. 2, 1, 2). У одной статуэтки черной краской окрашена также нижняя часть ног (рис. 2, 2), возможно, так передана мягкая обувь. У двух фигурок задняя поверхность бедер уплощена, а признаки пола и парность ног не показаны (рис. 2, 3, 4). Статуэтки изготовлены из плотной, хорошо отмученной глины и равномерно обожжены.

Терракотовые антропоморфные *фигурки-фишки* на округлом плоском или немного вогнутом основании (рис. 2, 8–10) обычно имеют расставленные в стороны или согнутые в локтях руки. Голова передана либо небольшим выступом-защипом (рис. 2, 8, 10), либо была изготовлена отдельно и крепилась на небольшой палочке (отверстие от такой палочки см.: рис. 2, 9). Предположительно антропоморфа изображал и выступ на венчике одного из сосудов (рис. 2, 7). Обломок аналогичного сосуда с антропоморфным выступом представлен на раскопе 5 Кара-депе в материалах времени Кара 1Б.

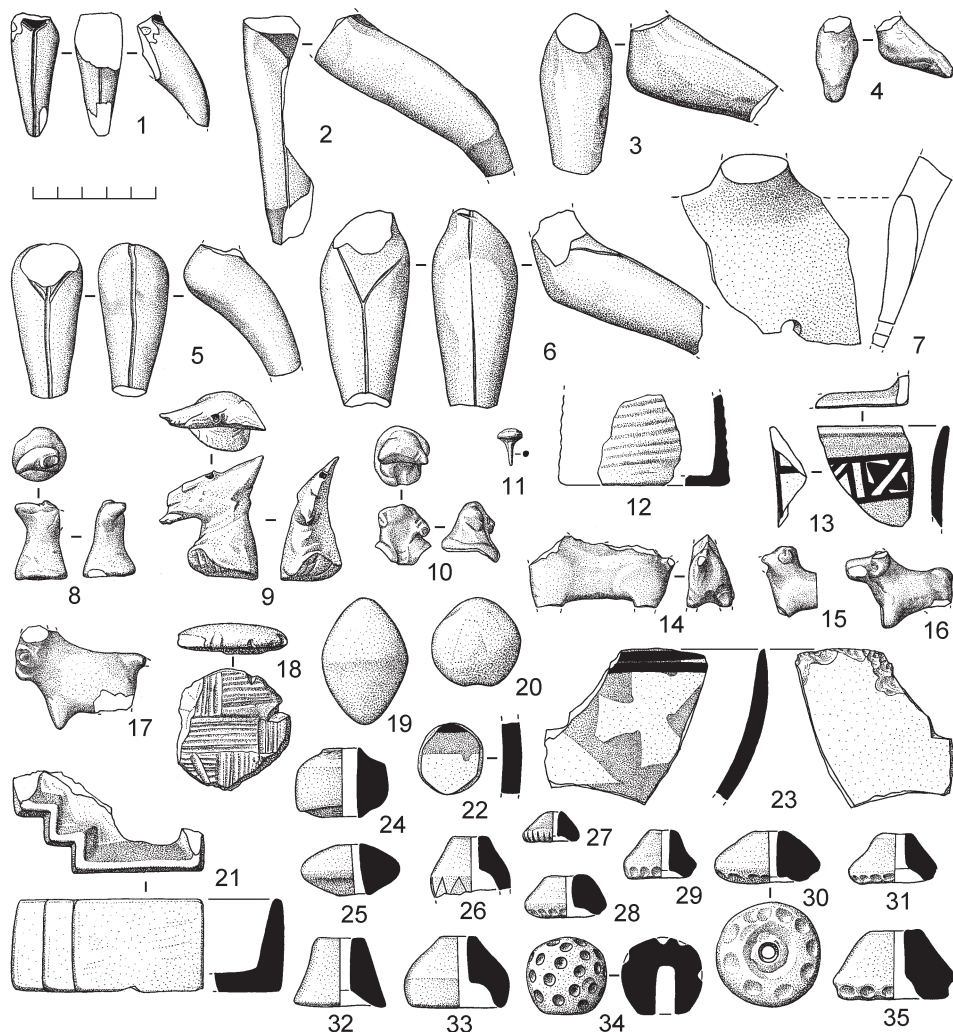

Рис. 2. Алтын-депе, раскоп 5, горизонт 13, находки: 1-10 — антропоморфные изображения; 11 — «булавка-гвоздик»; 12, 13, 21 — сосуды; 14-17 — зооморфные статуэтки; 18 — отпечаток циновки; 19, 20 — «ядра для прачи»; 22 — крышечка (?); 23 — скребок; 24-33, 35 — пряслица; 34 — «навершие» (1-6, 8-10, 14-17, 24-35 — терракота; 7, 13, 21-23 — керамика; 11 — медь; 12 — алебастр; 18-20 — глина)

Fig. 2. Altyn-depe, excavation area 5, horizon 13, finds: 1-10 — anthropomorphic images; 11 — «pin-nail»; 12, 13, 21 — vessels; 14-17 — zoomorphic statuettes; 18 — mat impression; 19, 20 — «slings»; 22 — lid (?); 23 — scraper; 24-33, 35 — spindle whorls; 34 — «finial» (1-6, 8-10, 14-17, 24-35 — terracotta; 7, 13, 21-23 — ceramics; 11 — copper; 12 — alabaster; 18-20 — clay)

Терракотовые зооморфные статуэтки обычно изображают баранов (рис. 2, 15, 16), быка (рис. 2, 17) и, видимо, собаку (рис. 2, 14). Последняя фигурка имеет очень узкий хребет, передающий, вероятно, вздыбленную шерсть.

Терракотовые *орудия труда* представлены коническими пряслицами, орнаментированными вдавлениями (рис. 2, 28–31, 35) и изредка насечками по нижнему краю или зигзагом, прочерченным по боковой поверхности (рис. 2, 26, 27). Среди неорнаментированных пряслиц встречены изделия биконической, цилиндро-биконической, конической и колоколовидной форм (рис. 2, 24, 25, 32, 33). «Навершия» с несквозным подцилиндрическим углублением редки, одно из них украшено по всей поверхности неглубокими вдавлениями (рис. 2, 34). Многочисленны орудия или, возможно, крышечки из обработанных обломков керамики (рис. 2, 22), встречены также скребки из фрагментов сосудов (рис. 2, 23). Аналогичный скребок из обломка венчика сосуда геоксюрского типа представлен на Кара-депе в погр. 30 периода Кара 1Б — начала позднего энеолита (Кирчо 2000: 186, рис. 1, 2).

Среди керамических изделий наиболее интересны *подквадратные в плане сосудики*. На Алтын-депе впервые найден обломок венчика квадратного сосуда с расписным орнаментом на боковых гранях (рис. 2, 13) — вероятно, предтечи терракотовых «реликвариев» позднего энеолита — средней бронзы с углубленным геометрическим орнаментом. Уникален квадратный сосуд со ступенчато оформленными углами (рис. 2, 21), близкая и неожиданная параллель которому обнаружена в погр. 32 могильника Фархор в Южном Таджикистане (Bobomulloev et al. 2017: 72–73, fig. 24B, 10). Сосудик из Фархора выточен из камня² и имеет резко выступающие боковые грани, приобретаая в плане форму, близкую к ступенчатому ромбу.

Из глины изготовлены шаровидные или биконические «ядра для пращи» (рис. 2, 19, 20). Интересна плоско-выпуклая глиняная «лепешка» с четким отпечатком циновки «паркетного» переплетения (рис. 2, 18), обнаруженная в развале печи 1.

Важны для культурно-хронологических сопоставлений две находки. Одна из них — обломок нижней части подцилиндрического сосуда из белого алебастра с «рифленой» боковой поверхностью (рис. 2, 12), аналогичного алебастровым сосудам времени Намазга III из раскопа 4 Кара-депе (Массон 1960: табл. XVII, 2; XXXI, 1) и погребальной камеры-«толоса» А на Геоксюр 1 (Сарианиди 1965: рис. 11, 1). Вторая — медная миниатюрная «булавка-гвоздик» с выпуклой шляпкой (рис. 2, 11), ближайшая аналогия которой представлена в той же погребальной камере Геоксюра 1 (Там же: рис. 11, 10), а особенно многочисленные — в инвентаре захоронений могильника Пархай II Юго-Западного Туркменистана развитого и позднего энеолита (Хлопин 1997: 65, 109).

В комплексе **керамики** 13-го строительного горизонта по составу теста, формам сосудов и приемам обработки поверхности выделяются три основные

² Судя по фотографии (Bobomulloev et al. 2017: fig. 23), сосуд изготовлен из розоватого алебастра, однако в тексте и в подписях под рисунками материал обозначен как оникс. К сожалению, это не первый случай, когда таджикские специалисты именуют ониксом (оникс — это разновидность халцедона, слоистый агат, агрегат кварца) камень, который фактически является мраморным ониксом (карбонатная горная порода, кальцит). Путаница происходит из-за того, что и оникс, и мраморный оникс имеют полосчатую структуру. Однако оба каменных сосуда из погр. 32 — и подцилиндрический, и подквадратный (Ibid.) — изготовлены из розоватого однородного камня.

категории посуды — тарная, кухонная и столовая. Сосуды изготавливали вручную либо из одного куска глиняного теста, вероятно, на шаблоне, либо собирали из нескольких частей, изготовленных, скорее всего, ленточным способом. Для сосудов закрытых форм, как правило, отдельно изготавливали горловину с закраиной, а зачастую и дно.

По данным комплекса керамики 13-го горизонта для хранения припасов жители Алтын-депе использовали *горшковидные хумы* и *хумча* — сосуды с плоским дном и округлым или яйцевидным, сужающимся к горлу туловом, изготовленные из теста с минеральными примесями (песок, толченый известняк). Верхняя часть таких сосудов обычно оформлена в виде конической или подцилиндрической низкой горловины с закругленным или чуть отогнутым краем венчика (рис. 3, 17–20, 23, 24). Имеются также тарные сосуды без горла, когда сужающаяся к центру верхняя часть заканчивается просто отогнутым наружу краем венчика (рис. 3, 21, 25). Встречен и обломок крупного подцилиндрического сосуда с уплощенным, чуть отогнутым краем венчика (рис. 2, 22). Внешняя поверхность тарной посуды и внутренняя поверхность горла, как правило, ангобированы, однако представлены и сосуды с наружной поверхностью, просто заглаженной пучком влажной травы или руками. Внутренняя поверхность сосудов ангобирована редко, чаще просто заглажена. Ангоб преимущественно светлый, кремового или коричневатого цветов, плотный красный ангоб встречается редко.

Преобладание в хозяйстве сравнительно небольших по объему тарных сосудов могло быть обусловлено тем, что в позднем энеолите запасы зерна обычно хранились в общинных зернохранилищах, сырцовые основания которых исследованы на Кара-депе и Алтын-депе (Массон 1960: рис. 12; Кирчо и др. 2008: 44, 45, рис. 16).

К тарной посуде условно могут быть отнесены и крупные *тазы-тагора* — низкие, очень широкие (диаметр до 60–70 см) подцилиндроконические толстостенные сосуды (рис. 3, 32, 33), изготовленные из грубого теста с большим количеством крупной растительной примеси (крупнорубленая солома? саман?). Вероятно, они стояли прямо во дворах или подсобных помещениях и могли служить для смешивания продуктов или для замеса теста. Поверхность таких сосудов покрыта плотным ангобом, а рыхлое тесто в середине черепка, как правило, плохо прокалено.

Кухонная посуда с большим количеством дресвы в тесте имеет обычно не ангобированную, а лишь заглаженную наружную и внутреннюю поверхности, причем на наружной поверхности часто встречаются следы копти. Такие сосуды появляются в комплексе керамики времени Намазга I и характерны для всех этапов развития раннеземледельческой культуры Южной Туркмении. Форма их почти не меняется, однако для позднего энеолита наиболее характерны *котлы реповидной формы* с конической нижней частью и с закругленным или уплощенным, изредка отогнутым краем венчика (рис. 3, 27–31). Найден также крупный фрагмент небольшого котла круглой формы с открытым устьем и подтреугольным, выступающим наружу краем уплощенного венчика (рис. 3, 26).

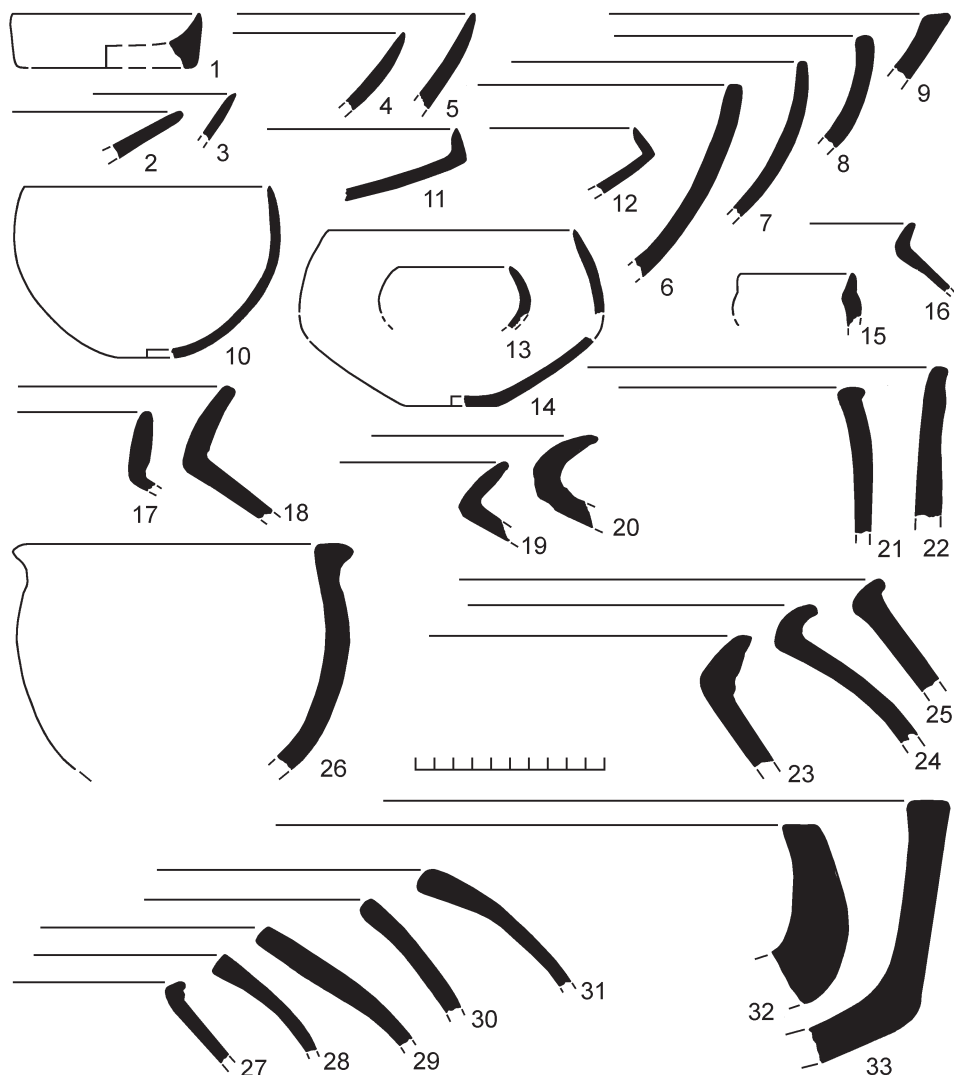

Рис. 3. Алтын-депе, раскоп 5, горизонт 13, нерасписная керамика

Fig. 3. Altyn-depe, excavation area 5, horizon 13, unpainted pottery

Столовая посуда представлена сравнительно небольшими *цилиндрическими* *плошками* (рис. 3, 1), *коническими* и *полусферическими* *чашами* (рис. 3, 2–5, 10), *биконическими* *мисками* с невысоким бортиком (рис. 3, 11, 12), редкими *биконическими* *сосудами* и *горшочками* (рис. 3, 13, 15, 16). Эта категория посуды характеризуется плотным черепком с мелкими минеральными примесями в тесте, причем большинство небольших расписных сосудов изготовлено из теста с очень мелкими примесями. Поверхность открытых столовых сосудов, как правило, покрыта тонким светлым или красным ангобом и дополнительно уплотнена

лощением. Обжиг столовой тонкостенной посуды равномерный. Найдены также фрагменты *сероглиняных сосудов* подбиконической формы, наружная поверхность которых обработана горизонтальным полосчатым лощением (рис. 3, 14; 4, 29). Столовая посуда с органическими примесями в тесте в материалах горизонта 13 раскопа 5 встречается крайне редко (рис. 4, 47) — это обломки сосудов среднего энеолита, попавшие в культурный слой позднего энеолита в результате перекопов.

К столовой посуде по характеру оформления поверхности (светлый или красный ангоб, лощение) отнесены и *крупные конические* или *открытые полусферические чаши* (рис. 3, 6–9), которые могли использовать для подачи пищи на стол. К этой категории причислены и *расписные горшковидные хумча*, орнаментированные, как правило, крупными ступенчатыми мотивами (рис. 4, 30). Такие сосуды, изготовленные из теста с примесью мелкого песка и, как правило, светло-ангобированные снаружи, возможно, являлись частью интерьера помещений. Во всяком случае, расписная хумча была обнаружена в углу одной из комнат на поселении Геоксюр 1 (Сарианиди 1965: 10, рис. 2).

Наиболее ярко комплекс керамики горизонта 13 характеризует расписная столовая посуда, представленная, в первую очередь, *полусферическими чашами* (рис. 4, 4–15, 22–26, 35–37, 41–46) и *цилиндрическими мисками* (рис. 4, 2, 19, 20), орнаментированными красной и черной красками. Такой *бихромный орнамент* наносили на сосуд в два приема: после обработки сосуда тонким слоем светлого ангоба внутреннюю поверхность покрывали красной краской³, а на внешней поверхности красным выполняли разметку орнамента и наносили основные мотивы — горизонтальный бордюр из ступенчатых ромбов или разнообразных (вертикальных, косых, зигзагообразных) сплошных или сетчатых полос. Затем сосуд подсушивали и ложили. По лощенной поверхности геометрические мотивы, выполненные красной краской, обводили снаружи тонкими черными линиями, а в промежутках рисовали черным сетчатые или ступенчатые ромбы и крестообразные фигуры, зооморфные изображения и разделители из сомкнутых вершинами ступенчатых треугольников. Черными линиями также обрамляли орнаментальный фриз сверху и снизу. В результате орнамент представлял собой чередование контурных (с красным заполнением) и тоновых ступенчатых мотивов (рис. 4, 4–11, 19–25, 33–38, 42, 44). Именно эта система орнаментации получила название «*орнаментация геоксюрского стиля*» (Сарианиди 1965: 20).

В 13-м горизонте Алтын-депе впервые обнаружены обломки сосудов, ступенчатые мотивы орнамента которых выполнены только красной краской без черной обводки (рис. 2, 23), как если бы орнаментация сосуда была ограничена ее первым этапом. Черной краской нанесены лишь две горизонтальные полосы по краю венчика. Расписная посуда, украшенная ступенчатыми и сетчатыми мотивами, выполненными только черной краской (рис. 4, 1–3, 27, 30–32, 40, 41),

³ Иногда красной краской покрывали и наружную поверхность сосудов (преимущественно мисок) в нижней части (рис. 4, 10, 19, 20). Среди посуды с монохромным орнаментом черной краской представлены и красноангобированные сосуды (рис. 4, 34, 39, 40).

Рис. 4. Алтын-депе, раскоп 5, горизонт 13, расписная и серолощенная (29) керамика: 1–28 — из заполнения дворов Б–В; 29–47 — из заполнения помещений 1–3

Fig. 4. Altyn-depe, excavation area 5, horizon 13, painter and gray-polished (29) pottery: 1–28 — from the infill of yards Б–В; 29–47 — from the infill of rooms 1–3

как и раннегеоксюрская керамика, орнаменты которой образованы чередованием красных и черных сетчатых или полосчатых прямоугольников и ромбов (рис. 4, 26, 45, 46), в горизонте 13 немногочисленна.

Характерными мотивами орнаментов геоксюрского стиля являются также изображения животных, в первую очередь, козлов. Представлены как многочисленные схематизированные изображения козлов с четырьмя ногами, прямоугольным туловищем и схематически переданными вертикальными зигзагами рогами (рис. 4, 12–15, 17, 18), так и с более реалистично нарисованной в профиль мордой, с изображением глаза и крутых округлых рогов (рис. 4, 16). Прямоугольное туловище козлов обычно заполнено косыми линиями и треугольниками, впервые встречено заполнение рисунка туловища точками между косыми линиями (рис. 4, 13).

Кроме серолощенной посуды, вероятно, доставленной из Юго-Восточного Прикаспия, найден также фрагмент придонной части явно импортной светлоангобированной гончарной конической чаши (?), орнаментированной широкой горизонтальной полосой коричневой краски (рис. 4, 28).

Комплекс расписной посуды 13-го горизонта Алтын-депе находит ближайшие аналогии в материалах горизонта 1 раскопа 1 поселения Геоксюр 1 (Сарианиди 1965: табл. VIII, 3, 4, 16, 17, 19, 26, 28, 31; IX, 3, 8, 9, 12, 13, 16, 19 и др.) и раскопа 1 и шурфа 1 поселения Чонг-депе (Там же: табл. XIV, 37, 39–44, 46, 47, 49–62; XV, 43–48, 50, 52–53, 56, 57). В целом он может быть отнесен к началу позднего энеолита (времени раннего Намазга III) и примерно синхронизирован с этапом Кара 1Б — раннее Кара 1А Кара-депе.

Результаты радиоуглеродного датирования

При раскопках 12-го и 13-го строительных горизонтов раскопа 5 Алтын-депе в 2014 г. была получена новая серия радиоуглеродных дат (таблица).

К сожалению, точность этих радиоуглеродных дат невелика, и даже если не учитывать дату из золистого слоя (Je-11002), их калиброванные значения находятся в широких пределах 3400–2470 гг. cal BC. Эти данные сопоставимы с результатами предыдущих радиоуглеродных анализов 1990-х — 2000-х гг. материалов из слоев среднего энеолита Илгынлы-депе (3520–2805 cal BC — для позднейлангачского периода и 2905–2325 гг. cal BC — для раннегеоксюрского периода; Берёзкин 1993: 13, 14), а также Северного холма Анау времени Анау II (Намазга II) — 3305–2637 гг. cal BC (Hiebert 2003: 55, 56, Table 5.1), полученных в разных лабораториях, и дают одинаковую тенденцию. Их верхние границы, по крайней мере, на 300 или даже на 500 лет моложе традиционных датировок по данным стратиграфии и культурно-хронологических сопоставлений с памятниками Ирана. В иностранной, особенно французской литературе (см., например: Lecomte 2011: 223), широко распространены гораздо более ранние датировки для среднего и позднего энеолита Южной Туркмении, причем по 500 (!) лет для каждого периода: Намазга II — 4000–3500 гг. до н. э.; Намазга III — 3500–3000 гг. до н. э. Эти даты были впервые предложены Ф. Колом (Kohl 1984: Table 2) по материалам калибровки радиоуглеродных датировок 1960-х — 1970-х гг.

Т а б л и ц а

**Результаты ^{14}C датирования образцов
из 11–13-го строительных горизонтов раскопа 5 Алтын-депе**

Лабор. индекс	Место взятия образца	Материал	Дата ВР	1 σ (68,2 %) cal BC	2 σ (95,4 %) cal BC
Le-10996	Р. 5, гор. 11, пом. 19	Уголь	4500 $\pm$ 100	3360–3080 (63,2%) 3060–3030 (5,0 %)	3500–2900
Le-10997	Р. 5, гор. 12, пом. 3	Уголь	4040 $\pm$ 25	2620–2560 (24,4 %) 2540–2490 (43,8 %)	2630–2470
Le-10998	Р. 5, гор. 13, двор А, забутовка	Уголь	4130 $\pm$ 70	2870–2800 (20,0 %) 2780–2580 (48,2 %)	2890–2560 (91,6 %) 2540–2490 (3,8 %)
Le-10999	Р. 5, гор. 13, пом. 3	Уголь	4170 $\pm$ 40	2880–2840 (13,0 %) 2820–2740 (35,0 %) 2730–2670 (20,2 %)	2890–2620
Le-11000	Р. 5, гор. 13, двор В, I штык	Уголь	4380 $\pm$ 100	3320–3230 (12,3 %) 3170–3160 (0,7 %) 3110–2890 (55,2 %)	3400–2750
Le-11001	Р. 5, гор. 13, двор В, II штык, печь 1	Уголь	4250 $\pm$ 90	3010–2980 (4,0 %) 2940–2830 (28,3 %) 2820–2670 (36,0 %)	3100–2550
Le-11002	Р. 5, гор. 13, двор Б, III штык	Уголь из слоя золы	3820 $\pm$ 150	2470–2110 (60,0 %) 2100–2030 (8,2 %)	2900–1700

В то же время по материалам Саразма (Северо-Западный Таджикистан)⁴ недавно была получена серия новых радиоуглеродных дат для ранних периодов Саразм I и II — около 3500/3400–3100/2900 гг. cal BC (Раззоков 2016: 87–95, табл. 2). Примерно в этих же пределах — 3360–2900 cal BC — находятся и пока неопубликованные даты Саразма из раскопок таджикско-французской экспедиции 2012 г.

Таким образом, для периодов позднего Намазга II — Намазга III Юго-Восточной Туркмении (раннегеоксюрский, геоксюрский и постгеоксюрский комплексы) наиболее обоснованными остаются датировки, предложенные по результатам анализа стратиграфии и мощности культурных напластований

⁴ Поселение древних металлургов в верховьях Зеравшана, основанное при участии раннегеоксюрского населения Юго-Восточной Туркмении (Кирчо 2007).

Алтын-депе и сопоставлений с памятниками Ирана и Афганистана — около 3300–2800/2700 гг. до н. э. (см.: Кирчо 2014: 353).

Литература

Берёзкин 1993 — *Берёзкин Ю. Е.* Радиоуглеродные даты с Илгынлы-депе в Туркмении // КСИА. 1993. Вып. 209. С. 12–16.

Берёзкин, Соловьёва 1998 — *Берёзкин Ю. Е., Соловьёва Н. Ф.* Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология) // АВ. 1998. № 5. С. 86–123.

Длужневская и др. 2006 — *Длужневская Г. В., Кирчо Л. Б., Богославский О. И.* Великий Шелковый путь в фотографиях русских путешественников и исследователей второй половины XIX — первой половины XX веков (по материалам фотоархива ИИМК РАН) // Деревянко А. П. и др. (ред.). Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 452–462.

Кирчо 2000 — *Кирчо Л. Б.* Микростратиграфия позднего энеолита Южного Туркменистана // Горбунова Н. Г. и др. (ред.). Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Б. А. Латынина. СПб.: Изд-во ГЭ, 2000. С. 177–194.

Кирчо 2007 — *Кирчо Л. Б.* Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 193–208.

Кирчо 2009 — *Кирчо Л. Б.* Основные направления и характер культурных взаимодействий населения Южного Туркменистана в V–III тыс. до н. э. // STRATUMplus 2005–2009. 2009. № 2. С. 374–392.

Кирчо 2014 — *Кирчо Л. Б.* Стратиграфия Алтын-депе и вопросы периодизации и хронологии памятников эпохи палеометалла Южного Туркменистана // Молодин В. И., Епимахов А. В. (отв. ред.). Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 349–354.

Кирчо и др. 2008 — *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Технично-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб.: Европейский Дом, 2008. 370 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 28).

Массон 1960 — *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка // Массон М. Е. (ред.). Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во АН Туркм. ССР, 1960. Т. 10. С. 319–463.

Массон 1981 — *Массон В. М.* Алтын-депе. Л.: Наука, 1981. 176 с. (Тр. ЮТАКЭ. Т. 18).

Массон 1982 — *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии // Массон В. М., Мерперт Н. Я. (ред.). Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. Ч. 1. С. 9–92 (Археология СССР).

Массон 1989 — *Массон В. М.* Илгынлы-депе — новый центр энеолитической культуры Южного Туркменистана // Известия АН Туркм. ССР. Серия обществ. наук. 1989. № 6. С. 15–24.

Массон 2006 — *Массон В. М.* Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 384 с.

Массон, Кирчо 1999 — *Массон В. М., Кирчо Л. Б.* Изучение культурной трансформации раннеземледельческих обществ (по материалам новых раскопок на Алтын-депе и Илгынлы-депе) // РА. 1999. № 2. С. 61–76.

Раззоков 2016 — *Раззоков Ф. А.* Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н. э. СПб.: НКТ, 2016. 248 с.

Сарианиди 1960 — *Сарианиди В. И.* Энеолитическое поселение Геоксюр // Массон М. Е. (ред.). Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во АН Туркм. ССР, 1960. Т. 10. С. 225–318.

Сарианиди 1965 — *Сарианиди В. И.* Энеолит южных областей Средней Азии. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М.: Наука, 1965. 54 с., 27 табл. (САИ. Вып. Б3-8. Ч. 4).

Сарианиди 1968 — *Сарианиди В. И.* О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 3–9.

Соловьёва 2008 — *Соловьёва Н. Ф.* Антропоморфные изображения Туркменистана поры

среднего энеолита (по материалам поселения Илгынлы-депе). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 328 с.

Хлопин 1964 — *Хлопин И. Н.* Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита: Опыт исторического анализа. М.; Л.: Наука, 1964. 172 с.

Хлопин 1997 — *Хлопин И. Н.* Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Европейский Дом, 1997. 302 с. (Тр. ЮТАКЭ. Т. 20).

Bobomulloev et al. 2017 — *Bobomulloev S., Vinogradova N. M., Bobomulloev B.* with contributions by *Teufer M.* and *Lombardo G.* Preliminary results of research of the burial ground of Farkhor, the middle bronze age monument in the south of Tajikistan // Бобомуллоев С. (ред.). Материалы Фархорской археологической экспедиции. Душанбе, 2017. 1. С. 68–115.

Brunet 2011 — *Brunet F.* A clay figurine workshop 6000 years ago // Historical and cultural sites of Turkmenistan. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2011. P. 250–255.

Hiebert 2003 — *Hiebert F.* A Central Asian Village at the Dawn of Civilization, Excavations at Anau, Turkmenistan. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2003. 238 p. (University Museum Monograph. 116).

Kohl 1984 — *Kohl Ph. L.* Central Asia: Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1984. 313 p.

Lecomte 2011 — *Lecomte O.* Ulug-depe: 4000 years of evolution between plain and desert // Historical and cultural sites of Turkmenistan. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2011. P. 220–237.

TOWARDS THE DATING OF THE GEOKSYUR COMPLEX (NEW DATA FROM ALTYN-DEPE IN SOUTH TURKMENISTAN)

L. B. KIRCHO

Keywords: *Middle and Late Eneolithic, Geoksyur complex, Altyn-depe, South Turkmenistan, periodization, stratigraphy, radiocarbon dating.*

The development of the early farming culture in the southwest of Central Asia during the Middle and Late Eneolithic (Namazga II–III time) was accompanied by intensive cultural interactions in the period of Late Uruk and Proto Elamite expansion (second half of the IV — beginning of the III mil. BC). These interactions, which were probably caused by the exchange (trading?) of stones (lazurite, alabaster, etc.) and metals brought through Central Asia and Iran to the Near Eastern centers, served as the basis for the formation of ancient trade routes in Central Asia, including a number of future tracks of the Great Silk Road. In 2014, horizon 13 of excavation area 5 was studied at Altyn-depe in Southeastern Turkmenistan. The materials of this horizon (Fig. 1–4) find their closest analogies in the Geoksyur assemblage of horizon 1, found in excavation area 1 and test pit 1 of the Chong-depe settlement dated to the early Namazga III time. In addition, a new series of radiocarbon dates was obtained, which range between 3400–2470 cal BC. It appears that the dates which were suggested for the late Namazga II — Namazga III periods (Early Geoksyur, Geoksyur, and post-Geoksyur assemblages) on the basis of stratigraphic observations and comparisons with Afghan and Iranian sites (*ca.* 3300–2800/2700 BC) remain the most reliable ones.

Literature

Берёзкин 1993 — *Berezkin Yu. E. Radiouglerodnye daty s Ilgynly-depe v Turkmenii [Radiocarbon dates from Ilgynly-depe in Turkmenistan]* // BCIA. 1993. Vol. 209. P. 12–16 (in Russian).

Берёзкин, Соловьёва 1998 — *Berezkin Yu. E., Solovyova N. F. Paradnye pomescheniya Ilgynly-depe (predvaritel'naya tipologiya) [The main rooms at Ilgynly-depe (a tentative typology)]* // Arheologicheskie vesti [Archaeological news]. 1998. No. 5. P. 86–123 (in Russian).

Длужневская и др. 2006 — *Dluzhnevskaya G. V., Kircho L. B., Boguslavsky O. I. Velikiy Shelkovy put' v fotografiyah russkih puteshestvennikov i issledovateley vtoroy poloviny XIX — pervoy poloviny XX vekov (po materialam fotoarhiva IIMK RAN) [Great Silk Road in the photographs by Russian travelers and explorers of the second half of the XIX — first half of the XX century (based on the materials from the Photo Archive of IHMC RAS)]* // Derevianko A. P. et al. (eds.). E'tnokul'turnoe vzaimodeystvie v Evrazii [Ethnocultural interactions in Eurasia]. M.: Nauka, 2006. Book 1. P. 452–462 (in Russian).

Кирчо 2000 — *Kircho L. B. Mikrostratigrafiya pozdnego e'neolita Yujnogo Turkmenistana [Microstratigraphy of the Late Eneolithic of South Turkmenistan]* // Gorbunova N. G. et al. (eds.). Sud'ba uchenogo [The fate of a scholar: To the 100th anniversary of the birth of B. A. Latynin]. St. Petersburg: State Hermitage. 2000. P. 177–194 (in Russian).

Кирчо 2007 — *Kircho L. B. Drevnie svyazi naseleniya Yujnogo Turkmenistana i doliny Zeravshana (nachalo formirovaniya trgovykh putey v Sredney Azii) [Ancient connections between South Turkmenistan and the Zeravshan valley (the formation of the first trade routes in Middle Asia)]* // Transactions of IHMC RAS. 2007. No. 2. P. 193–208 (in Russian).

Кирчо 2009 — *Kircho L. B. Osnovnye napravleniya i karakter kul'turnykh vzaimodeystviy naseleniya Yujnogo Turkmenistana v V–III tys. do n. e'. [Main directions and character of cultural interactions of the South Turkmenistan people in the V–III mil. B. C.]* // STRATUMplus 2005–2009. 2009. No. 2. P. 374–392 (in Russian).

Кирчо 2014 — *Kircho L. B. Stratigrafiya Altyn-depe i voprosy periodizacii i hronologii pamyatnikov e'pohi paleometalla Yujnogo Turkmenistana [Stratigraphy of Altyn-depe and the questions of periodization and chronology of the Early Metal period sites in South Turkmenistan]* // Molodin V. I., Epimakhov A. V. (eds.). Arii stepey Evrazii: e'poha bronzy i rannego jeleza v stepyah Evrazii i na sopredel'nykh territoriyah [Arians of the Eurasian steppes: Bronze and Early Iron Ages in the steppes of Eurasia and contiguous territories: E. E. Kuzmina Memorial Volume]. Barnaul: Altay SU, 2014. P. 349–354 (in Russian).

Кирчо и др. 2008 — *Kircho L. B., Korobkova G. F., Masson V. M. Tehniko-tehnologicheskiy potencial e'neoliticheskogo naseleniya Altyn-depe kak osnova stanovleniya rannegorodskoy civilizacii [Technical and technological potential of the Eneolithic population of Altyn-depe as a the basis of the rise of an early urban civilization]*. St. Petersburg: Evropeiskiy dom, 2008. 370 p. (Proceedings of IHMC RAS. Vol. 28) (in Russian).

Массон 1960 — *Masson V. M. Kara-depe u Artyka [Kara-depe near Artyk]* // Masson M. E. (ed.). Proceedings of the STACE. Ashkhabad: AS of Turkmen SSR, 1960. Vol. 10. P. 319–463 (in Russian).

Массон 1981 — *Masson V. M. Altyn-depe [Altyn-Depe]*. L.: Nauka, 1981. 176 p. (Proceedings of the STACE. Vol. 18) (in Russian).

Массон 1982 — *Masson V. M. E'neolit Sredney Azii [Eneolithic of Central Asia]* // Masson V. M., Merpert N. Ya. (eds.). E'neolit SSSR [Eneolithic of the USSR]. M.: Nauka, 1982. Pt. 1. P. 9–92 (Archaeology of the USSR) (in Russian).

Массон 1989 — *Masson V. M. Ilgynly-depe — a new center of Eneolithic Culture of South Turkmenistan* // Izvestiya Akademii nauk Turkmenskoy SSR. Seriya obsch'estv. nauk [News of AS of Turkmen SSR. Social science series]. 1989. No. 6. P. 15–24 (in Russian).

Массон 2006 — *Masson V. M. Kul'turogenез Drevney Central'noy Azii [Culturogenesis in ancient Central Asia]*. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg SU, 2006. 384 p. (in Russian).

Массон, Кирчо 1999 — *Masson V. M., Kircho L. B. Izuchenie kul'turnoy transformacii rannezemel'del'cheskih obsch'estv (po materialam novy'h raskopok na Altyn-depe i Ilgynly-depe)* [*Studying cultural transformations in the early farming societies (based on new materials from Altyn-depe and Ilgynly-depe)*] // RA. 1999. No. 2. P. 61–76 (in Russian).

Раззоков 2016 — *Razzokov F. A. Stroitel'nye komplekсы drevnezemel'del'cheskogo poseleniya Sarazm v IV—III tys. do n. e.* [*Building complexes of the ancient farming settlement of Sarazm in the IV—III mil. B. C.*]. St. Petersburg: NKT, 2016. 248 p. (in Russian).

Сарианиди 1960 — *Sarianidi V. I. E'neoliticheskoe poselenie Geoksyur* [*Eneolithic settlement of Geoksyur*] // Masson M. E. (ed.). Proceedings of the STACE. Ashkhabad: AS of Turkmen SSR, 1960. Vol. 10. P. 225–318 (in Russian).

Сарианиди 1965 — *Sarianidi V. I. E'neolit yujnyh oblastey Sredney Azii. Pamyatniki pozdnego e'neolita Yugo-Vostochnoy Turkmenii* [*Eneolithic of the southern regions of Central Asia. Late Eneolithic sites of Southeastern Turkmenistan*]. M.: Nauka, 1965. 54 p., 27 tables (CAR. Vol. B3-8. Pt. 4) (in Russian).

Сарианиди 1968 — *Sarianidi V. I. O velikom lazuritovom puti na Drevnem Vostoke* [*About the great lazurite road in the Ancient East*] // BCIA. 1968. Vol. 114. P. 3–9 (in Russian).

Соловьёва 2008 — *Solovyova N. F. Antropomorfnye izobrajeniya Turkmenistana pory srednego e'neolita (po materialam poseleniya Ilgynly-depe)* [*Anthropomorphic images in the Middle Eneolithic of Turkmenistan (with particular reference to the materials of Ilgynly-depe)*]. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg SU, 2008. 328 p. (in Russian).

Хлопин 1964 — *Khlopin I. N. Geoksyurskaya gruppa poseleniy e'pohi e'neolita: Opyt istoricheskogo analiza* [*Geoksyur group of settlements of the Eneolithic period: An essay in historical analysis*]. M.; L.: Nauka, 1964. 172 p. (in Russian).

Хлопин 1997 — *Khlopin I. N. E'neolit Yugo-Zapadnogo Turkmenistana* [*Eneolithic of Southwestern Turkmenistan*]. St. Petersburg: Evropeiskiy dom, 1997. 302 p. (Proceedings of the STACE. Vol. 20) (in Russian).

Bobomulloev et al. 2017 — *Bobomulloev S., Vinogradova N. M., Bobomulloev B. with contributions by Teufer M. and Lombardo G. Preliminary results of research of the burial ground of Farkhor, the middle bronze age monument in the south of Tajikistan* // Bobomulloev C. (ed.). Materials of the Farkhor Archaeological Expedition. Dushanbe, 2017. Vol. 1. P. 68–115.

Brunet 2011 — *Brunet F. A clay figurine workshop 6000 years ago* // Historical and cultural sites of Turkmenistan. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2011. P. 250–255.

Hiebert 2003 — *Hiebert F. A Central Asian Village at the Dawn of Civilization, Excavations at Anau, Turkmenistan*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2003. 238 p. (University Museum Monograph. 116).

Kohl 1984 — *Kohl Ph. L. Central Asia: Palaeolithic Beginnings to the Iron Age*. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1984. 313 p.

Lecomte 2011 — *Lecomte O. Ulug-depe: 4000 years of evolution between plain and desert* // Historical and cultural sites of Turkmenistan. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2011. P. 220–237.

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А. В. ПОЛЯКОВ

Ключевые слова: *эпоха бронзы Южной Сибири, окуневская культура, радиоуглеродное датирование, относительная хронология, Минусинские котловины.*

В статье анализируются все известные на данный момент радиоуглеродные даты окуневской культуры (бронзовый век Минусинских котловин). Всего насчитывается 50 определений возраста образцов, по которым имеется первичная информация, позволяющая провести их калибровку по единой схеме. Обработка первичных дат проведена в программе OxCal 4.3 с использованием кривой IntCal 13. В публикации изложена история изучения хронологии окуневской культуры, проведена критика источников и представлены результаты анализа собранных дат.

Согласно имеющимся радиоуглеродным датам возраст окуневской культуры в настоящее время определяется в пределах 26–18 вв. до н. э. Однако есть основания считать, что со временем верхняя граница этого периода может заметно «омолодиться». Исследование показало, что период сосуществования афанасьевской и окуневской культур составляет не более 100 лет, что подтверждает гипотезу об их последовательной смене. В составе окуневской культуры удалось определить хронологию ее отдельных этапов: уйбатский — 26–23 вв. до н. э., черновский — 22–20 вв. до н. э., разливский — начиная с 19–18 вв. до н. э. Самым сложным является вопрос о соотношении окуневской и федоровской культур. На сегодняшний день для решения этой проблемы недостаточно информации.

Введение. Одна из сложнейших проблем в изучении археологических культур эпохи бронзы Южной Сибири — определение их хронологии. Эта тема по-прежнему не получила серьезного научного обоснования в силу отсутствия надежных отправных реперов. Впервые выделивший окуневскую культуру Г. А. Максименков писал: «...бесспорных оснований для абсолютной датировки пока нет. И все же как-то сориентировать во времени энеолитические культуры Сибири необходимо» (Максименков 1975: 21). Затем он, основываясь на девяти некалиброванных радиоуглеродных датах афанасьевской культуры и на датировках, предложенных К. В. Сальниковым для андроновской культуры, приходит к выводу: «Таким образом, вероятнее всего дата окуневской культуры лежит между XXI–XVII вв. до н. э.» (Там же). Э. Б. Вадецкая в работе 1986 г. начинает раздел «Хронология», посвященный окуневской культуре, словами: «Собственных дат культура не имеет» (Вадецкая 1986: 36). Далее она, опираясь на некалиброванные радиоуглеродные даты афанасьевской культуры, устанавливает нижнюю временную границу существования окуневских памятников — XVIII–XVII вв. до н. э. Их верхняя хронологическая граница (XIII в. до н. э.) была определена Э. Б. Вадецкой на основании предложенных М. Ф. Косаревым дат федоровских памятни-

ков андроновской культуры. Исследовательница не привлекала радиоуглеродные даты федоровской культуры Среднего Енисея из-за их крайней противоречивости. Далее указывается, что близкие даты имеют родственные окуневской самуськая и кротовская культуры. Сходная точка зрения на хронологию окуневских памятников Среднего Енисея отражена в работе Вл. А. Семёнова (Семёнов 1997).

Таким образом, до получения собственных радиоуглеродных дат, основания для датирования окуневской культуры оставались весьма шаткими. Логика исследователей по данному вопросу была совершенно справедливой. Однако нижняя временная граница рассматриваемой культуры опиралась на некалиброванные даты афанасьевских памятников и ее следует уточнить на основе современных данных (Поляков 2010). Верхняя хронологическая граница окуневской культуры основывалась на датах федоровских памятников андроновской культурно-исторической общности, хронологическую позицию которых неоднократно пересматривали, то удреняя ее, то омолаживая на 300–400 лет. Современная датировка этих памятников также привязана к радиоуглеродной хронологии (Молодин и др. 2014).

На сегодняшний день по-прежнему не существует самостоятельной даты окуневских памятников, которая была бы привязана цепочкой аналогий к археологическим культурам, датированным на основании письменных источников. В аналогичном положении находятся синхронные окуневской самуськая и кротовская культуры. При этом для самуськой культуры радиоуглеродных дат практически нет, а определения, выполненные для кротовской культуры, в значительной степени противоречивы и охватывают большой хронологический период (Молодин и др. 2014; Молодин, Гришин 2016: 371–375). Таким образом, только собственные радиоуглеродные даты могут дать веское основание для определения хронологии окуневских памятников.

Относительная хронология окуневской культуры — одна из острейших и наиболее дискуссионных тем в археологии эпохи бронзы Минусинских котловин. До выделения в самостоятельную культуру окуневские памятники относили то к финалу афанасьевской культуры, то к раннему этапу андроновской (Комарова 1947; Кызласов 1962). Рассматривались и продолжают обсуждаться варианты продолжительного сосуществования окуневских археологических объектов с древностями как афанасьевского, так и андроновского времени (Хлобыстина 1973; Савинов 2002: 24; Лазаретов 2001: 104; Соколова 2009; Вадецкая 2014: 328). К сожалению, имеющаяся информация по сопроводительному инвентарю и погребальному обряду недостаточна для принятия взвешенных решений. В такой ситуации сопоставление радиоуглеродных дат окуневских памятников имеет решающее значение, как и в случае с абсолютными датами культуры.

Обзор источников и литературы. Изучение радиоуглеродных дат окуневской культуры является молодым направлением в исследованиях. Работа с этим важнейшим источником информации ведется чуть более 20 лет. Первая дата была получена лишь в самом конце XX в. (Лазаретов 1995: 16). На заре становления радиоуглеродного метода анализировали только дерево или угли, которые

в погребениях окуневской культуры встречаются очень редко. Позднее, когда широкое распространение получила методика, позволяющая использовать в качестве источника образца кость, стало возможно получение первых дат.

В литературе представлена дата, полученная по костям человека из ящика 5 кург. 1 могильника Туим-Кольцо — 2290 г. до н. э. (Кызласов, Мылтыгашева 2001: 173–174). Однако ввиду отсутствия исходных данных (лабораторный индекс и первичная дата) использовать ее для анализа невозможно. Остается лишь констатировать, что полученный результат хорошо коррелирует с остальными приведенными в работе датами окуневской культуры.

Самая ранняя серия из восьми анализов была получена группой немецких исследователей под руководством А. Наглера и Г. Парцингера в конце 1990-х гг. Были изучены разнообразные образцы (дерево, кость) из курганов 1 и 4 могильника Уйбат V и угли из слоя окуневской культуры горной крепости (све) Чебаки (Görsdorf et al. 1998; 2001). Позднее, в 2001 г. появилась еще одна дата, полученная по костям человека из мог. 1 кург. 1 могильника Черновая XI (или Черновая 99 — по году раскопок) (Görsdorf 2002: 557). Все эти анализы проводились в берлинской лаборатории (индекс — Bln), использующей пропорционально газовый метод. Основные выводы исследователей сводились к тому, что первая серия калиброванных дат окуневской культуры хорошо вписывается в общую стратиграфическую колонку, построенную для эпохи палеометалла Южной Сибири. При этом наблюдается значительное удревнение по отношению к традиционным датам, фигурирующим в археологической литературе. На основании полученных радиоуглеродных определений авторы относили окуневскую культуру к последней трети III тыс. до н. э. — началу II тыс. до н. э.

Одна особая серия анализов была проведена в 2008 г. А. Гассом в ходе подготовки монографии, посвященной окуневской культуре (Gass 2011: Abb. 51, Tab. C). Им были получены пять дат по образцам нагара с внутренних стенок сосудов различных памятников. Три из них происходили из погребений раннего, уйбатского этапа окуневской культуры: Есь (Липский 1954), База Минторга (Наглер, Парцингер 2006) и Бельтыры (Липский, Вадецкая 2006). Еще два образца получены с фрагментов окуневской керамики стоянки Таяты-4 (Леонтьев Н., Леонтьев С. 2009) и грота Сагархая (Амзараков 2006). Исследования проводились в лаборатории им. Г. В. Лейбница радиоуглеродного и изотопного анализа при Университете им. Христиана Альбрехта в Киле методом ускорительной масс-спектрометрии (индекс KIA). Необходимо отметить, что на рис. 51 и в табл. С монографии А. Гасса даты немного отличаются. Как пояснил автор, в первом случае представлены даты до поправки на изотопное фракционирование, а во втором случае — уже после внесения этой корректировки (ван дер Плихт и др. 2016: 14–15). В итоге, на основе суммирования всех известных на тот момент анализов окуневская культура была датирована А. Гассом последней третью III тыс. до н. э. — началом II тыс. до н. э. (Gass 2011: 85).

Параллельно, в 2007–2008 гг. проводились исследования С. Святко из ¹⁴ХРОНО Центра по изучению климата, окружающей среды и хронологии (Королевский университет Белфаста). Были проанализированы 88 образцов костей человека из погребальных памятников разных эпох, в том числе — 21 из могил окуневского времени (Svyatko et al. 2009). Две даты оказались относящимися к скифскому периоду (впускные погребения). Таким образом, в научный оборот были введены 19 новых дат окуневских памятников. Были повторно датированы образцы из могильника Уйбат V, а также получены даты погребений из могильников Уйбат III, Верхний Аскиз I, Окунев Улус, Окунев Улус I и погребения Батени. Исследования проводились в собственной лаборатории центра ¹⁴ХРОНО (индекс UBA) методом ускорительной масс-спектрометрии. По результатам этих исследований была подготовлена статья, содержащая как вновь полученные данные, так и обзор уже имеющихся радиоуглеродных дат памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин (Svyatko et al. 2009). Затем, на основе тех же материалов, была выпущена статья для русскоязычной аудитории, не являющаяся переводом исследования, опубликованного в Аризоне (Поляков, Святко 2009). Авторы приходят к выводу, что на основе имеющихся дат окуневскую культуру следует относить к 25–18 вв. до н. э.

В 2016 г., в связи с исследованиями резервуарного эффекта, в этой же лаборатории сделана серия из еще шести анализов (Svyatko et al. 2017). Были взяты образцы различных материалов из двух могил окуневской культуры: Красный Камень, кург. 1, мог. 1 (кость человека, зуб оленя) и Уйбат-Чарков, кург. 1, мог. 11 (кости двух человек, астрагал овцы, дерево). В результате не удалось выявить каких-либо свидетельств резервуарного эффекта для памятников Минусинских котловин. Новые даты полностью укладываются в уже выявленный хронологический период и не вносят принципиальных изменений в общую картину датировки окуневской культуры.

Еще одна серия из восьми анализов проведена в 2008–2016 гг. группой санкт-петербургских исследователей: И. П. Лазаретов (ИИМК РАН), С. В. Морозов (ГЭ), А. В. Поляков (ИИМК РАН). Образцы различных материалов (дерево, кость человека) из могильников Красный Камень, Итколь I, Итколь II, Уйбат-Чарков были исследованы в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (индекс Le), использующей жидкостно-сцинтилляционный метод. Полученные результаты впервые вводятся в научный оборот.

Последняя из известных на данный момент серий радиоуглеродных анализов была сделана несколько лет назад в ходе исследований генетики населения окуневской культуры научным центром под руководством Эске Виллерслева (Eske Willerslev, The Centre for GeoGenetics, The Natural History Museum of Denmark, University of Copenhagen). К сожалению, из 11 дат на сегодняшний день опубликованы только две, полученные в лаборатории Калифорнийского университета (индекс UCI, метод ускорительной масс-спектрометрии) (Rasmussen et al. 2015). Однако при подготовке данной статьи автору удалось ознакомиться с результатами

датирования остальных образцов данной серии. Полученные даты полностью укладываются в рамки уже сложившейся хронологии окуневской культуры и не противоречат приведенным ниже результатам.

Датировка погребений окуневской культуры — чрезвычайно сложная тема, которая требует детального анализа. Ранее проводившиеся исследования были направлены преимущественно на построение единой стратиграфической колонки культур и непосредственно окуневской теме была посвящена сравнительно небольшая часть изысканий. В последнее время получено значительное число новых дат. Задача данной публикации — ввести их в научный оборот, обобщить и подробно разобраться в имеющихся материалах. На сегодняшний день в нашем распоряжении имеется 50 дат, достоверно происходящих из памятников окуневской культуры, которые можно анализировать по единой схеме (таблица). Обработка первичных дат проводилась посредством программы OxCal 4.3 с использованием кривой IntCal 13 (Reimer et al. 2013).

Критика источников. Прежде чем перейти к анализу результатов, необходимо решить вопрос о включении или исключении некоторых дат из анализируемого списка. Обобщающая статья, вышедшая в 2009 г. в журнале *Radiocarbon*, не лишена некоторых неточностей в разделе окуневской культуры, на что уже обращали внимание исследователи (Соколова 2011). Большинство этих ошибок, как, например, включение в окуневскую серию двух дат андроновских памятников (Лебяжье, мог. 10 и Пристань I, ограда 6, мог. 2), были устранены уже в публикации на русском языке (Поляков, Святко 2009). На суть исследования и полученные в итоге результаты эти неточности никакого влияния не оказали.

Продолжая процесс исключения из списка спорных дат, следует отказаться от двух анализов, контекст которых на сегодняшний день уже не может быть установлен. Прежде всего назовем дату поселения Усть-Киндырла. В 1972 г. Л. П. Зяблин проводил работы на различных памятниках в районе одноименного села. Он относил их к эпохам неолита и поздней бронзы. Достоверно установить принадлежность этого образца уже невозможно, тем более что полученная дата синхронна хронологическому горизонту памятников федоровской культуры. Затем следует исключить дату, полученную по образцу из могильника Карасук III, ограда 7. Речь идет о кургане афанасьевской культуры, в который впущено несколько погребений окуневского времени (Грязнов 1999: 36–37). Учитывая, что нет точной информации, откуда был взят для анализа фрагмент дерева, использованный в качестве образца, относить полученную дату к какой-либо из двух культур нельзя. Кроме того, доверительный интервал в 200 лет после калибровки дает хронологический отрезок свыше 1000 лет (2432–1316 гг. до н. э.), что недопустимо много.

Необходимо также устранить неточность, касающуюся образца из мог. 1, кург. I могильника Уйбат III. Во всех ранее представленных публикациях указано, что он был взят от «черепа 1» (Svyatko et al. 2009: Tabl. 5; Поляков, Святко 2009: прил. 1). Однако скелет 1, находившийся *in situ* на дне нижнего яруса могилы, не имел

черепа. После детального изучения первичной документации по отбору образцов установлено, что образец был взят от черепа 3. Эта поправка не имеет принципиального значения для определения хронологии культуры в целом, но она играет большую роль при анализе соотношения ее уйбатского и черновского этапов. Самая сложная проблема при радиоуглеродном датировании образцов из памятников окуневской культуры связана с особенностями ее погребального обряда. Для этих памятников весьма характерно неоднократное подхоронение покойных в уже существующие могилы. Известны случаи, когда в одном сравнительно небольшом погребальном сооружении обнаруживают останки нескольких десятков человек (Итколь I, кург. 1, мог. 1а — 22 человека). Более того, есть свидетельства о том, что черепа, а иногда и другие кости умерших могли извлекать из ранее устроенных могил и хоронить повторно (Вадецкая 1980: 107–111). Все это имеет самое непосредственное влияние на полученные даты, которые могут оказаться как моложе, так и древнее момента совершения самого погребения, хотя необходимо признать, что за рамки окуневской культуры эта традиция не выходит.

К сожалению, значительную часть образцов для дат, выполненных в Берлине и Белфасте, отбирали не в процессе раскопок, а значительно позднее, в камеральных условиях, поэтому не всегда ясно, от какого именно скелета взят тот или иной образец. В частности, проблемы возникают с ярусными погребениями могильников Уйбат III и Уйбат V. Наибольший интерес и научное значение имели бы даты, полученные по костям усопших, расположенных в нижнем ярусе на своих первоначальных местах. Погребальные камеры верхнего яруса подвергались неоднократным проникновениям, и часть найденных в них останков могла быть подхоронена позднее. Однако в отдельных случаях, кроме номера могилы, детальной информации по этим образцам нет.

Большим достоинством имеющихся дат является то, что все анализы выполнены относительно недавно. Даты, полученные в 1960–1970-х гг., часто демонстрируют большой разброс, и в некоторых случаях приходится отказываться от их использования (Поляков, Святко 2009: 30–31, рис. 5). Кроме того, самая большая серия новых дат (32 определения) выполнена по наиболее прогрессивной технологии ускорительной масс-спектрометрии, что значительно повышает доверие к полученным результатам.

Отдельно рассмотрим серию анализов, выполненных в Киле по нагару сосудов. Необходимо указать, что нагар сосудов — один из самых сложных и проблемных источников для образцов, который чаще других подвержен тенденции давать более древние даты. Хронологические интервалы, полученные по нагару, зависят от продуктов, которые были использованы для приготовления пищи. Причем изучение изотопного фракционирования не помогает разобраться в этом вопросе, так как при термической обработке меняется соотношение C/N. В результате идентификация морских/речных компонентов нагаров оказывается невозможна (ван дер Плихт и др. 2016: 74–77). В современных работах изучение нагара является только

частью комплексного исследования, цель которого — оценить возможные проблемы и эффекты, связанные с этим сложным типом образца.

Следует иметь в виду, что проведение трех анализов по нагару сосудов из погребальных памятников связано с изучением наиболее ранних памятников уже выделенного к тому времени уйбатского этапа. Два сосуда и курильница, с которых были взяты образцы, действительно по своему внешнему облику относятся к периоду формирования окуневской культуры, и их ранняя позиция в целом не удивительна. Дата по сосуду из мог. 1 могильника База Минторга (KIA-35270) — 2580–2349 гг. до н. э. полностью соответствует представлениям о хронологическом положении этого памятника. Результаты анализа нагара из курильницы могильника Есь — 4030 ± 50 (KIA-35272), где она находилась в сооружении катакомбного типа, практически идентичны дате из погребения в катакомбе 4 кург. 1 могильника Уйбат V — 4016 ± 30 (Bln-5196). В силу особенности использования этого типа керамических изделий нагар из курильницы вряд ли подвержен резервуарному эффекту. Таким образом, некоторые сомнения в результатах анализа остаются преимущественно в отношении последнего образца из могильника Бельтыры, ограда 6 (KIA-35271).

Анализ полученных результатов. Рассмотрение имеющейся суммы данных по погребальным памятникам окуневской культуры (46 дат) подчеркивает неизбежность установившейся ее нижней хронологической границы (рис. 1). Она проходит в 26 в. до н. э. Серия новых высококачественных AMS-дат, полученных по памятникам раннего уйбатского типа (Уйбат-Чарков, кург. 1, мог. 11; Красный Камень, кург. 1, мог. 1), только подчеркнула и еще больше утвердила эту границу (Svyatko et al. 2017). Не противоречат им и новые даты, полученные традиционным методом, по образцам дерева из памятников этого же периода (Уйбат-Чарков, кург. 1, мог. 11; Итколь II, кург. 12, мог. 3). Особое значение имеет серия из четырех AMS-дат, полученных для одного непо потревоженного погребения (Уйбат-Чарков, кург. 1, мог. 11) (рис. 2). Они были сделаны на основе различных материалов (дерево, астрагал овцы, кости двух человек) с целью проверки существования резервуарного эффекта. Разброс между ними оказался минимальным, что позволяет использовать консолидированную дату этой могилы в качестве опорной.

Обращает на себя внимание, что обе даты, полученные по материалам погребений в сооружениях катакомбного типа, относятся к числу наиболее ранних: Уйбат V, кург. 1, мог. 4 (Bln-5196) — 2618–2470 гг. до н. э. и Есь (KIA-35272) — 2856–2462 гг. до н. э. Конструкции этого типа встречаются в материалах окуневской культуры очень редко. На сегодняшний день известно 10 подобных случаев: Есь (Липский 1954: рис. 35); Уйбат I, кург. 1, могилы 1 и 7 (Наглер, Парцингер 2006: рис. 2, 1, 7); Уйбат III, кург. 1, мог. 2 (Лазаретов 1997: табл. III, 1, 3); Уйбат V, кург. 1, могилы 4 и 6 (Там же: табл. IV; V, 5, 6); Итколь II, кург. 14, мог. 8; Уйбат-Чарков, кург. 1, могилы 3, 4, 6. Вероятно, этот тип сооружений использовали только в момент формирования окуневской культуры, а затем он выходит из употребления.

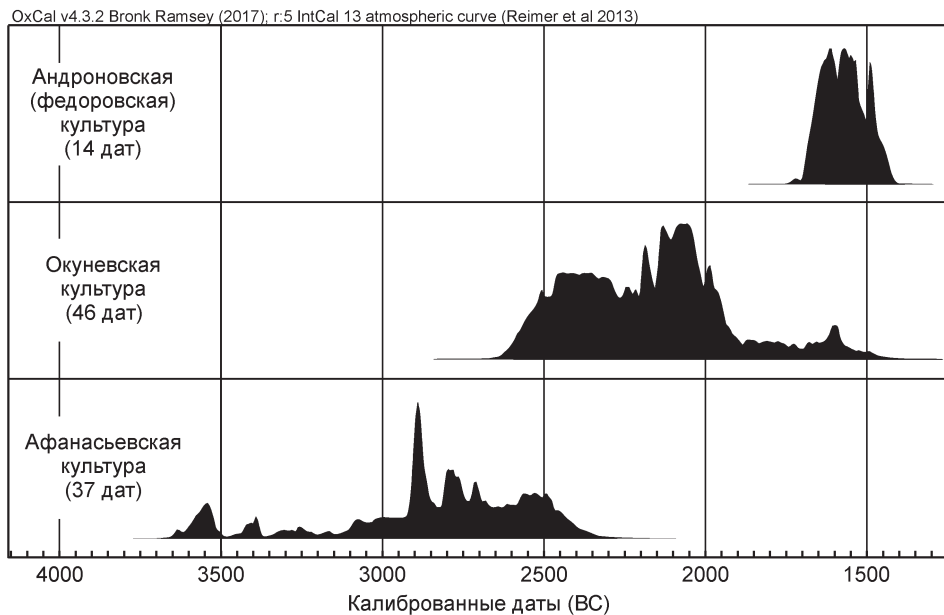

Рис. 1. Соотношение суммарных вероятностей радиоуглеродных дат афанасьевской, окуневской и федоровской культур Среднего Енисея

Fig. 1. Ratio of the integrated probabilities of radiocarbon dates for the Afanasievo, Okunev and Fedorovo cultures of the Middle Yenisey

Соотношение суммарных вероятностей радиоуглеродных дат афанасьевской и окуневской культур за последние восемь лет не претерпело каких-либо серьезных изменений. Несколько новых дат афанасьевской культуры долины Среднего Енисея, полученных в последние годы и пока еще не введенных в научный оборот, никак не повлияли на ее хронологию: финал приходится на 25 в. до н. э. Учитывая специфику радиоуглеродного метода, срок возможного сосуществования двух культур ограничивается периодом около 100 лет. Эти данные укрепляют позиции сторонников последовательной смены культур, предполагавших непродолжительный характер этого периода (Максименков 1964; Семёнов 1997; Лазаретов 2001: 103).

На основе материалов раскопок в долине реки Уйбат И. П. Лазаретов поставил вопрос о разделении окуневской культуры на два последовательных этапа: ранний — уйбатский и поздний — черновский (Лазаретов 1997). Эта идея была поддержана практически всеми исследователями. Несколько позже Д. Г. Савинов предложил дополнить эту схему финальным третьим этапом — разливским, включающим три памятника: Черновая XI, Разлив X, Стрелка (Савинов 2005). Последняя гипотеза пока еще находится в стадии обсуждения, так как отсутствуют характерные типы артефактов или четкие критерии погребального обряда, на основании которых можно было бы относить памятники к разливскому этапу. Использование стилистических особенностей изобразительной традиции является довольно шатким

OxCal v4.2.4 Bronk Ramsey (2013); r:5 IntCal 13 atmospheric curve (Reimer et al 2013)

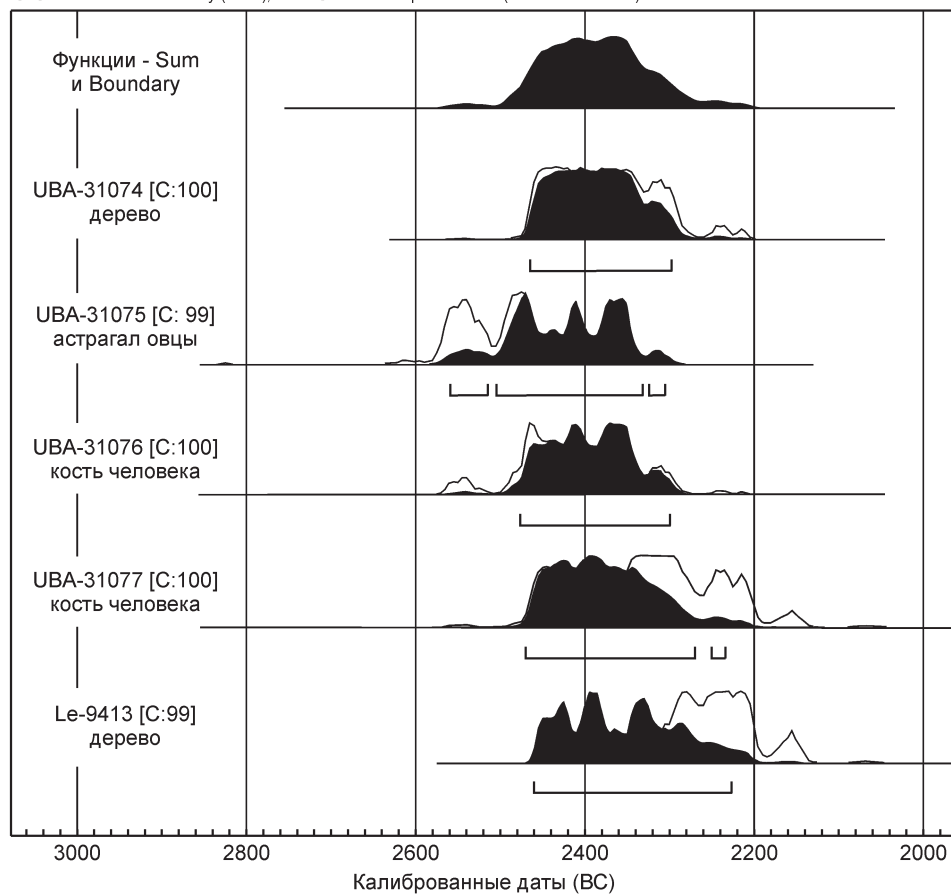

Рис. 2. Результаты радиоуглеродного датирования мог. 11 кург. 1 могильника Уйбат-Чарков
 Fig. 2. Results of radiocarbon dating of grave 11 from barrow 1 of the Uibat-Charkov cemetery

основанием для определения хронологии могильников. Не всегда схемы развития художественных стилей подтверждаются новыми материалами. Так, находка в не потревоженном захоронении мог. 6 (катакомбный тип) кург. 1 могильника Уйбат-Чарков (уйбатский этап) камня с крашеной личиной джойского типа опровергает типологические построения, согласно которым этот тип личин относится к самому финалу развития окуневского искусства (Лазаретов 2011).

В исследовании 2009 г. была предпринята неудачная попытка распределить имевшиеся в тот момент радиоуглеродные даты в соответствии с делением курганов на этапы. В результате пришлось признать, что «хотя в целом результаты пока не подтверждают мнение специалистов о внутренней хронологии окуневских памятников, есть перспективы дальнейшего изучения этого вопроса» (Поляков, Святко 2009: 29). Проблема заключалась в том, что суммарная вероятность шести

анализов из могил уйбатского этапа мало отличалась от результатов анализа серии из 17 погребений, датирующихся черновским временем. Только дата из мог. 4 кург. 1 могильника Уйбат V (Bln-5196) действительно указывала на ранний возраст.

Получение новых дат и дальнейшая работа с уже имеющимися материалами позволили осознать и объяснить это явление. Причина неверного понимания дат крылась в стремлении рассматривать окуневские погребения как закрытый комплекс. Это изначально неверный подход. Хорошо известно, что многие могилы этой культуры использовали неоднократно. В них могли подхоранивать людей на протяжении значительного времени. Неоднократно в наиболее престижных, обычно центральных могилах были обнаружены останки десятков погребенных, которые просто физически не могли поместиться там одновременно (см. выше — Итколь I, кург. 1, мог. 1-а — 22 человека).

Анализируя имевшуюся в 2009 г. серию из шести дат, нетрудно заметить, что единственным погребением, которое может рассматриваться как закрытый комплекс, была та самая мог. 4 кург. 1 могильника Уйбат V. Это одиночное непо тревоженное погребение, по образцу из которого была получена действительно ранняя дата (Лазаретов 1997: 23–24). Остальные пять образцов были взяты из трех могил, которые относятся к редкому типу ярусных захоронений (Уйбат III, кург. 1, мог. 1; Уйбат V, кург. 1, мог. 1 и 3). В нижней камере таких могил располагалось привилегированное персональное погребение, а на его перекрытии — коллективный склеп. Причем во всех трех случаях в нижней камере хотя и были следы проникновения, но отдельные кости сохранили свое первоначальное положение. Расположенные выше склепы содержали останки до 10 человек, находившихся в полностью перемещенном состоянии, что предполагает неоднократные проникновения в эту камеру, в том числе и когда она уже была частично заполнена грунтом.

Из пяти рассматриваемых дат две были достоверно сделаны по костям людей, находящихся в верхних камерах (UBA-7916, UBA-7917). В остальных трех случаях нет никаких указаний на точную локализацию источника образца (ID n/a, UBA-7912, Bln-5195). Число скелетов в верхних камерах обычно значительно больше, и вероятность того, что эти три образца также получены по костям людей из верхней камеры, весьма высока. Как уже отмечалось, для окуневской культуры характерно повторное использование уже существующих могил для совершения позднейших захоронений. Все это подводит нас к мысли, что полученные даты могут и не относиться к погребениям уйбатского этапа. Нет сомнений, что рассматриваемые захоронения связаны с окуневской культурой, но они, возможно, являются впускными безынвентарными погребениями черновского периода.

Для нового соотношения радиоуглеродных дат различных этапов была проведена тщательная селекция. Для определения хронологии уйбатского периода были отобраны только 12 дат, которые сделаны на основе анализа образцов из непо тревоженных или мало потревоженных погребений, где достоверно установлена связь образца с захоронением именно раннего времени (Уйбат V, кург. 1,

мог. 4; Итколь II, кург. 12, мог. 3; Уйбат-Чарков, кург. 1, мог. 11; Красный Камень, кург. 1, мог. 1). Результаты анализа образцов нагара опущены, так как велика вероятность получения на их основе слишком ранних абсолютных определений. Даты черновского времени (19 образцов) были взяты все, так как, к сожалению, большинство из них получено либо из безынвентарных погребений, либо из сильно потревоженных могил. Для разливского этапа использована одна дата, поскольку нет оснований соотносить какие-либо вновь полученные определения именно с этим периодом.

В результате получена четкая картина, которая позволяет определить хронологические рамки отдельных периодов окуневской культуры (рис. 3). Уйбатский этап можно датировать 26–23 вв. до н. э., черновский — 22–20 вв. до н. э. и разливский — начиная с 19–18 вв. до н. э. Единичные определения, которые «смазывают» эту картину, но при этом отсеваются на статистическом уровне, включают две ранние даты из погребений черновского времени (UBA-7914 — Верхний Аскиз I, кург. 1, мог. 13, скелет 1; UBA-7913 — Верхний Аскиз I, кург. 2, мог. 4, скелет 1). Следует обратить внимание на то, что в обоих случаях речь идет о неоднократно потревоженных небольших каменных ящиках, в которых обнаружены останки нескольких людей (в первом случае — четыре человека, во втором — не менее девяти человек),

OxCal v4.2.4 Bronk Ramsey (2013); r:5 IntCal 13 atmospheric curve (Reimer et al 2013)

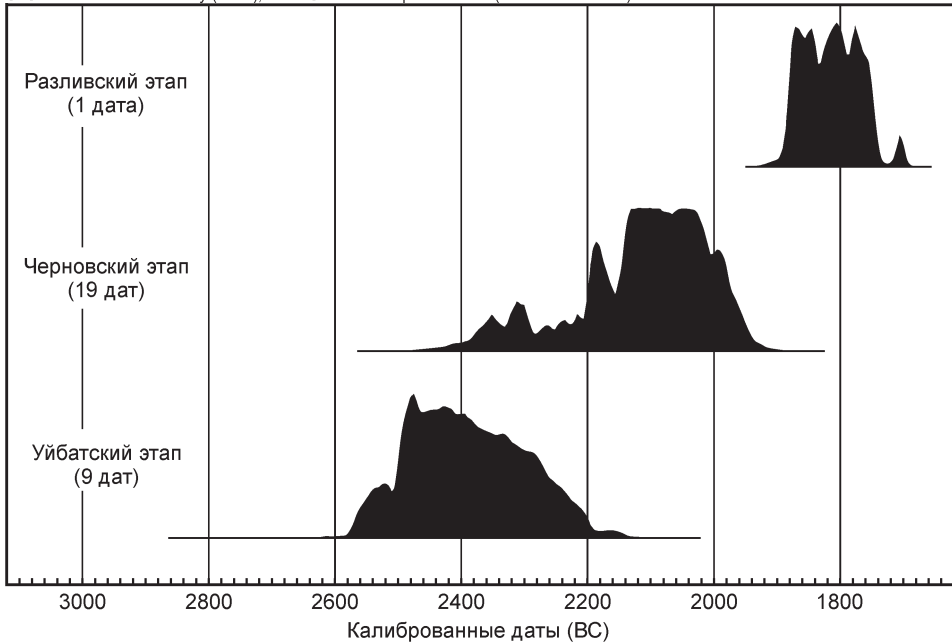

Рис. 3. Соотношение суммарных вероятностей радиоуглеродных дат погребальных памятников этапов окуневской культуры

Fig. 3. Ratio of the integrated probabilities of radiocarbon dates from burial sites of the Okunev culture

причем авторы раскопок отмечают, что возможно перемещение части останков из соседних могил (Хаврин 1997: 69).

Наличие ранних дат черновского времени можно объяснить двумя причинами. Либо мы фиксируем для указанных двух погребений наличие резервуарного эффекта, который приводит к удревнению дат, полученных по костям человека (ван дер Плихт и др. 2016), либо, что более вероятно, ранние датировки являются следствием помещения в могилу костей «предков», извлеченных из относительно ранних погребений. В материалах окуневской культуры этот ритуал фиксируется в виде захоронения в могиле, в дополнение к основному погребению, нескольких черепов, в большинстве случаев — без нижних челюстей (Вадецкая 1980). Современные раскопки позволили установить, что в отдельных случаях в погребения могли перемещать и части посткраниального скелета (Итколь I, кург. 3, мог. 6). В любом случае, учитывая состояние данных погребений, установить причину столь древних дат практически невозможно.

Не менее сложна проблема верхней границы окуневских памятников и финала разлиевского этапа. Закат культуры традиционно связывают с появлением на Среднем Енисее носителей федоровской традиции, которые проникли сюда с северо-запада по лесостепному «чулымскому коридору» (Членова 1984; Вадецкая 1986: 42). Долгое время верхнюю дату окуневской культуры определяли на основе дат федоровских памятников, причем взятых в широком географическом контексте. Радиоуглеродные даты федоровской культуры Среднего Енисея не принимали во внимание, поскольку они помещают ее памятники в широкий временном диапазоне протяженностью свыше 1000 лет (Поляков, Святко 2009: 30, рис. 5).

Дополнительную сложность создает тот факт, что федоровские памятники занимают только северную часть Минусинских котловин и не обнаружены южнее широты современного г. Абакан (Максименков 1978: 6; Вадецкая 1986: 41–42; Лазаретов 2001: 104; Бобров 2003: 14; Савинов 2005: 29). Вероятно, продвижение федоровских племен с севера на юг было на определенном этапе остановлено, и эта граница сохранялась на протяжении всего периода присутствия культуры на Среднем Енисее. Существует предположение, что на юге продолжали жить представители окуневской культуры, возможно до момента появления в этом районе нового населения эпохи поздней бронзы (Вадецкая 1986: 36, 46; Семёнов 1997: 157–160; Лазаретов 2001: 104; Савинов 2002: 24, 32). К сожалению, пока не найдено прямых подтверждений этой теории, однако в южных памятниках в эпоху поздней бронзы фиксируются элементы, свидетельствующие о возможных контактах с окуневским населением. Например, окуневская стела была обнаружена в «алтарной» нише поселения Торгажак (Савинов 1996: 29). В нескольких случаях под головами погребенных в могилах были найдены каменные плиты — «подушки» (Быстрая II, мог. 4; Подкунинские Горы, ограда 9, мог. 2), которые считаются «визитной карточкой» окуневского погребального обряда (Вадецкая

1986: 29). Кроме того, на территории Верхнего Енисея окуневский период непосредственно сменяется памятниками эпохи поздней бронзы, минуя федоровский этап (Семёнов 1992). Таким образом, есть основания предполагать, что в северной части Минусинских котловин финал окуневской культуры наступает раньше, чем в южных районах.

На сегодняшний день радиоуглеродные даты не могут оказать помощь в решении этого сложного вопроса. Ранее проведенными исследованиями был зафиксирован заметный разрыв между датами окуневской и федоровской культур Среднего Енисея (Svyatko et al. 2009: fig. 9; Поляков, Святко 2009: 32). Самая поздняя дата среди погребальных памятников была получена по образцу из мог. 1 кург. 1 могильника Черновая XI (Bln-5279: 1886–1744 гг. до н. э.). Поздний возраст демонстрируют также обе даты горной крепости (све) Чебаки (Bln-4948: 2190–1939 гг. до н. э. и Bln-4947: 1916–1693 гг. до н. э.), что неудивительно, так как, возможно, оборонительные сооружения этого типа возникли именно в ответ на агрессию федоровских племен. Обоснованная дата финала окуневской культуры была отнесена к 18 в. до н. э. В результате между массивами радиоуглеродных дат окуневских и федоровских памятников на Среднем Енисее наблюдался разрыв свыше 140 лет.

Вновь проведенные исследования отчасти закрыли эту лагуну, но поставили и новые проблемы. Серия анализов была сделана по образцам кости человека из могил 3 и 5 кург. 22 могильника Итколь II, а также скелеты 2 и 3 мог. 16а кург. 2 могильника Итколь I (Le-10986; Le-10987; Le-10988; Le-10989). Исследования были проведены в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (индекс Le), использующей жидкостно-сцинтилляционный метод. Эти даты имеют увеличенный доверительный интервал от 70 до 110 лет, что приводит после калибровки к получению хронологических отрезков протяженностью 350–540 лет. Формально они закрывают имевшуюся лагуну и даже оказываются отчасти синхронны федоровскому периоду. В то же время эти даты охватывают настолько продолжительный период, что уверенно рассуждать об их хронологическом положении невозможно. Для дальнейшего изучения этой темы требуется проведение анализов с использованием ускорительной масс-спектрометрии.

Главная проблема изучения финального этапа окуневской культуры связана с практически полным исчезновением из могил сопроводительного инвентаря, особенно керамики. Это осложняет идентификацию наиболее поздних погребений. Пока не предложено никаких критериев их вычленения по обряду погребения и конструкции могилы. Все это влечет за собой отсутствие оснований для отнесения конкретных захоронений к разлисковому этапу, тем более что отсутствие в отдельных могилах керамики прослеживается уже и в некоторых курганах, датирую-

щихся черновским периодом. В результате, поиск наиболее поздних погребений окуневской культуры должен проходить среди полностью безынвентарных комплексов, атрибуция которых крайне сложна.

Выводы. На основании проведенного анализа можно сформулировать наиболее важные результаты исследования радиоуглеродных дат окуневской культуры.

Нижняя граница суммарной вероятности рассмотренных дат проходит между 26 и 25 вв. до н. э. Она подтверждена значительной серией дат, выполненных по методике ускорительной масс-спектрометрии. Вероятно, формирование окуневской культуры относится к 26 в. до н. э.

Сопоставление суммарных вероятностей радиоуглеродных дат афанасьевской и окуневской культур Среднего Енисея в период 26–25 вв. до н. э. составляет около 100 лет и свидетельствует о непродолжительном периоде их сосуществования.

Уйбатский этап может датироваться 26–23 вв. до н. э., черновский — 22–20 вв. до н. э. и разливский, пока представленный только одной датой, — начиная с 19–18 вв. до н. э.

Верхняя граница дат окуневской культуры пока не может быть определена достоверно. Нет сомнений, что она проходит на отрезке 17–15 вв. до н. э., но где точно — установить пока невозможно из-за отсутствия достаточного числа радиоуглеродных дат.

Вопрос о соотношении окуневской и федоровской культур по данным радиоуглеродного анализа пока остается открытым. Несколько вновь полученных дат финала окуневской культуры (Le-10986; Le-10987; Le-10988; Le-10989) имеют слишком широкий доверительный интервал и не позволяют объективно решить эту проблему.

Проведенное исследование поставило вопрос о значении источника образца для радиоуглеродных анализов. В отличие от многих других культур, погребальный обряд окуневских памятников чрезвычайно разнообразен и подразумевает как подхоронения в уже существующие могилы, так и перенос костей погребенных. В результате, даты, полученные по костям человека, могут оказаться не связанными с самой могилой и находящимся в ней сопроводительным инвентарем. Это затрудняет изучение внутренней хронологии культуры. Для получения достоверных результатов необходимо сконцентрироваться на изучении непотревоженных захоронений.

Наиболее важной и перспективной задачей в изучении окуневской культуры становится исследование ее финального этапа. На сегодняшний день не предложено объективных критериев, которые бы позволили выделить наиболее поздний пласт памятников, пока условно названный разливским этапом. Его существование не вызывает большого сомнения, однако только наличие зримых отличий позволит его обособить, описать и установить его хронологию.

Т а б л и ц а

Радиоуглеродные даты окуневской культуры

№	Лабораторный индекс	Источник образца	Археологический памятник (происхождение образца)	^{14}C возраст, ВР	Интервалы 2σ cal BC
Погребальные памятники					
1	KIA-35270	Нагар	База Минторга, мог. 1, сос. 1	3980 ± 35	2580–2349
2	UBA-8771	Кость человека	Батени	3853 ± 35	2461–2206
3	KIA -35271	Нагар	Бельтыры, ограда 6, ск. 2, сос. 1	4095 ± 35	2865–2497
4	UBA-7910	Кость человека	Верхний Аскиз I, кург. 1, мог. 6	3654 ± 29	2136–1943
5	UBA-7908	Кость человека	Верхний Аскиз I, кург. 1, мог. 10, ск. 1	3719 ± 31	2202–2030
6	UBA-7914	Кость человека	Верхний Аскиз I, кург. 1, мог. 13, ск. 1	3894 ± 28	2467–2297
7	UBA-7913	Кость человека	Верхний Аскиз I, кург. 2, мог. 4, ск. 1	3934 ± 39	2566–2297
8	UBA-7919	Кость человека	Верхний Аскиз I, кург. 2, мог. 15, ск. 1 (погр. 1)	3738 ± 30	2274–2035
9	UBA-7911	Кость человека	Верхний Аскиз I, кург. 2, мог. 21, ск. 1	3713 ± 30	2201–2027
10	UCIAMS-147669	Кость человека	Верхний Аскиз I, кург. 1, мог. 3, ск. 1	3810 ± 25	2340–2145
11	UCIAMS-147668	Кость человека	Верхний Аскиз I, кург. 1, мог. 3, ск. 2	3725 ± 25	2201–2036
12	KIA -35272	Нагар	Есь (раскопки А. Н. Липского), курительница	4030 ± 50	2856–2462
13	Le-10988	Кость человека	Итколь I, кург. 2, мог. 16а, ск. 2	3130 ± 70	1602–1212
14	Le-10989	Кость человека	Итколь I, кург. 2, мог. 16а, ск. 3	3290 ± 80	1761–1410
15	Le-11434	Дерево	Итколь II, кург. 12, мог. 3	3940 ± 50	2573–2291
16	Le-9962	Кость человека	Итколь II, кург. 14, мог. 1, ск. 1	3940 ± 70	2620–2206
17	Le-10986	Кость человека	Итколь II, кург. 22, мог. 3	3210 ± 110	1751–1210
18	Le-10987	Кость человека	Итколь II, кург. 22, мог. 5	3620 ± 100	2286–1696
19	Le-9963	Кость человека	Красный Камень, кург. 1, мог. 1	3550 ± 120	2276–1565

№	Лабораторный индекс	Источник образца	Археологический памятник (происхождение образца)	¹⁴ C возраст, ВР	Интервалы 2σ cal BC
20	UBA-31072	Кость человека	Красный Камень, кург. 1, мог. 1	3777 ± 41	2340–2040
21	UBA-31073	Зуб оленя	Красный Камень, кург. 1, мог. 1	3855 ± 42	2462–2206
22	UB-7494	Кость человека	Окунев Улус, мог. 5 (курган окуневской культуры)	3757 ± 35	2287–2040
23	UBA-7927	Кость человека	Окунев Улус, мог. 5 (курган окуневской культуры)	3725 ± 38	2278–1983
24	UBA-7929	Кость человека	Окунев Улус, мог. 7 (курган окуневской культуры)	3619 ± 40	2131–1886
25	UBA-8783	Кость человека	Окунев Улус I, мог. 1 (1926, мог. 1 по дневнику)	3894 ± 24	2466–2299
26	UBA-8781	Кость человека	Окунев Улус I, мог. 8 (1927, мог. 5 по дневнику)	3687 ± 25	2190–1979
27	UBA-7916	Кость человека	Уйбат III, кург. 1, мог. 1, череп 3	3644 ± 44	2138–1900
28	Bln-5195	Кость человека	Уйбат V, кург. 1, мог. 1	3734 ± 29	2268–2034
29	ID n/a	—	Уйбат V, кург. 1, мог. 3	3830 ± 25	2457–2153
30	UBA-7912	Кость человека	Уйбат V, кург. 1, мог. 3	3723 ± 30	2203–2032
31	UBA-7917	Кость человека	Уйбат V, кург. 1, мог. 3а-5а, ск. В	3832 ± 28	2458–2154
32	Bln-5196	Кость человека	Уйбат V, кург. 1, мог. 4	4016 ± 30	2618–2470
33	UBA-7963	Кость человека	Уйбат V, кург. 2, мог. 4, ск. А	3691 ± 26	2194–1980
34	Bln-4951	Кость	Уйбат V, кург. 4, мог. 4	3631 ± 41	2134–1891
35	UBA-7964	Кость человека	Уйбат V, кург. 4, мог. 4, череп А	3721 ± 25	2199–2035
36	Bln-4762	Дерево	Уйбат V, кург. 4, мог. 5	3782 ± 62	2457–2034
37	Bln-4950	Кость	Уйбат V, кург. 4, мог. 15	3620 ± 35	2126–1890
38	UBA-7965	Кость человека	Уйбат V, кург. 4, мог. 18	3651 ± 25	2133–1944
39	Bln-4949	Кость	Уйбат V, кург. 4, мог. 20	3657 ± 43	2192–1918

№	Лабораторный индекс	Источник образца	Археологический памятник (происхождение образца)	¹⁴ C возраст, ВР	Интервалы 2σ cal BC
40	UBA-7915	Кость человека	Уйбат V, кург. 4, мог. 21, ск. 2	3698 ± 28	2197–1981
41	Le-9413	Дерево	Уйбат-Чарков, кург. 1, мог. 11	3820 ± 35	2456–2142
42	UBA-31074	Дерево	Уйбат-Чарков, кург. 1, мог. 11	3889 ± 33	2471–2236
43	UBA-31075	Кость овцы	Уйбат-Чарков, кург. 1, мог. 11	3971 ± 40	2579–2346
44	UBA-31076	Кость человека	Уйбат-Чарков, кург. 1, мог. 11	3924 ± 39	2562–2293
45	UBA-31077	Кость человека	Уйбат-Чарков, кург. 1, мог. 11	3861 ± 50	2471–2155
46	Bln-5279	Кость человека	Черновая XI, кург. 1, мог. 1	3487 ± 25	1886–1744
Поселения					
47	Bln-4948	Уголь	Све Чебаки, квадрат С-6	3664 ± 37	2190–1939
48	Bln-4947	Уголь	Све Чебаки, квадрат С-13	3488 ± 40	1916–1693
49	KIA -35273	Нагар	Таяты-4, слой 2, сос. 1	3535 ± 35	1956–1751
50	KIA -35274	Нагар	Грот Сагархая, квадрат В2, сос. 1	3575 ± 30	2026–1782

Литература

Амзараков 2006 — *Амзараков П. Б.* Грот Сагархая — новый тип памятников Окуневской культуры // Дроздов Н. И. (отв. ред.). Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы 46-й Региональной (2-й Всероссийской) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых, посвящ. 160-летию со дня рождения И. Т. Савинкова и 110-летию со дня рождения В. И. Громова. г. Красноярск, 28–30 марта 2006 г. Красноярск: Изд-во Красноярского ГПУ, 2006. Т. 1. С. 81–82.

Бобров 2003 — *Бобров В. В.* Два древних историко-культурных мира Западной Сибири: проблема взаимодействия // Археология Южной Сибири: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения А. И. Мартынова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН., 2003. Вып. 22. С. 11–17.

Вадецкая 1980 — *Вадецкая Э. Б.* О культе головы по древним погребениям Минусинских степей // Томилов Н. А. (отв. ред.). Духовная культура народов Сибири. Томск: Изд-во Томского ГУ, 1980. С. 104–118.

Вадецкая 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Вадецкая 2014 — *Вадецкая Э. Б.* Этапы ассимиляции населения афанасьевской культуры племенами окуневской культуры // Алёхин В. А. (отв. ред.). Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. СПб.: ИИМК РАН; Арт-Экспресс, 2014. С. 315–331 (Труды ИИМК РАН. Т. 42).

Грязнов 1999 — *Грязнов М. П.* Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 146 с.

- Комарова 1947 — *Комарова М. Н.* Погребения Окунева Улуса // СА. 1947. Т. 9. С. 47–60.
- Кызласов 1962 — *Кызласов Л. Р.* Афанасьевские курганы на речках Уйбат и Бюрь // СА. 1962. № 2. С. 112–123.
- Кызласов, Мылтыгашева 2001 — *Кызласов И. Л., Мылтыгашева Л. П.* 50-летний юбилей Хакасской археологической экспедиции // РА. 2001. № 3. С. 172–181.
- Лазаретов 1995 — *Лазаретов И. П.* К вопросу о ямно-катакомбных связях окуневской культуры // Савинов Д. Г. (отв. ред.). Проблемы изучения окуневской культуры: ТД конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 14–16.
- Лазаретов 1997 — *Лазаретов И. П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.-сост.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Лазаретов 2001 — *Лазаретов И. П.* Локализация и проблемы взаимодействия культур Южной Сибири // Фроянов И. Я., Астахов С. Н. (отв. ред.). Евразия сквозь века: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Д. Г. Савинова. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2001. С. 103–107.
- Лазаретов 2011 — *Лазаретов И. П.* Окуневские личины джойского типа — маркеры древних путей // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы): ММНК 22–26 августа 2011 г., Кемерово. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Т. 2. С. 59–64 (Тр. Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. 8).
- Леонтьев Н., Леонтьев С. 2009 — *Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н.* Памятники археологии Кизир-Казырского района. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. 178 с.
- Липский 1954 — *Липский А. Н.* Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи // КСИИМК. 1954. Вып. 25. С. 89–98.
- Липский, Вадецкая 2006 — *Липский А. Н., Вадецкая Э. Б.* Афанасьевские и окуневские погребения в могильнике Бельтыры // Савинов Д. Г., Подольский М. Л., Наглер А., Чугунов К. В. (ред.). Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 73–81.
- Максименков 1964 — *Максименков Г. А.* Окуневская культура // Окладников А. П. (ред.). Материалы по древней истории Сибири (Древняя Сибирь. Макет 1-го тома Истории Сибири). Улан-Удэ: Изд-во АН СССР, 1964. С. 243–248.
- Максименков 1975 — *Максименков Г. А.* Окуневская культура: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1975. 39 с.
- Максименков 1978 — *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука. 1978. 190 с.
- Молодин, Гришин 2016 — *Молодин В. И., Гришин А. Е.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. 452 с.
- Молодин и др. 2014 — *Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3. С. 136–167.
- Наглер, Парцингер 2006 — *Наглер А., Парцингер Г.* Новые памятники окуневской культуры в Центральной части Минусинской котловины // Савинов Д. Г., Подольский М. Л., Наглер А., Чугунов К. В. (ред.). Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 104–119.
- ван дер Плихт и др. 2016 — *ван дер Плихт Й., Шишлина Н. И., Зазовская Э. П.* Радиоуглеродное датирование: хронология археологических культур и резервуарный эффект. М.: Палеограф. 2016. 101 с. (Тр. ГИМ. Вып. 203).
- Поляков 2010 — *Поляков А. В.* Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Степанова Н. Ф., Поляков А. В. (отв. ред.). Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 158–171.

Поляков, Святко 2009 — *Поляков А. В., Святко С. В.* Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита — начала раннего железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Тишкин А. А. (отв. ред.). Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Азбука, 2009. Вып. 9. С. 20–56.

Савинов 1996 — *Савинов Д. Г.* Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 112 с.

Савинов 2002 — *Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 204 с.

Савинов 2005 — *Савинов Д. Г.* К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // Тишкин А. А. (отв. ред.). Теория и практика археологических исследований: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию Ю. Ф. Кирюшина. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. Вып. 1. С. 28–34.

Семёнов 1992 — *Семёнов Вл. А.* Неолит и бронзовый век Тувы. СПб.: Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение, 1992. 135 с.

Семёнов 1997 — *Семёнов Вл. А.* Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.-сост.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 152–160.

Соколова 2009 — *Соколова Л. А.* Формирование окуневского культурного феномена: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2009. 28 с.

Соколова 2011 — *Соколова Л. А.* Новая хронология и изучение окуневской культурной традиции // Макаров Н. А., Носов Е. Н. (отв. ред.). Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород: Новгородский технопарк, 2011. Т. 1. С. 281–282.

Хаврин 1997 — *Хаврин С. В.* Могильник Верхний Аскиз I, курган 1 // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.-сост.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 65–79.

Хлобыстина 1973 — *Хлобыстина М. Д.* Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири // СА. 1973. № 1. С. 24–38.

Членова 1984 — *Членова Н. Л.* Археологические материалы к вопросу об иранцах до скифской эпохи и индоиранцах // СА. 1984. № 1. С. 88–103.

Gass 2011 — *Gass A.* Gräberfelder der frühbronzezeitlichen Okunev-Kultur im Minusinsker Becken. Bonn: Verlag Dr Rudolf Habelt GmbH, 2011. 177 S.

Görsdorf 2002 — *Görsdorf J.* Datierungsergebnisse des Berlinen 14C-Labors 2001 // Eurasia Antiqua. 2002. Bd 8. P. 553–560.

Görsdorf et al. 1998 — *Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A., Leontyev N.* Neue ¹⁴C-Datierungen für die Sibirische Steppe und ihre Konsequenzen für die regionale Bronzezeitchronologie // Eurasia Antiqua. 1998. Bd 4. S. 73–80.

Görsdorf et al. 2001 — *Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A.* New radiocarbon dates of the North Asian steppe zone and its consequences for the chronology // Radiocarbon. 2001. Vol. 43 (2B). P. 1115–1120.

Rasmussen et al. 2015 — *Rasmussen S., Allentoft M. E., Nielsen K., Orlando L., Sikora M., Sjögren K.-G., Pedersen A. G., Schubert M., Van Dam A., Kapel C. V., Nielsen H. B., Brunak S., Avetisyan P., Epimakhov A., Khalyapin M. V., Gnuni A., Kriiska A., Lasak I., Metspalu M., Moiseyev V., Gromov A., Pokutta D., Saag L., Liivi Varul L., Yepiskoposyan L., Sicheritz-Pontén T., Foley R. A., Lahr M. M., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E.* Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years Ago // Cell. 2015. Vol. 163, Is. 3. P. 571–582.

Reimer et al. 2013 — *Reimer P. J., Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Blackwell P. G., Ramsey C. B., Buck C. E., Hai Cheng, Edwards R. L., Friedrich M., Grootes P. M., Guilderson T. P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T. J., Hoffmann D. L., Hogg A. G., Hughen K. A., Kaiser K. F., Kromer B., Manning S. W., Mu Niu, Reimer R. W., Richards D. A., Scott E. M., Southon J. R., Staff R. A., Turney C. S. M.* IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon. 2013. 55 (4). P. 1869–1887.

Svyatko et al. 2009 — *Svyatko S. V., Mallory J. P., Murphy E. M., Polyakov A. V., Reimer P. J., Schulting R. J.* New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // *Radiocarbon*. 2009. Vol. 51 (1). P. 243–273.

Svyatko et al. 2017 — *Svyatko S. V., Schulting R., Poliakov A. V., Ogle N., Reimer P. J.* A lack of freshwater reservoir effects in human radiocarbon dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // *Archaeological and Anthropological Sciences* (In print). doi:10.1007/s12520-016-0383-3.

RADIOCARBON DATES OF THE OKUNEV CULTURE

A. V. Polyakov

Keywords: *Bronze Age, South Siberia, Okunev culture, radiocarbon dating, relative chronology, Minusinsk depressions.*

The paper analyses all the radiocarbon dates available for the Okunev culture (the Bronze Age of the Middle Yenisey valley). Altogether, there are 50 age determinations obtained on samples having secure basic information sufficient to calibrate these dates following a common procedure. The primary data processing was done using the OxCal 4.3 program based on the IntCal 13 calibration curve. The author describes the history of the study of the Okunev culture chronology, gives a critical assessment of the available sources of information, and presents the results of his analysis of the collected radiocarbon dates. These dates make it possible to place the Okunev culture within the period from the 26th to the 18th c. B. C. However, there are grounds to believe that with time the upper limit of this period may «get younger». The study has shown that the period of co-existence of the Afanasievo and Okunev cultures does not exceed 100 years, which confirms the hypothesis that they were consecutive in time. Different stages of the Okunev culture can be dated as follows: Uibat stage — 26–23 cc. B. C., Chernovo stage — 22–20 cc. B. C., Razliv stage — 19–18 cc. B. C. The question about the interrelation between the Okunev and Fedorovo cultures is most complicated one. The evidence at hand is not enough to resolve this problem.

Literature

Амзараков 2006 — *Amzarakov P. B.* Grot Sagarhaya — novyy tip pamyatnikov Okunevskoy kul'tury [*Sagarkhaya rock shelter — a new type of sites of the Okunev culture*] // Drozdov N. I. (ed.). *Arheologiya, e'tnologiya, paleoekologiya Severnoy Evrazii i sopredel'nyh territoriy* [*Archaeology, ethnology, paleoecology of Northern Eurasia and adjacent regions: Materials of the 46th regional (2nd All-Russia) archaeological and ethnographical conference of students and young scholars, dedicated to the 160th birth anniversary of I. T. Savinkov and 110th birth anniversary of V. I. Gromov. Krasnoyarsk, 28–30 March of 2006*]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University, 2006. Vol. 1. P. 81–82 (in Russian).

Бобров 2003 — *Bobrov V. V.* Dva drevnih istoriko-kul'turnyh mira Zapadnoy Sibiri: problema vzaimodeystviya [*Two ancient historical and cultural worlds of West Siberia: a problem of interaction*] // *Arheologiya Yujnoy Sibiri* [*Archaeology of South Siberia: Collection of research papers dedicated to the 70th jubilee of A. I. Martynov*]. Novosibirsk: IAE, 2003. Vol. 22. P. 11–17 (in Russian).

Вадецкая 1980 — *Vadetskaya E. B.* O kul'te golovy po drevnim pogrebeniyam Minusinskih stepey [*On the cult of the head as reflected in ancient burials of the Minusinsk steppes*] // Tomilov N. A.

(ed.). *Duhovnaya kul'tura narodov Sibiri [Spiritual culture of Siberian peoples]*. Tomsk: Tomsk SU, 1980. P. 104–118 (in Russian).

Вадецкая 1986 — *Vadetskaya E. B.* Arheologicheskie pamyatniki v stepyah Srednego Eniseya [*Archaeological sites in the steppes of the Middle Yenisey*]. L.: Nauka, 1986. 180 p. (in Russian).

Вадецкая 2014 — *Vadetskaya E. B.* E'tapy assilyatsii naseleniya afanas'evskoy kul'tury plemenami okunevskoy kul'tury [*Stages of assimilation of the Afanasievo culture people by the Okunev tribes*] // Alekshin V. A. (ed.). *Arheologiya drevnih obschestv Evrazii: hronologiya, kul'turogenез, religioznye vozzreniya [Archaeology of ancient societies of Eurasia: chronology, culturogenesis, religious views]*. St. Petersburg: IHMC RAS; Art-Express, 2014. P. 315–331 (Proceedings of IHMC RAS. Vol. 42) (in Russian).

Грязнов 1999 — *Gryaznov M. P.* Afanas'evskaya kul'tura na Enisee [*Afanasievo culture on the Yenisey*]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1999. 146 p. (in Russian).

Комарова 1947 — *Komarova M. N.* Pogrebeniya Okuneva Ulusa [*Burials of Okunev Ulus*] // SA. 1947. Vol. 9. P. 47–60 (in Russian).

Кызласов 1962 — *Kyzlasov L. R.* Afanas'evskie kurgany na rechkah Uybat i Byur' [*Afanasievo barrows on the Uibat and Byur' rivers*] // SA. 1962. No. 2. P. 112–123 (in Russian).

Кызласов, Мылыгашева 2001 — *Kyzlasov I. L., Mylygashева L. P.* 50-letniy yubiley Hakasskoy arheologicheskoy e'kspeditsii [50th anniversary of the *Khakas Archaeological Expedition*] // RA. 2001. No. 3. P. 172–181 (in Russian).

Лазаретов 1995 — *Lazaretov I. P.* K voprosu o yamno-katakombnyh svyazyah okunevskoy kul'tury [*Towards the question of the Pit-Catacomb connections of the Okunev culture*] // Savinov D. G. (ed.). *Problemy izucheniya okunevskoy kul'tury [Problems in the study of the Okunev culture]*. St. Petersburg: St. Petersburg SU, 1995. P. 14–16 (in Russian).

Лазаретов 1997 — *Lazaretov I. P.* Okunevskie mogil'niki v doline reki Uybat [*Okunev cemeteries in the Uibat river valley*] // Savinov D. G., Podolsky M. L. (eds.). *Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya [Okunev collection of papers. Culture. Art. Anthropology]*. St. Petersburg: Petro-RIF, 1997. P. 19–64 (in Russian).

Лазаретов 2001 — *Lazaretov I. P.* Lokalizatsiya i problemy vzaimodeystviya kul'tur Yujnoy Sibiri [*Localization and problems of interaction between the cultures of South Siberia*] // Froyanov I. Ya., Astakhov S. N. (eds.). *Evraziya skvoz' veka [Eurasia through centuries: Collection of papers dedicated to the 60th jubilee of D. G. Savinov]*. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg SU, 2001. P. 103–107 (in Russian).

Лазаретов 2011 — *Lazaretov I. P.* Okunevskie lichiny djoyskogo tipa — markery drevnih putey [*Okunev face-masks of the Joy type as markers of ancient routes*] // Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obschestve [*Rock art in modern society (on the 290th anniversary of the discovery of the Tomskaya pisanitsa): 22–26 August of 2011, Kemerovo*]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011. Vol. 2. P. 59–64 (Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers. Vol. 8) (in Russian).

Леонтьев Н., Леонтьев С. 2009 — *Leontiev N. V., Leontiev S. N.* Pamyatniki arheologii Kizir-Kazyrskogo rayona [*Archaeological sites of the Kizir-Kazyr area*]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2009. 178 p. (in Russian).

Липский 1954 — *Lipsky A. N.* Afanas'evskie pogrebeniya v nizov'yah rek Esi i Tei [*Afanasievo burials in the lower reaches of the Es' and Teya rivers*] // BCIHMC. 1954. Vol. 25. P. 89–98 (in Russian).

Липский, Вадецкая 2006 — *Lipsky A. N., Vadetskaya E. B.* Afanas'evskie i okunevskie pogrebeniya v mogil'nike Bel'tyru [*Afanasievo and Okunev burials of the Belytyr cemetery*] // Savinov D. G., Podolsky M. L., Nagler A., Chugunov K. V. (eds.). *Okunevskiy sbornik 2. Kul'tura i ee okrujenie [Okunev collection of papers 2. Culture and its milieu]*. St. Petersburg: St. Petersburg SU, 2006. P. 73–81 (in Russian).

Максименков 1964 — *Maksimenkov G. A.* Okunevskaya kul'tura [*Okunev culture*] // Okladnikov A. P. (ed.). *Materialy po drevney istorii Sibiri [Materials on the ancient history of Siberia (Ancient Siberia. Draft of the 1st volume of the History of Siberia)]*. Ulan-Ude: AS of the USSR, 1964. P. 243–248 (in Russian).

Максименков 1975 — *Maksimenkov G. A.* Okunevskaya kul'tura [*Okunev culture*]. Abstract of Doctor of History thesis. Novosibirsk, 1975. 39 p. (in Russian).

Максименков 1978 — *Maksimenkov G. A.* Andronovskaya kul'tura na Enisee [*Andronovo culture on the Yenisey*]. L.: Nauka. 1978. 190 p. (in Russian).

Молодин, Гришин 2016 — *Molodin V. I., Grishin A. E.* Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. T. 4: Kul'turno-hronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoy kul'tury [*Sopka-2 site on the Om' river. Vol. 4: Cultural and chronological analysis of burial assemblages of the Krotovo culture*]. Novosibirsk: IAE, 2016. 452 p. (in Russian).

Молодин и др. 2014 — *Molodin V. I., Epimakhov A. V., Marchenko Zh. V.* Radiouglerodnaya hronologiya kul'tur e'pohi bronzy Urala i yuga Zapadnoy Sibiri: principy i podhody, dostizheniya i problemy [*Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultures of Ural and the south of West Siberia: principles and approaches, achievements and problems*] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novosibirsk SU. Series of history and philology]*. 2014. Vol. 13, issue 3. P. 136–167 (in Russian).

Наглер, Парцингер 2006 — *Nagler A., Parzinger G.* Novye pamyatniki okunevskoy kul'tury v Central'noy chasti Minusinskoy kotloviny [*New Okunev culture sites in the central part of the Minusinsk depression*] // *Savinov D. G., Podolsky M. L., Nagler A., Chugunov K. V.* (eds.). *Okunevskiy sbornik 2. Kul'tura i ee okrujenie [Okunev collection of papers 2. Culture and its milieu]*. St. Petersburg: St. Petersburg SU, 2006. P. 104–119 (in Russian).

ван дер Плихт и др. 2016 — *van der Plicht J., Shishlina N. I., Zazovskaya E. P.* Radiouglerodnoe datirovanie: hronologiya arheologicheskikh kul'tur i rezervuarnyy e'ffekt [*Radiocarbon dating: chronology of ancient cultures and reservoir effects*]. M.: Paleograph. 2016. 101 p. (Proceedings of the State Historical Museum. Vol. 203) (in Russian).

Поляков 2010 — *Polyakov A. V.* Radiouglerodnye daty afanas'evskoy kul'tury [*Radiocarbon dates of the Afanasievo culture*] // *Stepanova N. F., Polyakov A. V.* (eds.). *Afnas'evskiy sbornik [Afnasievo collection of papers]*. Barnaul: Azbuka, 2010. P. 158–171 (in Russian).

Поляков, Святко 2009 — *Polyakov A. V., Svyatko S. V.* Radiouglerodnoe datirovanie arheologicheskikh pamyatnikov neolita — nachala rannego jeleznogo veka Srednego Eniseya: obzor oezul'tatov i novye dannye [*Radiocarbon dating of the Neolithic — Early Iron Age sites of the Middle Yenisey: an overview of results and new evidence*] // *Tishkin A. A.* (ed.). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological research]*. Barnaul: Azbuka, 2009. Vol. 9. P. 20–56 (in Russian).

Савинов 1996 — *Savinov D. G.* Drevnie poseleniya Hakasii. Torgajak [*Ancient settlements of Khakasiya. Torgazhak*]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1996. 112 p. (in Russian).

Савинов 2002 — *Savinov D. G.* Rannie kochevniki Verhnego Eniseya. Arheologicheskie kul'tury i kul'turogenез [*Early nomads of the Upper Yenisey. Archaeological cultures and cultural genesis*]. St. Petersburg: St. Petersburg SU, 2002. 204 p. (in Russian).

Савинов 2005 — *Savinov D. G.* K probleme vy'deleniya pozdnego e'tapa okunevskoy kul'tury [*To the problem of identification of the late stage of the Okunev culture*] // *Tishkin A. A.* (ed.). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological research. Collection of papers dedicated to the 60th jubilee of Yu. F. Kiryushin]*. Barnaul: Altay SU, 2005. Vol. 1. P. 28–34 (in Russian).

Семёнов 1992 — *Semenov V. I.* Neolit i bronzovyy vek Tuvy [*Neolithic and Bronze Age of Tuva*]. St. Petersburg: Leningrad science-research archaeological union, 1992. 135 p. (in Russian).

Семёнов 1997 — *Semenov V. I.* Okunevskie pamyatniki Tuvy i Minusinskoy kotloviny [*Okunev sites of Tuva and Minusinsk depression*] // *Savinov D. G., Podolsky M. L.* (eds.). *Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya [Okunev collection of papers. Culture. Art. Anthropology]*. St. Petersburg: Petro-RIF, 1997. P. 152–160 (in Russian).

Соколова 2009 — *Sokolova L. A.* Formirovanie okunevskogo kul'turnogo fenomena [*Formation of the Okunev cultural phenomenon*]. Abstract of Candidate of History thesis. St. Petersburg, 2009. 28 p.

Соколова 2011 — *Sokolova L. A. Novaya hronologiya i izuchenie okunevskoy kul'turnoy tradicii [New chronology and the study of the Okunev cultural tradition] // Makarov N. A., Nosov E. N. (eds.). Proceedings of the III (XIX) All-Russia Archaeological Meeting. St. Petersburg; M., Veliky Novgorod: Novgorodskiy technopark, 2011. Vol. 1. P. 281–282 (in Russian).*

Хаврин 1997 — *Khavrin S. V. Mogil'nik Verkhniy Askiz I, kurgan 1 [Verkhniy Asiz I cemetery, barrow 1] // Savinov D. G., Podolsky M. L. (eds.). Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya [Okunev collection of papers. Culture. Art. Anthropology]. St. Petersburg: Petro-RIF, 1997. P. 65–79 (in Russian).*

Хлобыстина 1973 — *Khlobystina M. D. Proishozhdenie i razvitie kul'tury ranney bronzy Yujnoy Sibiri [Origin and development of the Early Bronze Age culture of South Siberia] // SA. 1973. No. 1. P. 24–38 (in Russian).*

Членова 1984 — *Chlenova N. L. Arheologicheskie materialy k voprosu ob irancah do skifskoy e'pohi i indoirancah [Archaeological materials to the question of the Iranians of the Pre-Scythian epoch and Indo-Iranians] // SA. 1984. No. 1. P. 88–103 (in Russian).*

Gass 2011 — *Gass A. Gräberfelder der frühbronzezeitlichen Okunev-Kultur im Minusinsker Becken. Bonn: Verlag Dr Rudolf Habelt GmbH, 2011. 177 S.*

Görsdorf 2002 — *Görsdorf J. Datierungsergebnisse des Berlinen 14C-Labors 2001 // Eurasia Antiqua. 2002. Bd 8. P. 553–560.*

Görsdorf et al. 1998 — *Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A., Leontyev N. Neue ¹⁴C-Datierungen für die Sibirische Steppe und ihre Konsequenzen für die regionale Bronzezeitchronologie // Eurasia Antiqua. 1998. Bd 4. S. 73–80.*

Görsdorf et al. 2001 — *Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A. New radiocarbon dates of the North Asian steppe zone and its consequences for the chronology // Radiocarbon. 2001. Vol. 43 (2B). P. 1115–1120.*

Rasmussen et al. 2015 — *Rasmussen S., Allentoft M. E., Nielsen K., Orlando L., Sikora M., Sjögren K.-G., Pedersen A. G., Schubert M., Van Dam A., Kapel C. V., Nielsen H. B., Brunak S., Avetisyan P., Epimakhov A., Khalyapin M. V., Gnuni A., Kriiska A., Lasak I., Metspalu M., Moiseyev V., Gromov A., Pokutta D., Saag L., Liivi Varul L., Yepiskoposyan L., Sicheritz-Pontén T., Foley R. A., Lahr M. M., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years Ago // *Cell*. 3015. Vol. 163, Is. 3. P. 571–582.*

Reimer et al. 2013 — *Reimer P. J., Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Blackwell P. G., Ramsey C. B., Buck C. E., Hai Cheng, Edwards R. L., Friedrich M., Grootes P. M., Guilderson T. P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T. J., Hoffmann D. L., Hogg A. G., Hughen K. A., Kaiser K. F., Kromer B., Manning S. W., Mu Niu, Reimer R. W., Richards D. A., Scott E. M., Southon J. R., Staff R. A., Turney C. S. M. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // *Radiocarbon*. 2013. 55 (4). P. 1869–1887.*

Svyatko et al. 2009 — *Svyatko S. V., Mallory J. P., Murphy E. M., Polyakov A. V., Reimer P. J., Schulting R. J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // *Radiocarbon*. 2009. Vol. 51 (1). P. 243–273.*

Svyatko et al. 2017 — *Svyatko S. V., Schulting R., Poliakov A. V., Ogle N., Reimer P. J. A lack of freshwater reservoir effects in human radiocarbon dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // *Archaeological and Anthropological Sciences* (In print). doi:10.1007/s12520-016-0383-3.*

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ МИКРОСКОПИИ В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

И. С. ЖУЩИХОВСКАЯ

Ключевые слова: *сканирующая электронная микроскопия, керамика, микроструктура, водопоглощение, температура обжига, юг Дальнего Востока, период палеометалла, эпоха средневековья.*

Метод сканирующей электронной микроскопии (scanning electron microscopy) применен с целью получения информации по температурным режимам обжига глиняной посуды на юге Дальнего Востока в период палеометалла и в эпоху средневековья. Исследованы образцы керамики из памятников янковской культуры (IX — IV—III вв. до н. э.), кроуновской культуры (IV—V вв. до н. э. — III—IV вв. н. э.), государства Бохай (Bohai) (698–926), империи чжурчжэней Цзинь (Jin) (1115–1234) на территории Приморья, а также из памятника Нынсанри-сачжи (VI—VII вв., период Троецарствия: Three Kingdoms) на полуострове Корея.

В результате изучения выявлены несколько вариантов микроструктуры керамики: 1 — без признаков спекания (sintering) и витрификации (vitrification) (рис. 1); 2 — с признаками спекания (рис. 2, 1, 2); 3 — с признаками начальной витрификации (initial vitrification) (рис. 3, 1, 2); 4 — с признаками экстенсивной витрификации (extensive vitrification) (рис. 4, 1–4); 5 — с признаками почти полной витрификации (almost total vitrification) (рис. 5). Каждый из вариантов интерпретируется как индикатор определенной температуры обжига.

Температуры обжига в гончарстве периода палеометалла определены в интервале 700–800 °С, на более позднем этапе — до 900 °С в окислительной среде. Для гончарства эпохи средневековья в Приморье с учетом восстановительной среды, снижающей термический порог развития витрификации в глине, рабочие температуры обжига определены от 750 до 900 °С или несколько выше. Для гончарства Кореи периода Троецарствия определены температуры обжига в интервале от 750 до 1050 °С.

Введение. Практика применения метода сканирующей электронной микроскопии (далее — СЭМ) для исследования археологической керамики насчитывает уже более 40 лет. Авторы первой публикации еще 1975 г., посвященной данному методу, показали целесообразность применения СЭМ для объективизации оценок качества древней керамики и температурного режима ее обжига (Tite, Maniatis 1975). В настоящее время метод СЭМ активно используется для задач технико-технологической характеристики обжига в гончарстве различных эпох. Кроме того, методика дает хорошие результаты в изучении технологии глазурных и ангобных покрытий (Tite et al. 1982; Rice 1987: 400–401; Tite 1992; Bjork 1995: 25–29, 52–57; Day et al. 2006: 152–156; Koh et al. 2009; Maniatis 2009; Lahlil et al. 2013).

Сканирующий электронный микроскоп, имеющий в комплекте рентгеновскую спектроскопическую установку, предполагает также возможность определения элементного химического состава вещества в микропробе (Tite et al. 1982; Rice 1987: 402–403; Bjork 1995: 58–60).

В российской археологической науке есть отдельные примеры использования СЭМ для исследования археологической керамики (Гребенщиков, Деревянко 2001: 7–11; Ситдииков, Храменкова 2011). Но в целом данный метод пока не получил столь широкого применения, как у американских, европейских и китайских коллег¹.

В настоящей статье автор ставит задачу обобщить результаты исследования с помощью СЭМ археологической керамики из памятников Приморья (период палеометалла и эпоха средневековья) для определения качества обжига. Это первый опыт использования СЭМ в таком ракурсе для изучения древнего гончарства данного региона. В статью также включены результаты анализов археологической керамики из памятников раннего государства Пэкче на полуострове Корея.

Методика. Анализ микроструктуры вещества методом СЭМ осуществляется при помощи потока электронов, направленного на определенный участок поверхности образца неорганического или органического происхождения. Этот поток «сканирует» микроструктуру конкретного участка, изображение которого при многократном увеличении передается на экран компьютера и подвергается «расшифровке». Для изучения при помощи СЭМ микроструктуры керамики используется образец со «свежим» либо с заполированным изломом (Tite et al. 1982; Rice, 1987: 401–402; Bjork 1995: 25).

Современная наука выделяет три основные группы методов изучения температурной динамики керамического вещества и качества обжига: 1 — методы, основанные на минералогических трансформациях; 2 — методы, основанные на цветовых трансформациях; 3 — методы, основанные на структурных трансформациях (Maniatis 2009). К последним относится и СЭМ. Структурные изменения вещества формовочной массы керамики под действием температуры определяются процессами спекания и витрификации глинистой фракции. Спекание непосредственно предшествует витрификации. Степень витрификации является важнейшим фактором, влияющим на уровень пористости, плотности керамического черепка и его способность пропускать воду (Tite, Maniatis 1975; Rice 1987: 427; Tite 1992).

С помощью СЭМ могут быть зафиксированы признаки последовательных термических трансформаций в микроструктуре керамического вещества. Эти признаки соотносятся с примерными значениями температур обжига, вызывающих трансформации. Исследователи подчеркивают, что на структурные трансформации влияет не только температура обжига, но и ее выдержка в течение необходимого времени. Ниже приводятся основные признаки структурных трансформаций для керамики, изготовленной из легкоплавких некарбонатных глин (Tite, Maniatis 1975; Rice 1987: 427, 431; Bjork 1995: 52–57; Day et al. 2006: 152–156).

¹ В значительной степени это обусловлено объективными факторами: необходимостью использовать дорогостоящее оборудование, требующее профессионального обслуживания.

Микроструктура керамики, в которой процессы спекания и витрификации еще не начались вследствие низких температур обжига, носит аморфный характер, с хорошо видимыми отдельными глинистыми частицами в виде чешуек, пластинок, комочков и т. п. Спекание проявляется в «оплавлении» краевых зон глинистых частиц и соединении, «склеивании» их между собой. Температура фазы интенсивного спекания варьирует вокруг значения 750 °С. В фазе начальной витрификации, часто при продолжающемся спекании, происходит образование так называемой ячеистой, или сетчатой, структуры, состоящей из мелких узких пор на фоне сплошных сплавленных участков глинистого вещества. Микроструктура с признаками начальной витрификации соотносится с температурными значениями 800–850 °С. Фаза экстенсивной витрификации проявляется в расширении полей ячеистой структуры, развитии сплавленных участков, образующих характерный ленточный рисунок. Данная фаза соответствует вероятным температурам обжига в интервале 900–950 °С. Дальнейшее развитие витрификации приводит к образованию сплошного расплава глинистых частиц с разбросанными в нем четко очерченными замкнутыми порами преимущественно округлой формы. Такое состояние керамической массы из легкоплавких глин, определяемое как почти полная и полная витрификация, достигается при температурах от 950 до 1000–1050 °С. Именно на этой стадии резко уменьшается открытая пористость, керамический черепок приобретает прочность и характерную звонкость.

Процесс витрификации имеет свои особенности в формовочных массах из карбонатных глин, содержащих примесь $\text{CaO} \geq 5\%$, в массах из тугоплавких глин, а также в массах, обожженных в восстановительном режиме. Так, для керамики, изготовленной из обычной легкоплавкой глины, но обожженной в восстановительной атмосфере, температурные значения фаз витрификации определяются как минимум на 50 °С ниже, чем для керамики, обожженной в окислительном режиме. В тугоплавких глинах процессы спекания и витрификации происходят при более высоких температурах, чем в легкоплавких. В карбонатных глинах экстенсивная витрификация начинается при 850 °С, но далее процесс идет вяло до 1050 °С, что делает практически невозможной фиксацию изменения микроструктуры керамической массы в данном температурном интервале. Содержание кальция и общий характер глинистой фракции (легкоплавкой или тугоплавкой — по соотношению оксидов кремния и алюминия) могут быть определены рентгеновской спектроскопией в процессе исследования на сканирующем электронном микроскопе (Tite, Maniatis 1975; Tite et al. 1982; Rice 1987: 431, 435; Maniatis 2009).

Важной характеристикой, которую позволяет зафиксировать СЭМ, является присутствие в глинистом веществе муллита — вторичного минерала, образующегося под воздействием высоких температур. Кристаллы муллита, имеющие специфическую игольчатую структуру, способствуют повышению прочности керамической массы. Исследователи считают муллит одним из надежных индикаторов температурного режима обжига древней керамики. Устоялось положение, что

муллит образуется при температуре от 1050 до 1275 °С в зависимости от типа глины (Rice 1987: 90; Koh et al. 2009). Некоторые исследователи доказывают, что формирование муллита происходит при более высоких температурах 1150–1300 °С (Уоррел 1978: 178).

Исследования образцов керамики («свежие» изломы) из археологических памятников, изученных на юге Дальнего Востока, проводились автором в Центре электронной микроскопии Института биологии моря им. А. В. Жирмунского ДВО РАН на сканирующих электронных микроскопах SIGMA и EVO с приставкой для рентгеновской спектроскопии. Определялись электронные сканы микроструктуры при увеличении $\times 500$ и $\times 1000$ и элементный химический состав керамической массы в микропробе.

В данном исследовании метод СЭМ используется в сочетании с методом определения показателя водопоглощения, который также направлен на получение информации о качестве обожженного керамического или фарфорового черепка. Показатель водопоглощения связан со степенью пористости, плотности керамической массы. Хорошо спеченная, плотная керамика почти не пропускает воду, напротив, рыхлый, «мягкий» черепок быстро впитывает жидкость (Августиник 1975: 221–224, 296, 347–355; Shepard 1985: 125–130; Rice 1987: 231–232, 350–353).

К настоящему времени накоплена информационная база о динамике показателя водопоглощения археологической керамики Дальнего Востока (Жущиховская 2014). В исследовании предпринята попытка выявить связь между этим показателем и особенностями микроструктуры керамики, фиксируемыми СЭМ. Условно выделены три уровня значений данного показателя, выраженных процентными индексами: низкий (7,0 % и ниже), средний (7,5–14,0 %) и высокий (выше 14,0 %). Известно, что керамика с водопоглощением ниже 7,0 % является наиболее качественной, почти не пропускает воду, а показатель от 14–15 % и выше свидетельствует о рыхлом, «мягком» и пористом черепке (Августиник 1975: 221–224; Shepard 1985: 127–130). Установленные уровни значений служили реперами для отбора образцов на исследование микроструктуры при помощи СЭМ. Такой подход должен способствовать корреляции и взаимной проверке результатов исследования качества керамики, полученных разными методами.

Задачи и материалы исследования. Для культур юга Дальнего Востока (период палеометалла) актуальной является задача уточнения существующих представлений о температурных режимах обжига керамики. На основании петрографического и цветового анализов были сделаны предположения о том, что средние температуры обжига в гончарстве янковской и кроуновской культур Приморья находились в интервале 700–800 °С. Для некоторых памятников янковской культуры IX — IV—III вв. до н. э. с большой долей вероятности определена возможность обжига в простейших печах (Жущиховская 2004: 147–150). Для кроуновской культуры IV—III вв. до н. э. — III—IV вв. н. э. можно говорить об обжиге в однокамерных печах с углубленным в землю и слегка наклонным полом. Остатки такой печи были

выявлены в слое кроуновской культуры на поселении Чернятино-2 (Zhushchikhovskaya, Nikitin 2014). Внимание к характеристикам обжига керамики культур палеометалла обусловлено также тем, что в этот период осваивались металлы — бронза и железо — и принципы их термообработки. Процессы развития теплотехники в металлообработке и гончарстве были, по-видимому, тесно связаны и определяли в целом технический уровень общества (Жущиховская 2004: 144–154).

Исследованная методом СЭМ керамика Приморья (период палеометалла) включает девять образцов посуды из памятников янковской культуры (Солнечный Берег, Новый Мир и Старк) и восемь образцов из слоя кроуновской культуры поселения Чернятино-2, в том числе пять образцов из развала обжигательной печи и прилегающей к ней зоны (Жущиховская и др. 2013; Никитин, Чжун 2008). Исследованные образцы керамики обеих культур являются фрагментами бытовой посуды ручной лепки, обожженной в окислительном режиме, с отдельными случаями использования приема «дымления». Формовочная масса представляет собой глину со среднезернистой и крупнозернистой примесью (искусственной или естественной) горных пород и минералов.

Проведенные ранее серийные измерения показателя водопоглощения керамики различных памятников янковской культуры дают значения среднего и высокого уровней. Минимальные значения составляют 9,7 и 9,9 %. Значения низкого уровня не отмечены. Для керамики ряда памятников кроуновской культуры средний уровень показателя водопоглощения является своего рода стандартом. Так, интервал значений данного показателя для Чернятино-2 составляет 7,4–13,4 %. Минимальные значения этого интервала находятся на границе со значениями низкого уровня (Жущиховская 2014). Образцы янковской керамики, отобранные на исследование методом СЭМ, имеют средние и высокие значения этого показателя. Образцы кроуновской керамики из Чернятино-2 показывают только средние значения.

Для керамики эпохи средневековья задача определения ее технологических особенностей и качества обжига также является актуальной. Памятники государства Бохай (698–926) и Империи чжурчжэней Цзинь (1115–1234) содержат свидетельства использования в гончарном производстве обжигательных печей разных конструктивных типов — тоннельных склоновых и однокамерных мантоу (Zhushchikhovskaya, Nikitin 2014). Обширные керамические коллекции памятников дают представление об ассортименте и технологических стандартах бытовой и архитектурной керамики, производившейся бохайскими и чжурчжэньскими гончарами. Полученные ранее заключения о температурных режимах обжига в гончарстве Бохая и чжурчжэней основаны только на результатах петрографического анализа (Гельман и др. 1998; Тупикина 1996: 20–21). В настоящее время появилась возможность уточнить и дополнить эти данные.

В коллекциях бытовой посуды, изготовленной с помощью круга, и архитектурной керамики из бохайских и чжурчжэньских памятников Приморья преобладают образцы, имеющие серый цвет поверхности и излома, что можно считать

следствием восстановительного режима обжига. Однако есть и свидетельства окислительного режима, окрашивающего изделия в светло-оранжевые, желтые и другие теплые цвета. Формовочная масса посуды состоит из глины со среднезернистой примесью горных пород и минералов. Для черепицы часто использовали массу с крупнозернистой минеральной примесью.

По результатам серийных определений показателя водопоглощения керамики бохайских и чжурчжэньских памятников установлены три уровня его значений. Низкие значения (от 7,0 % и ниже) отмечаются редко как для посуды, так и для архитектурной керамики. Минимальные индексы водопоглощения для бохайской керамики составляют 5,8 %, 6,2 %, для чжурчжэньской — 2,7 %, 6,0 %, 6,3 %. При этом доля керамики со средними значениями этого показателя в целом выше на бохайских, чем на чжурчжэньских памятниках, для которых характерно серийное присутствие керамики с данным показателем $\geq 14,0$ % и относительно рыхлым черепком (Жушиховская 2014).

Материал бохайских памятников, исследованный методом СЭМ, включает восемь образцов обычной сероглиняной посуды из бохайского слоя поселения Чернятино-2 и Краскинского городища, а также пять образцов черепицы из обжигательных печей, раскопанных на Краскинском городище (Boldin, Nikitin 1999; Никитин, Чжун 2008). Образцы представляют средний и низкий уровни значения показателя водопоглощения.

Исследованный материал чжурчжэньских памятников включает три образца сероглиняной посуды из Горнохуторского городища и Южно-Уссурийского городища, образец декоративной архитектурной детали из Южно-Уссурийского городища, два образца черепицы из памятника Сергеевка, где обнаружены остатки обжигательных печей типа мантоу (Артемьева 2008; Vasil'ev 2009; Васильева 2012). Образцы посуды и архитектурной детали имеют средние значения упомянутого показателя. Для образцов черепицы отмечены его низкое и среднее значения.

Керамика Кореи периода Троецарствия, IV–VII вв., интересна в плане сравнения с керамикой средневековых памятников соседнего Приморья. Памятники раннего государства Пэкче дают свидетельства развития различных ремесел и производств, в частности, гончарства и изготовления черепицы (Ким, Ли 2006; Rha 2006). Сопоставление технико-технологического уровня керамического производства Пэкче и средневековых культур Приморья может дополнить представления о социально-экономическом развитии дальневосточного региона в древности. В исследовании использованы материалы памятника Нынсанри-сачжи, VI–VII вв. (Чжун 2012). В его керамической коллекции визуально выделяются образцы с плотным звонким черепком и образцы с довольно рыхлым, «мягким» черепком. Можно предполагать, что для производства керамических изделий практиковались различные температурные режимы обжига. Для анализа были взяты четыре образца с низким, средним и высоким значениями показателя водопоглощения.

Результаты исследования. Изучив методом СЭМ 39 образцов археологической керамики из памятников юга Дальнего Востока (период палеометалла и эпоха средневековья), удалось выявить несколько основных вариантов микроструктуры вещества. Рентгеновская спектроскопия установила во всех случаях легкоплавкий и некарбонатный характер глинистой основы керамики. Следовательно, вероятные температурные режимы рассчитываются согласно принятым для данного типа глин рекомендациям (Tite, Maniatis 1975; Tite et al. 1982; etc.). Выделенные варианты соотнесены с интервалами значений показателя водопоглощения исследованных образцов.

Вариант 1 — микроструктура без признаков спекания и витрификации (рис. 1). Вероятная температура обжига ниже 750 °С. Этот вариант отмечен у образцов керамики с показателем водопоглощения $\geq 13,0$ %.

Вариант 2 — микроструктура с признаками спекания (рис. 2, 1, 2). Вероятная температура обжига составляет 750–800 °С. Данный вариант отмечен у образцов керамики с показателем водопоглощения в интервале 9,3–13,7 %.

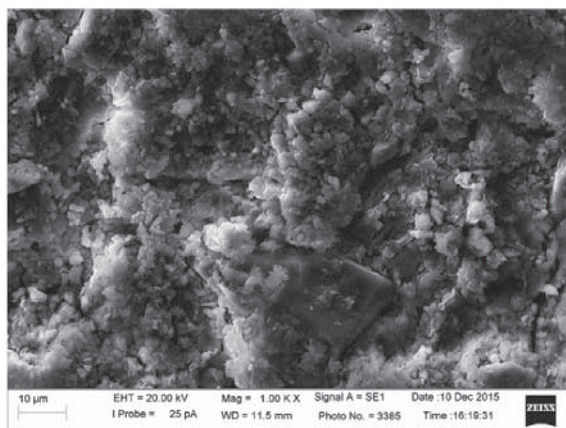

Рис. 1. Микроструктура керамического образца (бытовая посуда) без признаков спекания и витрификации. Памятник Новый Мир, янковская культура, период палеометалла, Приморье

Fig. 1. Micrograph of a ceramic sample (pottery) showing no sintering and vitrification. Novy Mir settlement, Yankovskaya culture, Paleometal period, Primorye

Вариант 3 — микроструктура с признаками начальной витрификации (рис. 3, 1, 2). Вероятная температура обжига в окислительной среде составляет 800–850 °С, в восстановительной среде — 750–800 °С. Значения показателя водопоглощения образцов с данной микроструктурой находятся в интервале 8,9–11,6 %.

Вариант 4 — микроструктура с признаками экстенсивной витрификации разной степени (рис. 4, 1–4). Этот вариант выявлен у образцов с широким интервалом

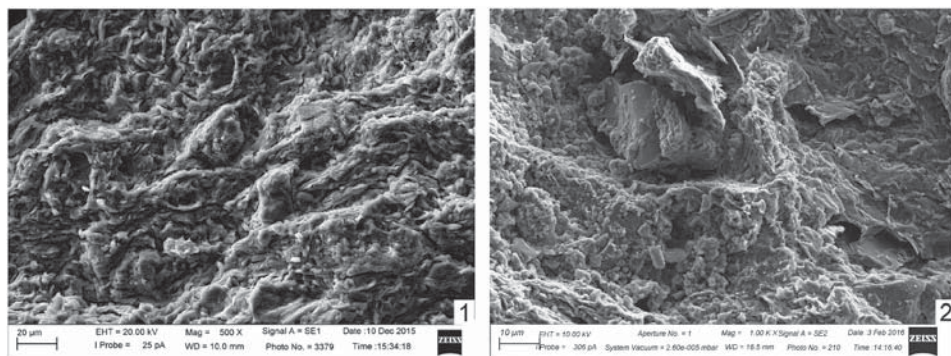

Рис. 2. Микроструктуры керамических образцов (бытовая посуда) с признаками спекания, период палеометалла, Приморье: 1 — памятник Новый Мир, янковская культура; 2 — поселение Чернятино-2, средний слой, кроуновская культура

Fig. 2. Micrographs of the ceramic samples (pottery) with sintered clay particles, Paleometal period, Primorye: 1 — Novy Mir settlement, Yankovskaya culture; 2 — Chernyatino-2 settlement, middle level, Krounovka culture

значений водопоглощения 2,7–10,3 %. Более низкие значения (2,7–6,2 %) соответствуют экстенсивной витрификации, переходящей к фазе полной витрификации (рис. 4, 3, 4). Вероятные максимальные температуры обжига в восстановительной среде составляют 900–950 °С.

Вариант 5 — микроструктура с признаками почти полной витрификации (рис. 5). Такой характер микроструктуры удалось определить у одного образца с показателем водопоглощения 2,4 %. В данном случае можно говорить о температуре обжига не менее 1050 °С.

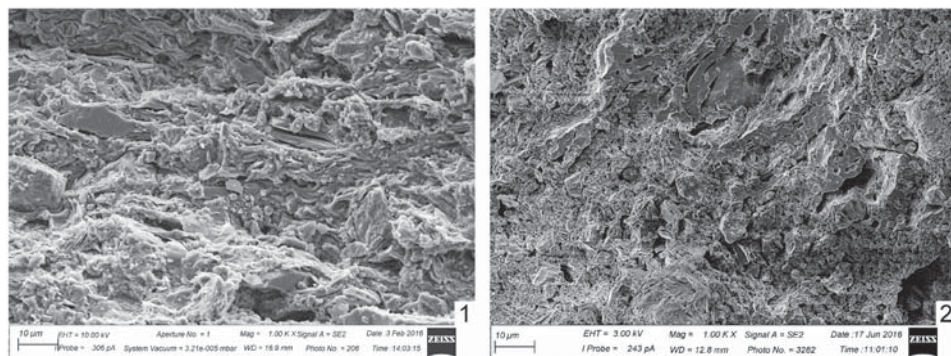

Рис. 3. Микроструктуры керамических образцов с признаками начальной витрификации, эпоха средневековья, период государства Бохай, Приморье: 1 — бытовая посуда, поселение Чернятино-2, верхний слой; 2 — черепица, Краскинское городище

Fig. 3. Micrographs of the ceramic samples showing initial vitrification, Medieval epoch, Bohai period, Primorye: 1 — pottery, Chernyatino-2 settlement, upper level; 2 — tile, fortified settlement of Kraskino

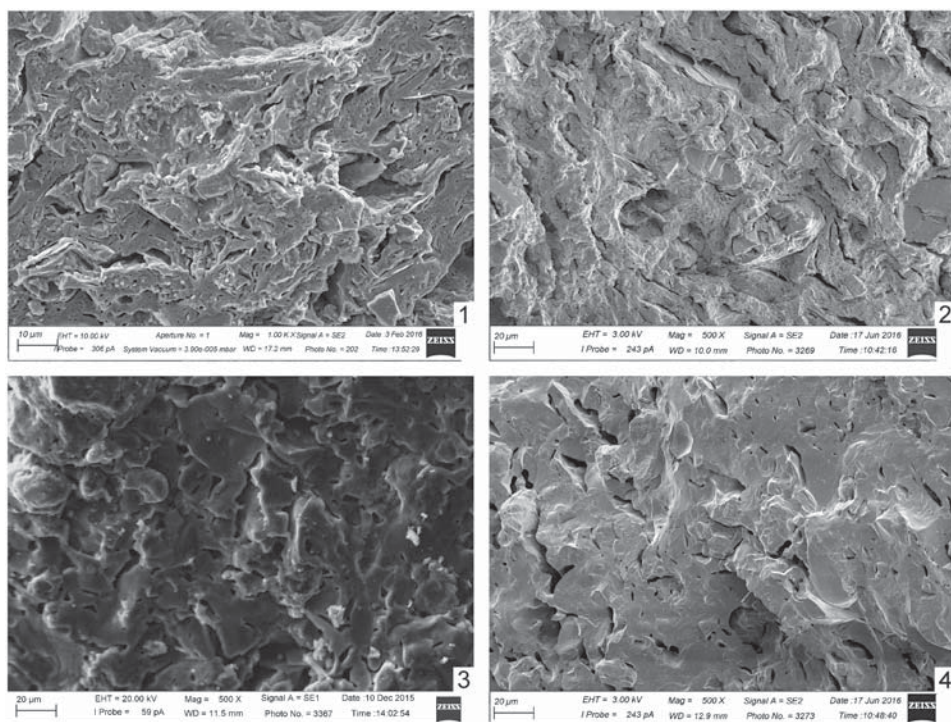

Рис. 4. Микроструктуры керамических образцов, Приморье: 1, 2 — бытовая посуда с признаками экстенсивной витрификации; 3, 4 — черепица с признаками экстенсивной витрификации — перехода к фазе полной витрификации (1 — поселение Чернятино-2, средний слой, кроуновская культура, период палеометалла; 2 — поселение Чернятино-2, верхний слой, период Бохая, эпоха средневековья; 3 — Краскинское городище, период Бохая, эпоха средневековья; 4 — памятник Сергеевка, гончарные печи, период Цзинь (чжурчжэни), эпоха средневековья)

Fig. 4. Micrographs of the ceramic samples, Primorye: 1, 2 — pottery, extensive vitrification; 3, 4 — tile with signs of extensive vitrification transitional to total vitrification (1 — Chernyatino-2 settlement, middle level, Krounovka culture, Paleometal period; 2 — Chernyatino-2 settlement, upper level, Bohai period, Medieval epoch; 3 — fortified settlement of Kraskino, Bohai period, Medieval epoch; 4 — Sergeevka site, pottery kilns, Jin (Jurchen) period, Medieval epoch)

Изложенное выше позволяет высказать некоторые наблюдения. Во-первых, выявленные варианты микроструктуры являются результатом разных температурных режимов обжига и отражают разное качество керамического черепка. С помощью СЭМ зафиксирован широкий интервал вероятных температурных значений — от низких, менее 750 °С, до высоких, более 1000 °С.

Во-вторых, можно отметить, что развитие структурных трансформаций керамики в результате температурного воздействия сопровождается тенденцией к снижению значений показателя водопоглощения. Однако нельзя говорить о строгой корреляции между особенностями микроструктуры керамики и этим показателем.

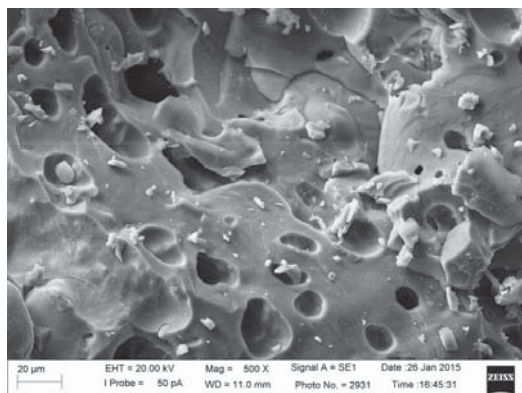

Рис. 5. Микроструктура керамического образца (бытовая посуда) с признаками почти полной витрификации. В образце присутствуют кристаллы муллита. Памятник Нынсанри-сачжи, период Троецарствия, полуостров Корея

Fig. 5. Micrograph of a ceramic sample (pottery). Almost total vitrification. The sample contains crystals of mullite. Nynsanri-sachzhi site, Three Kingdoms period, Korean peninsular

Интервалы его значений у вариантов микроструктуры 1 и 2, а также 2, 3 и 4 частично перекрывают друг друга. Вероятно, влияние трансформаций микроструктуры керамики в фазах спекания, начальной витрификации и экстенсивной витрификации на водопоглощение носит сложный нелинейный характер, изучение которого требует специальных исследований.

Далее рассмотрим, как различные варианты микроструктуры представлены в материале разных культур и памятников и какие заключения о температурных режимах и качестве обжига могут быть сделаны на основании этих данных.

Керамика периода палеометалла Приморья. Исследованные образцы керамики показывают варианты микроструктуры без признаков спекания и витрификации (рис. 1), с признаками спекания (рис. 2, 1, 2) и с признаками экстенсивной витрификации (рис. 4, 1). Первые два варианта, отмеченные для керамики янковской и кроуновской культур, согласуются со сделанными ранее заключениями о температурах обжига в интервале 700–800 °С для окислительной атмосферы. Керамика с признаками экстенсивной витрификации, выявленная на поселении Чернятино-2 (кроуновская культура), связана с развалом обжигательной печи. Вероятная температура обжига в окислительной среде варьирует вокруг 900 °С.

Керамика эпохи средневековья Приморья. Среди восьми исследованных образцов керамической посуды бохайского горизонта поселения Чернятино-2 и Крастинского городища идентифицированы варианты микроструктуры без признаков спекания и витрификации, с признаками спекания, с признаками начальной витрификации (рис. 3, 1) и с признаками экстенсивной витрификации (рис. 4, 2). Отметим, что образцы трех первых вариантов показывают значения водопоглощения в узком

интервале 10,5–12,0 %. Микроструктура с признаками экстенсивной витрификации зафиксирована у образца с показателем водопоглощения 8,1 %.

Пять образцов черепицы из обжигательных печей Краскинского городища имеют микроструктуру с признаками спекания и, предположительно, слабыми проявлениями начальной витрификации, микроструктуру с признаками начальной витрификации (рис. 3, 2) и микроструктуру с признаками экстенсивной витрификации, переходящей в фазу почти полной витрификации. Этот вариант отмечен у образца с показателем водопоглощения 6,2 %.

С учетом того, что вся исследованная керамика является результатом обжига в восстановительной среде, значения действительных температур обжига для образцов с проявлениями витрификации должны быть ниже расчетных не менее чем на 50 °С (Tite et al. 1982). Таким образом, для бохайской серии минимальные температуры могут предполагаться на отметках 700–750 °С, а максимальные значения — до 900 °С.

Керамика чжурчжэньских памятников, представленная пока малым числом исследованных образцов, показала следующие результаты. Два образца сероглиняной посуды из Горнохуторского и Южно-Уссурийского городищ имеют близкий характер микроструктуры, который можно определить как переходный между начальной и экстенсивной витрификацией. Значения показателей водопоглощения образцов составляют 8,9 и 9,5 %. С учетом восстановительной среды можно предполагать вероятную температуру обжига несколько выше 800 °С.

Образец керамической архитектурной декоративной детали из Южно-Уссурийского городища показывает признаки спекания со слабыми проявлениями начальной витрификации. Показатель водопоглощения образца составляет 11,8 %, вероятная температура обжига — около 800 °С.

Два образца черепицы, найденных на участке с обжигательными печами (Сергеевка), показали микроструктуру с признаками экстенсивной витрификации разной степени развития. У образца с показателем водопоглощения 2,7 % витрификация выражена сильнее (рис. 4, 4), чем у образца с индексом 10,0 %. С учетом обжига в восстановительной среде, вероятные температуры могли быть в интервале 850–950 °С.

Керамика Пэкче. Анализ образцов сероглиняной керамики из Нынсанри-сачжи (раннее государство Пэкче) выявил три варианта микроструктуры керамического вещества — со слабыми признаками спекания, с признаками экстенсивной витрификации, а также с признаками почти полной витрификации и, предположительно, наличием на ограниченном участке игольчатых кристаллов муллита — вторичного минерала, образованного под воздействием высоких температур (рис. 5). Значения показателя водопоглощения образцов составляют, соответственно, 13,7 %, 5,9 %, 2,4 %. В целом, исследованная серия диагностирует широкий интервал температур — от 750 °С до минимум 1050 °С.

Заключение. Первый опыт применения СЭМ в исследовании археологической керамики юга Дальнего Востока для определения качества обжига показал эффективность данного метода. Это в значительной мере можно объяснить характером глинистого сырья, которое использовалось как в эпоху первобытности, так и в средневековье. Месторождения и проявления легкоплавких некарбонатных глин широко распространены в Приморье, доступны и достаточно просты в разработке (Жущиховская 2004: 72–73). Как уже отмечалось выше, метод СЭМ с высокой точностью позволяет диагностировать в керамических массах из такого сырья разные фазы термических трансформаций в структуре глинистого вещества.

Еще одно методическое замечание касается предложенной в исследовании практики отбора образцов на анализ методом СЭМ по результатам предварительных серийных измерений показателя водопоглощения керамики. Выявленная тенденция к снижению водопоглощения по мере развития витрификации в глинистой составляющей керамики позволяет, хотя и приблизительно, прогнозировать тот или иной вариант микроструктуры в зависимости от значений показателя и, соответственно, осуществлять отбор проб по определенным критериям.

По данным исследования можно допустить, что образцы керамики с показателем водопоглощения $\leq 10\%$ представляют наибольший интерес для фиксации вариантов микроструктуры с признаками активно развивающейся витрификации, от ее начальной фазы до конечных этапов. Однако для точных суждений о характере зависимости водопоглощения от степени витрификации керамического черепка необходимы специальные экспериментальные исследования с разными минералогическими видами глин и различными формовочными массами, обжигаемыми при заданных температурных режимах.

Полученные результаты позволяют скорректировать представления о вероятном интервале температур обжига в гончарстве культур периода палеометалла Приморья. Если для янковской культуры этот интервал, как и предполагалось ранее, составляет 700–800 °С, то для более поздней кроуновской культуры он может быть расширен до 850–900 °С. Эти температурные значения хорошо согласуются с фактом обнаружения на поселении кроуновской культуры Чернятино-2 остатков обжигательной печи. В дальнейшем планируется уделить особое внимание выявлению и исследованию методом СЭМ образцов керамики данного периода с наиболее низкими значениями показателя водопоглощения как наиболее перспективных для диагностики максимальных температур обжига в гончарстве этого времени.

Результаты исследования образцов керамики из бохайских и чжурчжэньских памятников Приморья позволяют дополнить сделанные ранее заключения о температурных режимах обжига в эпоху средневековья. Согласно нашим данным керамические материалы бохайских памятников показывают разный характер микроструктуры, определяемый качеством обжига, — от спекания до экстенсивной витрификации. Соответственно, можно говорить о температурах от 750 до 900 °С

и, возможно, несколько выше, учитывая практику восстановительного и окислительного режимов обжига. Ранее на основании петрографического анализа были определены температуры обжига черепицы Краскинского городища от 800 до 1000–1100 °С (Гельман и др. 1998). Исследование методом СЭМ образцов бохайской керамики не выявило примеров полной или почти полной витрификации, что указывало бы на температуры выше 950 °С с учетом восстановительной среды обжига. Отметим, что один из исследованных образцов (фрагмент черепицы) имеет индекс водопоглощения 6,2 %. Это минимальное значение для серии из 60 измерений керамики Краскинского городища и одно из самых низких значений для керамики бохайских памятников Приморья в целом. В дальнейшем при обнаружении образцов керамики с более низкими значениями данного показателя станет возможным зафиксировать случаи полной и почти полной витрификации.

Относительно керамики чжурчжэньских памятников Приморья существует точка зрения о температурах обжига 900–960 °С, иногда до 1000–1020 °С, что также основано на петрографических определениях без поправки на условия восстановительной атмосферы (Тупикина 1996: 20–21). Исследование небольшой серии образцов методом СЭМ выявило варианты микроструктуры, соответствующие относительно невысоким температурам обжига, которые варьируют вокруг 800 °С, и температурам среднего ранга — до 900 °С или немного выше. Тот факт, что на чжурчжэньских памятниках керамика с показателем водопоглощения выше средних значений (≥ 14 %) имеет широкое распространение, может указывать на частую практику обжига при невысоких температурах. В целом же, вероятность использования высокотемпературного режима обжига от 1000 °С и выше в производстве посуды и черепицы в эпоху средневековья в Приморье требует специальных доказательств и продолжения исследований в этом направлении.

Согласно результатам СЭМ, широкий интервал температурных режимов практиковался на полуострове Корея в керамическом производстве государства Пэкче периода Троецарствия. Особый интерес представляет образец микроструктуры с почти полной витрификацией и кристаллами муллита, что свидетельствует об обжиге при температуре не менее 1050 °С. Данный пример хорошо согласуется с тезисом о том, что в керамическом производстве ранних государств Кореи начиная с IV в. была освоена технология высокотемпературного обжига в тоннельных склоновых печах (Rha 2006: 33). Эти печи по своей конструкции и техническому потенциалу превосходили известные сегодня тоннельные печи бохайского времени в Приморье (Zhushchikhovskaya, Nikitin 2014). Материалы, которыми мы располагаем, позволяют установить различия в технико-технологическом уровне операции обжига керамической продукции в ранних государствах юга Дальнего Востока².

---

² Автор благодарит к. и. н. Н. Г. Артемьеву, Ю. Г. Никитину, Т. А. Васильеву за предоставленные для исследования материалы из Чернятино-2, Краскинского, Южно-Уссурийского и Горнохоторского городищ. Также автор признателен проф. Чжун Сукбэ за возможность исследования материалов южнокорейского памятника Нынсанри-сачжи.

Литература

- Августиник 1975 — *Августиник А. И.* Керамика. 2-е изд., перераб. Л.: Стройиздат, 1975. 591 с.
- Артемьева 2008 — *Артемьева Н. Г.* О датировке Южно-Уссурийского городища // Вестник ДВО РАН. 2008. № 2. С. 95–106.
- Васильева 2012 — *Васильева Т. А.* Горнохуторское городище // Артемьева Н. Г. (ред.). Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2012. Вып. 2. С. 41–55.
- Гребенщиков, Деревянко 2001 — *Гребенщиков А. В., Деревянко Е. И.* Гончарство древних племен Приамурья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 120 с.
- Гельман и др. 1998 — *Гельман Е. И., Болдин В. И., Залищак Б. Л.* Перспективный метод. Петрографические исследования черепицы из Краскинского городища // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. 1998. № 1. С. 103–106.
- Жущиковская 2004 — *Жущиковская И. С.* Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 312 с.
- Жущиковская 2014 — *Жущиковская И. С.* Показатель водопоглощения древней керамики юга Дальнего Востока: опыт исследования // Тихоокеанская археология. 2014. Вып. 29. С. 27–49.
- Жущиковская и др. 2013 — *Жущиковская И. С., Артемьева Н. Г., Коровник М., Никитин Ю. Г.* Керамические комплексы памятников янковской культуры восточного побережья Уссурийского залива // Тихоокеанская археология. 2013. Вып. 27. С. 81–116.
- Ким, Ли 2006 — *Ким Ч. М., Ли Б. Х.* Артефакты и ремесла в государстве Пэкче. Пусь: Изд-во Е-Мэк, 2006. 167 с. (на кор. яз.).
- Никитин, Чжун 2008 — *Никитин Ю. Г., Чжун С.* Археологические исследования на поселении Чернятино-2 в 2007 году. Дэджон, 2008. Ч. 1 — 351 с. (на рус. яз.); Ч. 2 — 332 с. (на кор. яз.); Ч. 3 — 236 с. (цв. ил.).
- Ситдииков, Храменкова 2011 — *Ситдииков А. Г., Храменкова Р. Х.* Типология поливной керамики Казанского ханства и анализ ее элементного состава // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. № 3. С. 125–132.
- Тупикина 1996 — *Тупикина С. М.* Керамика чжурчжэней Приморья XII — начала XIII в. Владивосток: Дальнаука, 1996. 118 с.
- Уоррел 1978 — *Уоррел У.* Глины и керамическое сырье. М.: Мир, 1978. 237 с.
- Чжун 2012 — *Чжун Сук бэ.* Пусьский храмовый комплекс Нынсанри-сачжи (VI–VII вв.) эпохи Пэкче периода Саби // Артемьева Н. Г. (ред.). Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2012. Вып. 2. С. 112–138.
- Bjork 1995 — *Bjork C.* Early Pottery in Greece. A Technological and Functional Analysis of the Evidence from Neolithic Achilleion Thessaly. Jonsered: P. Åströms, 1995. ix + 172 p.
- Boldin, Nikitin 1999 — *Boldin V. I., Nikitin Yu. G.* Bohai roof tiles from Kraskinskoe ancient town // Guo Jingkun (ed.). The Proceedings of the ISAC '99. Shanghai, 1999. P. 338–346.
- Day et al. 2006 — *Day P. M., Kilikoglou V., Joyner L., Gesell G.* Goddesses, Snake Tubes, and Plaques. Analysis of Ceramic Ritual Objects from the LM IIIc Shrine at Kavousi // Hesperia. 2006. Vol. 75. P. 137–175.
- Koh et al. 2009 — *Koh Ch. C., Kil Ch. W., Ahn S., Lee Y. E., Kim G., Suh D. M.* A Scientific Study on Koryo Whiteware from Chungamni Kiln in Kyonggi Province // Guo Jingkun (ed.). The Proceedings of the ISAC '09. Beijing, 2009. P. 194–205.
- Lahlil et al. 2013 — *Lahlil S., Li W., Xu J. M.* Crack Patterns Morphology of Ancient Chinese Wares // The Old Potter's Almanack. 2013. Vol. 18, no. 1. P. 1–9.
- Maniatis 2009 — *Maniatis Y.* The Emergence of Ceramic technology and its Evolution as Revealed with the use of Scientific Techniques // Shortland A., Freestone I., Rehren T. (eds.). From Mine to Microscopy: Advances in the Study of Ancient Technology. Oxford: Oxbow, 2009. P. 1–18.
- Rice 1987 — *Rice P. M.* Pottery Analyses. A Sourcebook. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1987. xxiii + 559 p.

Rha 2006 — *Rha S.* Pottery. Korean Traditional Handicrafts. Seoul: National Museum of Korea Press, 2006. 151 p.

Tite 1992 — *Tite M. S.* The Impact of Electron Microscopy on Ceramic Studies // Proceedings of the British Academy. 1992. Vol. 77. P. 111–131.

Shepard 1985 — *Shepard A. O.* Ceramics for the Archaeologist. Washington, DC: Carnegie Institution Press, 1985. 414 p.

Tite, Maniatis 1975 — *Tite M. S., Maniatis Y.* Examination of ancient pottery using the scanning electron microscope // *Nature*. 1975. No. 257. P. 122–123.

Tite et al. 1982 — *Tite M. S., Freestone I. C., Meeks N. D., Bimson M.* The Use of Scanning Electron Microscopy in the Technological Examination of Ancient Ceramics // *Olin J. S., Franklin A. D.* (eds.). Archaeological Ceramics. Washington, D. C.: Smithsonian Institution Press, 1982. P. 109–120.

Vasil'ev 2009 — *Vasil'ev Yu. M.* The Furnaces for the Burning Tiles in the Village Sergeevka // *Guo Jingkun* (ed.). The Proceedings of ISAC'09. Shanghai, 2009. P. 840–843.

Zhushchikhovskaya, Nikitin 2014 — *Zhushchikhovskaya I. S., Nikitin Yu. G.* Ceramic Firing Structures in Prehistoric and Ancient Societies of the Russian Far East // *Asian Perspectives*. 2014. Vol. 53. No. 2. P. 121–149.

EXPERIENCE OF USING SCANNING ELECTRON MICROSCOPY IN THE STUDY OF ARCHAEOLOGICAL CERAMICS FROM THE SOUTHERN FAR EAST

I. S. ZHUSHCHIKHOVSKAYA

Keywords: *scanning electron microscopy, ceramics, microstructure, water absorption, firing temperature, southern Far East, Paleometal period, Medieval epoch.*

The method of scanning electron microscopy was used to obtain information about the temperatures of pottery firing in the southern Far East in the Paleometal and Medieval periods. The study sample included specimens of clay vessels from the Yankovskaya culture (IX — IV–III cc. BC), Krounovka culture (IV–V cc. BC — III–IV cc. AD), the State of Bohai (698–926) and Jin Empire (1115–1234) in Primorye, as well as Nynsanri-sachzhi site (VI–VII cc., Three Kingdoms period) in the Korean peninsula. As a result several types of ceramic microstructure were identified: 1 — without any signs of sintering and vitrification (fig. 1); 2 — with signs of sintering (fig. 2, 1, 2); 3 — with signs of initial vitrification) (fig. 3, 1, 2); 4 — with signs of extensive vitrification (fig. 4, 1–4); 5 — with signs of almost total vitrification (fig. 5). Each of these variants is interpreted as an indicator of a certain firing temperature. Firing temperatures typical of pottery making of the Paleometal period ranged within an interval of 700–800 °C, or up to 900 °C at the latest stage, in oxidation atmosphere. The Medieval pottery of Primorye was fired under the temperature ranging from 750 °C to 900 °C or slightly more. The firing temperatures determined for the Three Kingdom period pottery of Korea vary between 750 °C and 1050 °C.

Literature

Августиник 1975 — *Avgustinnik A. I. Keramika [Ceramics]*. 2nd ed. L.: Stroizdat, 1975. 591 p. (in Russian).

Артемьева 2008 — *Artemieva N. G. O datirovke Yujno-Ussuriyskogo gorodischa [On the date of the Yuzhno-Ussuri settlement] // Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Far Eastern Branch of RAS]*. 2008. No. 2. P. 95–106 (in Russian).

Васильева 2012 — *Vasileva T. A. Gornohutorskoe gorodisch'e [Gornokhutorskoe settlement] // Artemieva N. G. (ed.). Srednevekovye drevnosti Primor'ya [Medieval antiquities of Primorye]*. Vladivostok: Dalnauka, 2012. Vol. 2. P. 41–55 (in Russian).

Гребенщиков, Деревянко 2001 — *Grebenschchikov A. V., Derevianko E. I. Goncharstvo drevnih plemen Priamur'ya [Pottery of the ancient tribes of the Amur region]*. Novosibirsk: IAE, 2001. 120 p. (in Russian).

Гельман и др. 1998 — *Gelman E. I., Boldin V. I., Zalishchak B. L. Perspektivnyy metod. Petrograficheskie issledovaniya cherepicy iz Kraskinskogo gorodischa [Promising method. Petrographic studies of tile from the Kraskinskoe settlement] // Rossiya i Aziatsko-Tihookeanskiy region (Russia and the Asia-Pacific Region)*. 1998. No. 1. P. 103–106 (in Russian).

Жушиховская 2004 — *Zhushchikhovskaya I. S. Ocherki istorii drevnego goncharstva Dal'nego Vostoka Rossii [Essays on the history of the ancient pottery of the Russian Far East]*. Vladivostok: Far Eastern Branch of RAS, 2004. 312 p. (in Russian).

Жушиховская 2014 — *Zhushchikhovskaya I. S. Pokazatel' vodopogloscheniya drevney keramiki yuga Dal'nego Vostoka: opyt issledovaniya [Indicator of water absorption for the ancient pottery of the southern Far East: a research trial] // Tihookeanskaya arheologiya [Pacific archaeology]*. 2014. Vol. 29. P. 27–49 (in Russian).

Жушиховская и др. 2013 — *Zhushchikhovskaya I. S., Artemieva N. G., Korovnik M., Nikitin Yu. G. Keramicheskie komplekсы pamyatnikov yankovskoy kul'tury vostochnogo poberej'ya Ussuriyskogo zaliva [Pottery assemblages of the Yankovskaya culture from the eastern coast of the Ussuri Bay] // Tihookeanskaya arheologiya [Pacific archaeology]*. 2013. Vol. 27. P. 81–116 (in Russian).

Ким, Ли 2006 — *Kim Ch. M., Li B. Kh. Artefakty i remesla v gosudarstve Pe'kche [Artifacts and crafts in the State of Baekje]*. Buyeo: E-Mek, 2006. 167 p. (in Korean).

НИКИТИН, ЧЖУН 2008 — *Nikitin Yu. G., Zhong C. Arheologicheskie issledovaniya na poselenii Chernyatino-2 v 2007 godu [Archaeological works at the settlement of Chernyatino-2 in 2007]*. Daejeon, 2008. Pt. 1 — 351 p. (in Russian); Pt. 2 — 332 p. (in Korean); Pt. 3 — 236 p. (color ill.).

Ситдииков, Храмченкова 2011 — *Sitdikov A. G., Khramchenkova R. Kh. Tipologiya polivnoy keramiki Kazanskogo hanstva i analiz ee e'lementnogo sostava [Typology of glazed ceramics of the Kazan' khanate and the analysis of its ultimate composition] // Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Tatar SU of Humanities and Education]*. 2011. No. 3. P. 125–132 (in Russian).

Тупикина 1996 — *Tupikina S. M. Keramika chjurchje'ney Primor'ya XII — nachala XIII v. [Jurchen pottery of Primorye of the XII — early XIII c.]*. Vladivostok: Dalnauka, 1996. 118 p. (in Russian).

Уоррел 1978 — *Worrall W. Gliny' i keramicheskoe syr'e [Clays and ceramic raw materials]*. M.: Mir, 1978. 237 p. (in Russian).

Чжун 2012 — *Zhong Suk. Pue'skiy hramov'y kompleks Ny'nsanri-sachji (VI–VII vv.) e'pohi Pe'kche perioda Sabi [Buyeo temple assemblage of Nynsanri-sachzhi (VI–VII cc.) of the Baekje epoch, Sabi period] // Artemieva N. G. (ed.). Srednevekovye drevnosti Primor'ya [Medieval antiquities of Primorye]*. Vladivostok: Dalnauka, 2012. Vol. 2. P. 112–138. (in Russian).

Вьорк 1995 — *Bjork C. Early Pottery in Greece. A Technological and Functional Analysis of the Evidence from Neolithic Achilleion Thessaly*. Jonsered: P. Åströms, 1995. ix + 172 p.

Болдин, Никитин 1999 — *Boldin V. I., Nikitin Yu. G. Bohai roof tiles from Kraskinskoe ancient town // Guo Jingkun (ed.). The Proceedings of the ISAC '99. Shanghai, 1999. P. 338–346.*

Day et al. 2006 — *Day P. M., Kilikoglou V., Joyner L., Gesell G.* Goddesses, Snake Tubes, and Plaques. Analysis of Ceramic Ritual Objects from the LM IIIc Shrine at Kavousi // *Hesperia*. 2006. Vol. 75. P. 137–175.

Koh et al. 2009 — *Koh Ch. C., Kil Ch. W., Ahn S., Lee Y. E., Kim G., Suh D. M.* A Scientific Study on Koryo Whiteware from Chungamni Kiln in Kyonggi Province // Guo Jingkun (ed.). *The Proceedings of the ISAC '09*. Beijing, 2009. P. 194–205.

Lahlil et al. 2013 — *Lahlil S., Li W., Xu J. M.* Crack Patterns Morphology of Ancient Chinese Wares // *The Old Potter's Almanack*. 2013. Vol. 18, no. 1. P. 1–9.

Maniatis 2009 — *Maniatis Y.* The Emergence of Ceramic technology and its Evolution as Revealed with the use of Scientific Techniques // Shortland A., Freestone I., Rehren T. (eds.). *From Mine to Microscopy: Advances in the Study of Ancient Technology*. Oxford: Oxbow, 2009. P. 1–18.

Rice 1987 — *Rice P. M.* *Pottery Analyses. A Sourcebook*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1987. xxiii + 559 p.

Rha 2006 — *Rha S.* *Pottery. Korean Traditional Handicrafts*. Seoul: National Museum of Korea Press, 2006. 151 p.

Tite 1992 — *Tite M. S.* The Impact of Electron Microscopy on Ceramic Studies // *Proceedings of the British Academy*. 1992. Vol. 77. P. 111–131.

Shepard 1985 — *Shepard A. O.* *Ceramics for the Archaeologist*. Washington, DC: Carnegie Institution Press, 1985. 414 p.

Tite, Maniatis 1975 — *Tite M. S., Maniatis Y.* Examination of ancient pottery using the scanning electron microscope // *Nature*. 1975. No. 257. P. 122–123.

Tite et al. 1982 — *Tite M. S., Freestone I. C., Meeks N. D., Bimson M.* The Use of Scanning Electron Microscopy in the Technological Examination of Ancient Ceramics // Olin J. S., Franklin A. D. (eds.). *Archaeological Ceramics*. Washington, D. C.: Smithsonian Institution Press, 1982. P. 109–120.

Vasil'ev 2009 — *Vasil'ev Yu. M.* The Furnaces for the Burning Tiles in the Village Sergeevka // Guo Jingkun (ed.). *The Proceedings of ISAC'09*. Shanghai, 2009. P. 840–843.

Zhushchikhovskaya, Nikitin 2014 — *Zhushchikhovskaya I. S., Nikitin Yu. G.* Ceramic Firing Structures in Prehistoric and Ancient Societies of the Russian Far East // *Asian Perspectives*. 2014. Vol. 53. No. 2. P. 121–149.

РАЗЫСКАНИЯ ПО ДВУМ КАВКАЗСКИМ ФИБУЛАМ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Е. Е. ВАСИЛЬЕВА, М. Т. КАШУБА

Ключевые слова: *Кавказ, ранний железный век, фибула, классификация, хронология, доколониционные контакты.*

В статье вводятся в научный оборот две кавказские фибулы раннего железного века, которые хранятся в фондах Государственного Эрмитажа. По каждому изделию дается история попадания в хранение, описание, анализ металла, аналогии, датировка. Применение культурно-исторического подхода позволило выявить место и значение этих находок в костюме разных групп древнего населения Кавказа. Бронзовая фибула из Кобанского могильника (рис. 1, 2) по своим характеристикам (в том числе следам ремонта — рис. 2) обнаруживает полное сходство с фибулой из этого же памятника из собрания Э. Шантра (рис. 3), которая хранится в Национальном музее археологии в Сен-Жермен-ан-Ле (Франция). Обе фибулы с тремя скульптурными головками баранов, вероятно, были парными (рис. 4, 1, 2). Эти престижные изделия входили в состав парадного костюма человека высокого социального ранга. Предварительно фибулы датируются второй половиной VIII — VII в. до н. э., а в общей схеме развития дуговидных фибул Кавказа их можно выделить в отдельный вариант. Обстоятельства обнаружения бронзовой фибулы из Нового Афона (рис. 5) показывают, что в Колхиде отсутствует вторая аналогичная фибула: речь должна идти об одном изделии из Нового Афона/Псырцха. Для всех исследователей очевидно эгейское происхождение этой фибулы, которая была отнесена к типу ладьевидных (*a navicella*). Ее датировка рубежом IX/VIII — VIII в. до н. э. свидетельствует о наличии доколониционных контактов Кавказского региона с Эгейдой и Средиземноморьем. Несмотря на отсутствие прямых аналогий в Средиземноморье, она составляет вместе с другими находками на Кавказе отдельный вариант ладьевидных фибул. Одежда с такой фибулой или мастера — выходцы из Эгейского бассейна или работающие по образцам фибульного производства Эгейды — могли попасть в Колхиду вследствие морского сообщения, существовавшего в конце II тыс. до н. э. в восточной части Средиземноморья, а также между Средиземным и Черными морями.

Введение. В археологическом изучении Кавказа особое место занимают исследования, посвященные предметам быта и орудиям труда, утвари, оружию, украшениям или деталям одежды. Детальное изучение тех или иных категорий изделий нередко способствует решению многих актуальных проблем в кавказской археологии. Одной из таких категорий являются бронзовые дуговидные фибулы. Наиболее полная сводка ранних кавказских фибул имеется в работе Н. Сулава (Sulava 2011). Между тем фонд такого рода источников неуклонно пополняется, чему способствуют не только полевые исследования, но также разыскания в фондах музеев. Предметом данного исследования являются две бронзовые фибулы,

связанные своим происхождением с территорией Кавказа. Одна фибула происходит из Кобанского могильника в Северной Осетии, другая была найдена в с. Новый Афон в Абхазии. Обе фибулы хранятся в фондах Государственного Эрмитажа (далее — ГЭ).

Фибула из Кобанского могильника, входящая в коллекцию К. И. Ольшевского в собрании ГЭ (инв. № 1731/46), представляет собой выдающийся образец кобанского бронзолитейного искусства (рис. 1, 2).

История попадания фибулы в фонды ГЭ. С момента открытия Кобанского могильника во второй половине XIX в. Кавказ наводнили русские и зарубежные ученые, просто любители старины, которых покорили оригинальность и красота кобанских бронз. С 1879 по 1881 гг. известный французский антрополог Э. Шантр проводил на Кавказе научные изыскания, в результате которых им в 1881 г. было раскопано более 20 погребений Кобанского могильника (Chantre 1886: 23–34, fig. 1; Лорр 2000: 175–176). В это же время во Владикавказе проходил службу К. И. Ольшевский, собрание кавказских древностей которого получило большую известность, в том числе в связи с непростыми условиями его приобретения отечественными музеями. Помимо собственных раскопок К. И. Ольшевский покупал предметы древности у местного населения, всего коллекция составила около 3000 предметов (Императорская... 2009: 756). Часть этой коллекции в 1889 г. была куплена Императорской археологической комиссией для Эрмитажа, а часть поступила в Императорский Российский исторический музей им. Имп. Александра III — будущий Государственный исторический музей (Там же; Вольная 2010: 336). Возможно, в коллекцию К. И. Ольшевского могла попасть и часть находок Э. Шантра.

Описание. Бронзовая фибула дуговидная, однопружинная. Дуга фибулы круглая в поперечном сечении, пружина иглы закручена на один оборот, приемник довольно узкий, в виде раскованной подпрямоугольной пластины. Дуга фибулы украшена углубленным орнаментом в виде рядов «елочки». Наибольшая высота дуги располагается ближе к приемнику, дуга становится тоньше к краям, оформленным кольцевидными выступами. Кольцевидные выступы и центральная часть дуги украшены скульптурными бараньими головами на тонких шеях. Бараньи головы выполнены в одной манере. Морды удлиненные, с расширением на конце, украшенным тремя углубленными, расходящимися в стороны насечками (три насечки имеются лишь у одной бараньей головы, у двух других сохранилось по две насечки). Глаза в виде точечных углублений расположены на лицевой стороне морды. Рога закручены на полтора оборота, первый виток рогов невысоко поднят над головой. Витки рогов прилегают друг к другу. Рога не орнаментированы. Игла с пружиной смоделированы отдельно от дужки и соединяются с дугой на одном из кольцевидных утолщений. Размеры: максимальная длина — 8,6 см, максимальная высота — 8 см, высота без бараньих голов — 6,4 см.

Аналогии. Фибула из собрания К. И. Ольшевского в ГЭ практически идентична фибуле из Национального археологического музея в Сен-Жермен-ан-Ле

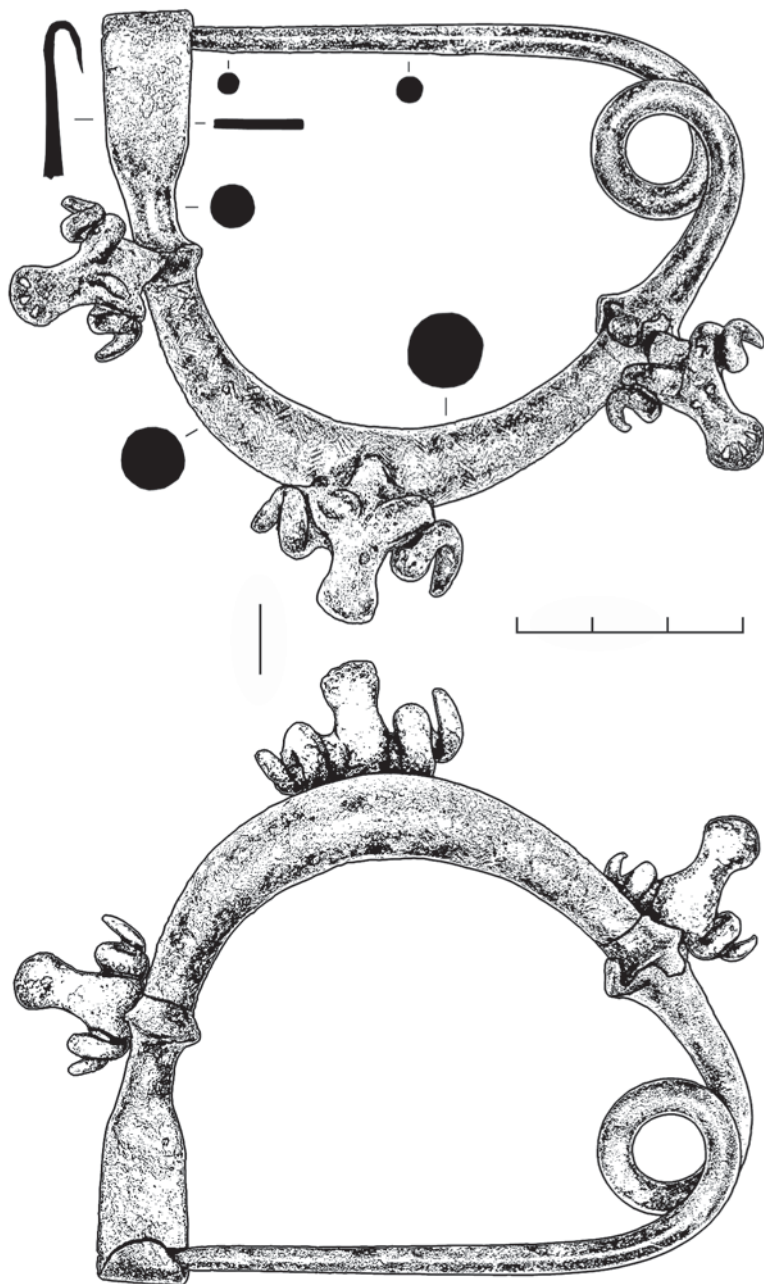

Рис. 1. Кобанский могильник, Северный Кавказ. Фибула дуговидная, однопружинная, с тремя скульптурными головками баранов (прорисовка), бронза, собрание К. И. Ольшевского, инв. № 1731/46. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Fig. 1. Koban cemetery, North Caucasus. Arched single-spring fibula with three sculptured ram heads (drawing), bronze, K. I. Olshevsky's collection, inventory No. 1731/46.

© State Hermitage, St. Petersburg

Рис. 2. Кобанский могильник, Северный Кавказ. Фибула с тремя скульптурными головками баранов (фотография) и следы ее ремонта (фотография, увеличение, без масштаба), инв. № 1731/46

Fig. 2. Koban cemetery, North Caucasus. Fibula with three sculptured ram heads (photograph) and the traces of repair (photograph, magnification, not to scale), inventory No. 1731/46

во Франции (Musée d'Archéologie nationale — Domaine national de Saint-Germain-en-Laye). Фибула с тремя бараньими головками из этого музея также происходит из Кобанского могильника и входит в собрание Э. Шантра (Chantre 1886: II, pl. XXII, 4; Уварова 1900: рис. 53; *Avant les Scythes...* 1979: 192, No. 205; Schiltz 1979: 42) (рис. 3). Размер фибулы из Сен-Жермен-ан-Ле почти такой же, как у фибулы из Эрмитажа — $8,6 \times 7,8$ см. Эти две фибулы различаются лишь расположением пружины: у эрмитажного экземпляра пружина находится справа при положении фибулы дужкой вниз, а у фибулы из Сен-Жермен-ан-Ле — слева, что может указывать на их парность (рис. 4, 1, 2).

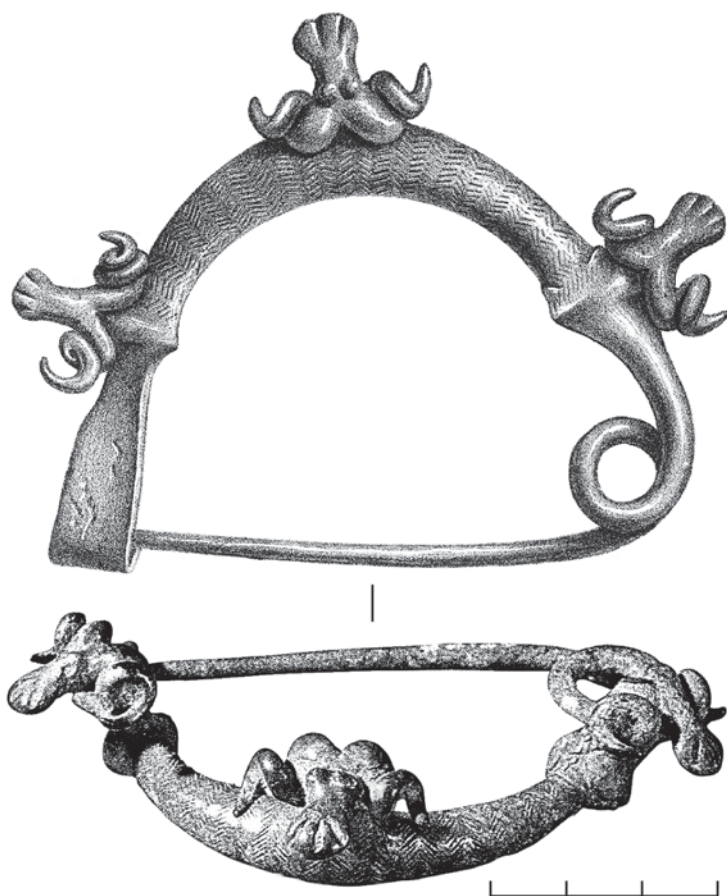

Рис. 3. Кобанский могильник, Северный Кавказ. Бронзовая фибула с тремя скульптурными головками, собрание Э. Шантра, М.А.Н. No. 27.175. Национальный археологический музей в Сен-Жермен-ан-Ле, Франция (по: Chantre 1886; Schiltz 1979)

Fig. 3. Koban cemetery, North Caucasus. Bronze fibula with three sculptured heads, E. Chantre's collection, M.A.N. No. 27.175. National Archaeological Museum at Saint-Germain-en-Laye, France (after: Chantre 1886; Schiltz 1979)

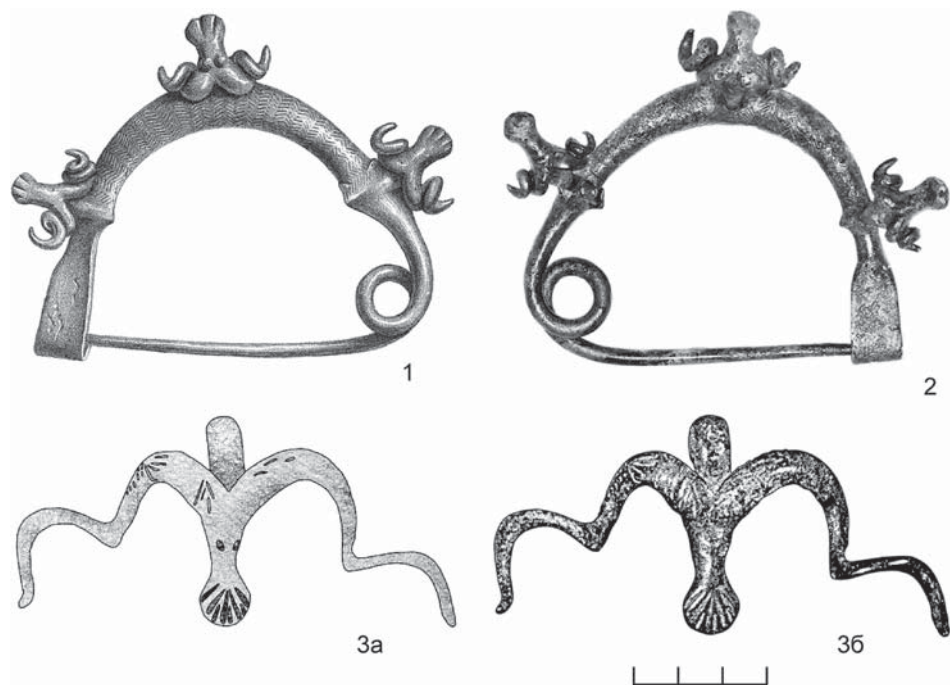

Рис. 4. Кобанский могильник, Северный Кавказ: 1, 2 — фибулы с тремя скульптурными головками баранов в сопоставлении друг с другом (2 — ГЭ, инв. № 1731/46; 1 — музей в Сен-Жермен-ан-Ле, ссылки см. рис. 3); 3а (прорисовка) и 3б (фотография) — подвеска в виде головы барана, бронза, коллекция А. С. Уварова, инв. № Б-703/532.

© Государственный исторический музей, Москва

Fig. 4. Koban cemetery, North Caucasus: 1, 2 — fibulae with three sculptured ram heads shown in comparison with each other (1 — Museum at Saint-Germain-en-Laye, for references see Fig. 3; 2 — State Hermitage, inventory No. 1731/46;); 3a (drawing) and 3b (photograph) — ram head shaped pendant, bronze, collection of A. S. Uvarov, inventory No. Б-703/532.

© State Historical Museum, Moscow

Техника изготовления двух рассматриваемых фибул также одинакова. Они были отлиты по утрачиваемым моделям, а затем приемник и пружина с иглой откованы. Углубленный орнамент на многих кобанских бронзовых предметах выполнялся еще на стадии моделирования, а после отливки доводился до совершенства чеканкой или гравировкой (см.: Минасян 1991: 10). На дужке фибулы с бараньими головками из собрания ГЭ линии нанесены методом нарезки с продавливанием острым лезвием стального инструмента (Минасян 2014: 386)¹. Любопытно, что на обеих фибулах прослеживаются одинаковые следы технологического брака (рис. 2). По заключению специалистов по технике изготовления древних изделий Р. С. Минасяна и Е. А. Шаблавиной обе фибулы подверглись ремонту еще на стадии изготовления — при отливке произошел недолив металла

¹ Приносим искреннюю благодарность к. и. н. Р. С. Минасяну и к. и. н. Е. А. Шаблавиной за ценные консультации в определении техники изготовления фибул.

в иглу. Модель иглы была заново выполнена из воска и присоединена к отливой дужке аккуратными округлыми выступами в области кольцевидного утолщения. Из Кобанского могильника известны и другие бронзовые дуговидные фибулы с доливкой в области основания иглы, причем одна из фибул имеет ассиметричную дужку и кольцевидные утолщения на краю дужки (см.: Уварова 1900: табл. XXXII, 3, б). Однако в отличие от двух рассматриваемых фибул с бараньими головками, доливки иглы у фибул без скульптурных изображений произведены довольно грубо (Там же: табл. XXXII, б). Возможно, в этих случаях имел место ремонт иглы, выполненный другим мастером в более позднее время.

Рассматриваемые нами фибулы с бараньими головками, несомненно, являлись престижными предметами и предназначались для человека (группы) высокого социального ранга. Судя по всему, изготовление новых восковых моделей фибулы со скульптурными изображениями в случае недолива металла в иглу требовало большой затраты рабочего времени мастера. Мастер не стал заново их отливать, а аккуратно отремонтировал. Деликатность присоединения игл к фибулам свидетельствует о большой ценности самих предметов, входивших в парадное одеяние.

Согласно результатам РФА дужка фибулы была изготовлена из оловянной бронзы с примесями свинца, сурьмы и мышьяка². Доливка иглы с пружиной была выполнена из аналогичного сплава, что может служить подтверждением того, что ремонт был произведен в той же мастерской и тем же мастером (таблица).

Т а б л и ц а

Результаты РФА химического состава металла поверхности изделий (в %)³

Инв. №	Деталь	Cu	Sn	Pb	As	Sb	Ag	Zn	Прочие
1731/46	Дужка	Осн.	15–20	<0,8	<0,6	<1	Сл.	—	Fe — сл.; Ni — сл.
	Игла	Осн.	12–14	1–2	1–2	<1	Сл.	Сл.	Fe — сл.
1291/152		Осн.	8–9	1–2	<1	0,25	?	—	Bi (?)

Можно предположить, что фибулы с бараньими головками, хранящиеся сегодня в разных музеях, были изготовлены одним мастером. Скорее всего, они являются парными и могли использоваться в одном мужском костюме. По сообщению Э. Шантра, фибула с тремя бараньими головами (из музея Сен-Жермен-ан-Ле) была найдена в одном погребении с кинжалом, украшенным бараньими головами, булавкой со скульптурными фигурками оленя и двух собак и, возможно, булавкой в виде секиры (Chantre 1886: 69, pl. VI, 1; XX, 1). Что собой представляло это погребение и какие еще предметы были в нем найдены, Э. Шантр не уточняет. Однако нахождение в одном погребении архаичной булавки с навершием в виде

² Выражаем глубокую благодарность заместителю заведующего Отдела научно-технологической экспертизы ГЭ, с. н. с. С. В. Хаврину и К. С. Чугнуовой за определение состава металла фибул.

³ Анализ проведен на спектрометре ArtTAX. Сокращения: осн. — основа, сл. — следы.

секиры и сравнительно поздней фибулы с бараньими головками едва ли возможно, о чем свидетельствует и способ моделировки зооморфных изображений.

На рассматриваемых фибулах бараньи головки имеют удлиненную прямую морду с округлым расширением на конце, которая украшена расходящимися от центра углубленными линиями. Ближайшей аналогией этим бараньим головкам является баранья голова, представляющая собой подвеску из Кобанского могильника в коллекции А. С. Уварова (фонды ГИМ Б-703/532)⁴. Подвеска в виде бараньей головки из Кобанского могильника единственная в своем роде и отличается от других подвесок этой группы (рис. 4, 3а, 3б). Она представлена прямой, чуть суживающейся книзу мордой, имеющей на конце округлое расширение, украшенное расходящимися от центра углубленными линиями. Глаза в виде небольших овальных углублений. На лицевой стороне первого витка рогов видны отдельные углубленные линии, но целостный орнамент не прослеживается. Размеры подвески — 9,9 см × 5,6 см (высота головки без петли — 4,9 см); она входит в группу больших подвесок в виде бараньих голов с размахом рогов 11,2–9,9 см (Доманский 1984: ил. 128; *Avant les Scythes...* 1979: 153; ГИМ Б-1709/409). Бараньи головки этой группы изготовлены очень схематично, все признаки сильно утрированы. Как правило, у них длинная прямая морда, расширяющаяся книзу, горизонтально расположенные относительно морды объемные овальные глаза, рога закручены на полтора оборота (?), первый виток рогов горизонтально отходит от головы. В основании рогов имеется перекрестие, выполненное углубленной линией. Подвески происходят из Камунты и Кобанского могильника, остальные не имеют точных сведений о месте находки.

Вопрос о датировании бронзовых подвесок в виде бараньих голов, происходящих из центрального ареала кобанской культурно-исторической общности, в настоящее время остается открытым, так как подавляющее большинство изделий происходит из разрушенных комплексов. Бараньи головки с большим размахом рогов, по-видимому, являются результатом эволюции бараньих голов с длинной прямой мордой, скругленной на конце, объемными овальными глазами, расположенными горизонтально относительно морды, горизонтально отходящими от головы рогами, перекрестием в основании рогов и круглым налетом на лбу (Доманский 1984: ил. 129; ГИМ Б-1635/867; ГИМ Б-1703/507). В свою очередь, стилистически им предшествуют бараньи головки с объемными круглыми глазами, расположенными по бокам морды, с выделенной лобной и носовой частью с круглым налетом на лбу (см.: Уварова 1900: табл. XXXV, 3; Доманский 1984: ил. 126; 127; Мошинский 2010: 115, № 138; Васильева 2004: 24, рис. 7; 2008).

Интерес вызывает манера передачи образа баранов на рассматриваемых нами фибулах, у которых на конце морды имеются углубленные линии: можно предположить, что три насечки изображают ноздри животных. Для кобанских древностей

⁴ Приносим искреннюю благодарность к. и. н. А. П. Мошинскому за возможность опубликовать рисунок подвески, а также за неизменную помощь и поддержку в изучении кавказских коллекций ГИМ.

и, в частности, для находок из Кобанского могильника было характерно удвоение и даже утроение изображения барана (Chantre 1886: pl. VI, 1; Virchow 1883: Taf. X, 2; Уварова 1900: табл. IX, 1; XXV, 12; XXVII, 3; XXVIII, 5; XXXVIII, 9; Мошинский 2010: № 172, 173, 178, 179). Отсюда вытекает, что на рассматриваемых фибулах с тремя головками животных мастер мог изобразить тройные ноздри. Вероятно, подвеска (из ГИМ) в виде бараньей головы с несколькими углубленными линиями была изготовлена позднее, а отливавший ее мастер уже не имел представления о значении этих углублений и нанес их больше на изделие. Этот факт, скорее, говорит о том, что подвеска может относиться к более позднему времени, чем фибулы.

Датировка фибул. Фибулы с бараньими головками можно отнести ко II типу (дуговидные с гладкой или орнаментированной дужкой с утолщениями у перехода к пружине и приемнику) согласно общей классификации кавказских дуговидных фибул (Воронов 1983: 29–30, рис. 2). Происхождение фибул II типа Ю. Н. Воронов связывал со смычковыми фибулами позднеминойского периода, распространенными в Греции и Италии в XIII/XII–VIII вв. до н. э., а время их попадания определял VIII в. до н. э., предполагая их проникновение на Кавказ через Малую Азию и Урарту (Там же: 30–32).

Немногочисленные дуговидные фибулы, основным отличительным признаком которых является «сильно вздутая к центру дуга, уменьшающаяся к краям, которые оформлены кольцевыми выступами», также к типу II отнесла и В. И. Козенкова, рассматривая западный вариант кобанской культуры (Козенкова 1998: 72 сл., 181, табл. XXV, 2–6). Она отметила, что аналогии фибулам типа II немногочисленны и происходят из Верхне-Кобанского могильника, и датировала их VIII–VII вв. до н. э., подчеркнув, что «модификации этих фибул, а точнее фибул, соединивших признаки I и II типов» известны в скифский период (Там же: 75).

Опубликованная дуговидная фибула с бараньими головками из Кобанского могильника (из музея в Сен-Жермен-ан-Ле) включена в свод Н. Сулавы и ее классификацию под № 443 (Sulava 2011: 129–134, fig. 35, 433). Согласно ее работам, эта фибула относится к типу III8 (дуговидные фибулы с арочной дужкой и дисковидными утолщениями), варианту III8c1 (с бараньими головками). Фибулы этого типа Н. Сулава датирует VII–VI вв. до н. э., а конкретно вариант III8c1 — серединой I тыс. до н. э. (Ibid.: 129), сузив в английском резюме их дату до V–IV вв. до н. э. (Ibid.: 235). Н. Сулава придерживается исключительно поздних датировок и самих кавказских фибул, и комплексов, откуда они происходят, что уже отмечено в специальной литературе (см.: Скаков 2008: 77 сл.; Кашуба 2013: 174 сл.; ранние датировки дуговидных фибул — «знакового элемента кобанской культуры» см.: Козенкова 2013: 58 сл.).

Еще одна классификация дуговидных фибул предложена А. Ю. Скаковым на основании анализа материалов из Колхиды. В зависимости от пропорций фибул исследователь выделил пять типов, которые по характеру дужки (без кольцевидных утолщений на дужке или с кольцевидными утолщениями) были разделены им

на подтипы, а в зависимости от сечения прута — на варианты (Скаков 2008: 77–78). Согласно его классификации, рассматриваемые нами фибулы с бараньими головками можно соотнести с фибулами с высокой симметрично утолщенной дужкой с кольцевидными утолщениями по краям (тип IV-2 по Скакову). Такие фибулы были найдены в памятниках бассейна Баксана, в долине Сукко около Анапы, Кобанском могильнике и др. (Козенкова 1998: табл. XXV, 2–6; Новичихин 1995: рис. 2, 1; Доманский 1986: ил. 58). По многочисленным аналогиям за пределами Колхиды А. Ю. Скаков датирует фибулы этого типа второй половиной VIII — VII в. до н. э., отметив, что в отдельных районах они доживают до V–IV вв. до н. э. (Скаков 2008: 84–88). К колхидским фибулам типа IV-2, по Скакову, восходят и фибулы со слабо утолщенной симметричной дужкой с кольцевидными утолщениями на краю дужки (тип III-2 по Скакову), известные в памятниках Центрального Кавказа (могильники Кобан, Тли, Кумбулта/Верхняя Рутха, Архон, Фаскау, Корети), где они получают распространение во второй половине VII — первой половине VI в. до н. э. (ГЭ, № 1731/31; Уварова 1900: табл. XXXII, 5–7; LXXXVIII, 7; CXXXI, 1; Скаков 2008: 88). В основном фибулы этого типа характерны для памятников колхидской культуры VIII–VI вв. до н. э. (Красномаяцкий могильник, погр. 62; могильник Джантух) (Трапш 1969: табл. XII, 3; Скаков 2008: 86, 96).

По имеющимся аналогиям в типологическом развитии дуговидных кавказских фибул и особенностям передачи образа бараньей головки парные фибулы из Кобанского могильника (одна — из собрания К. И. Ольшевского в ГЭ, вторая — из собрания Э. Шантра в Сен-Жермен-ан-Ле) предварительно можно поместить во вторую половину VIII — VII в. до н. э. (с дальнейшим уточнением периода бытования такого рода находок). Не вызывает сомнений престижность этих предметов, изготовленных «штучно», «на заказ», поэтому их можно выделить в отдельный вариант в общей схеме развития дуговидных фибул Кавказа.

***

Среди ранних фибул Колхиды привлекает внимание фибула из Нового Афона (Абхазия), также хранящаяся в ГЭ⁵. Вслед за работой Н. Сулавы (Sulava 2011: 159–161, 196–198, fig. 38, 1, 2; 51, 1, 2) А. Ю. Скаков пишет, что «вроде бы, почти аналогичные фибулы найдены в селениях Абгархука (Лукин 1941: 46) и Псырцха (Sulava 2005: Taf. 8, 2)» (Скаков 2008: 80). В типологическом развитии, как полагает А. Ю. Скаков, им отводится место прототипов характерных для Колхиды фибул с высокой ассиметрично утолщенной дужкой и кольцевыми утолщениями, наличие которых «является отличительной чертой Центральной Колхиды», причем «такие фибулы не представлены в Кобанском могильнике» (Там же: 80, 84). Рассмотрим эти изделия.

⁵ Авторы искренне благодарят хранителя Отдела Востока ГЭ А. Н. Новикову за оказанную помощь в работе с находкой.

Фибула из Нового Афона, входящая в коллекцию А. Л. Лукина в собрании ГЭ (инв. № 1291/152), представляет специфический образец ладьевидных (a navicella) фибул, характерных для Средиземноморья (рис. 5).

История попадания фибулы в фонды ГЭ. Фибула из Нового Афона хорошо известна специалистам. Она была найдена вместе с другими предметами в составе Ново-Афонской находки 1928 г. на месте постройки водолечебницы. Как указывал А. Л. Лукин, известно всего девять предметов, «остальные были растащены случайными людьми. <...> Таким образом, ни точного места находки, ни общего состава и состояния обнаруженного, очевидно, погребения установить не удалось»

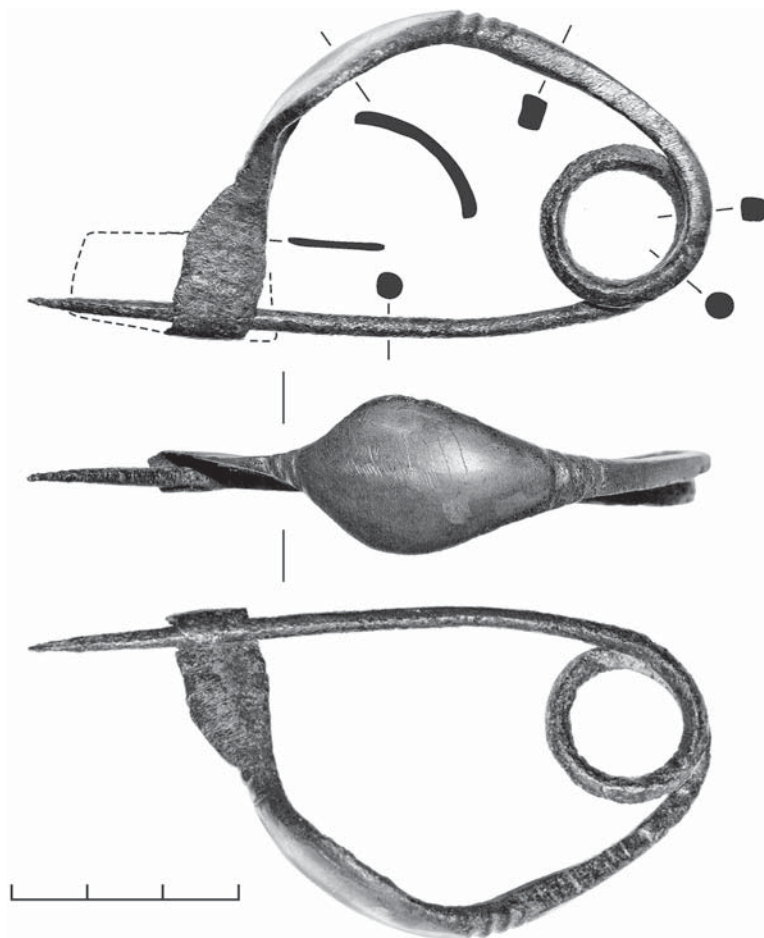

Рис. 5. Фибула из Нового Афона (Псырцха), Колхида. Фибула дуговидная, однопружинная, с ромбовидным плоским щитком на спинке, бронза, собрание А. Л. Лукина, инв. № 1291/152. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Fig. 5. Fibula from Novy Afon (Pysyrtskha), Kolkhida (photograph). Arched single-spring fibula with a rhomb-like flat shield on its back, bronze, collection of A. L. Lukin, inventory No. 1291/152. © State Hermitage, St. Petersburg

(Лукин 1941: 43). Девять предметов из Ново-Афонской находки (наконечник копья в трех обломках, два нецелых топора с орнаментом, два наконечника дротиков, поясной крючок, кольцевидный браслет, подвеска в виде рюмочки и фибула) были в начале 1940-х гг. кратко описаны и опубликованы (Там же: 43–44, табл. VIII, 1–7; IX, 1–3). Обратимся к фибуле.

Описание. Бронзовая фибула дуговидная, однопружинная. Дуга фибулы высокая, слегка асимметричная. Дуга снабжена небольшим ромбовидным щитком, она имеет разное поперечное сечение — квадратное к пружине и плоское подпрямоугольное к приемнику. Пружина иглы закручена на один крупный оборот. Приемник широкий, в виде широкой раскованной подпрямоугольной пластины, обломан с двух сторон. Дуга фибулы украшена литым декором в виде трех небольших насечек-валиков, обрамляющих с двух сторон ромбовидный щиток на спинке. На внешней стороне щитка имеются три едва заметные углубленные насечки. Игла круглая в сечении, длинная. Размеры фибулы: максимальная длина — 9 см, максимальная высота — 4,4 см.

Результаты РФА показали, что фибула Нового Афона была изготовлена из оловянной бронзы с примесями свинца, мышьяка, небольшим содержанием сурьмы и следами, возможно, висмута (таблица).

Аналогии и уточнение числа фибул. Фактически сразу после своей публикации эта фибула попала в поле зрения Б. А. Куфтина, показавшего ее место среди остальных кавказских фибул, важность и значение этой находки. Именно Б. А. Куфтин сравнил эту фибулу с эгейскими образцами («раннеаттическими») по его определению — см.: Куфтин 1949: рис. 29, 3) и отнес ее к типу *a navicella*, или ладьевидная. Фибула из Нового Афона в ряду других изделий позволила исследователю предложить оригинальную и новаторскую на то время гипотезу о заимствовании некоторых типов фибул (в частности, субмикенских) кавказскими культурами посредством морских черноморских путей (Куфтин 1944: 316).

Далее фибула из Нового Афона стала объектом изучения Н. Сулавы, посвятившей ей несколько статей и раздел в докторской диссертации, выделившей ее в отдельный тип III 22 (Сулава 1999а; 1999б: 31, 63; 2012: 533; Sulava 2001; 2002; 2005; 2011: 159–161, 196–198, fig. 38, 1, 2; 51, 1, 2). Н. Сулава также придерживается мнения об импортном происхождении фибулы, свидетельствующей о довольно ранних контактах с Эгейским бассейном. Она датирует ее концом VIII — VII в. до н. э. и относит к первому импорту (см.: Сулава 2012: 533).

Однако в монографии Н. Сулавы публикуются две однотипные, как она об этом пишет, ладьевидные фибулы: под № 694 — фибула из Нового Афона, а под № 695 — фибула из Псырцха (Sulava 2011: 159–161, 196–198, fig. 38, 1, 2; 51, 1, 2; 2012: 533, сн. 18), что заставило нас обратиться к самим изделиям.

Выяснилось, что фибулы из Нового Афона и Псырцха на самом деле оказались одной и той же фибулой. Помогли в этом разобраться описи коллекций ГЭ, а также статья Лукина 1941 г. В Отделе археологии Восточной Европы и Сибири (до этого —

Отдел истории первобытной культуры) хранится коллекция № 1291 под названием «Район Гудаута. Собрание А. Л. Лукина». На страницах 18 и 19 инвентарной книги этой коллекции начиная с номера 1291/143 имеется пометка «Псыртцха (Н. Афон), 1922» и далее с номера 1291/144 пишется: «Там же 1930. Находка 1928 г.» (здесь – «Псыртцха» вместо «Псырцха»). В самой же коробочке, в которой эта фибула хранится, стоит год 1927. Интересующая нас фибула имеет номер 1291/152 на странице 19 инвентарной книги, где выше для № 1291/146 стоит надпись «Псырцха 1930. Абхазская АССР. колл. Лукина». В статье Лукина нет упоминаний о фибуле из Псырцха, но есть новоафонская находка 1928 г., состоящая из девяти предметов (Лукин 1941: 43–44, табл. VIII, 1–7; IX, 1–3). Перечисление этих предметов в коллекции Лукина (сверенное по инвентарю коллекции № 1291 ОАВЕС ГЭ) подтверждает идентичность и однозначно указывает на единственное местонахождение, а именно, Псырцха (Новый Афон в скобках указывает привязку этого селения к более заметному и большому пункту на карте, что также следует из опубликованной карты Лукина). В монографии Б. А. Куфтина опубликован эскизный рисунок. Принадлежность к одному и тому же комплексу подтверждают специфическая рюмковидная подвеска и упоминание о топоре кобанского типа (см.: Куфтин 1949: рис. 29, 3, 4).

Датировка. Фибула из Нового Афона/Псырцха действительно относится к типу ладьевидных, *однако прямых и точных аналогий* среди подобных изделий в Эгейском бассейне, Греции, Италии, Центрально-балканском регионе она не имеет. Н. Сулава предложила для нее ряд аналогий (Sulava 2011: fig. 38, 4–6), но все они не близкие.

Удивительно, но ладьевидные фибулы разных регионов Средиземноморья имеют локальную специфику, что указывает на их изготовление в местных мастерских. Фибулу из Нового Афона/Псырцха также отличает ряд существенных признаков: положение спинки по отношению к пружине (на типичных ладьевидных фибулах — прямой угол), положение спинки по отношению к игле (на типичных — спинка параллельна), ромбовидное расширение на спинке, когда на типичных — ее расширение продольное и достаточно длинное, т. е. имеет форму ладьи. На наш взгляд, фибулу из Нового Афона/Псырцха, и фибулы из погребений 12 (13) и 21 (23) Красномаяцкого могильника можно относить к одному типу (Трапш 1969: рис. 31, 1; табл. VII, 2). По справедливому заключению А. Ю. Скакова, этот тип фибул является типологическим предшественником позднекохридских фибул с пластинчатым расширением на дужке (Скаков 2008: 88).

Все такого типа фибулы, как и аналогии, приведенные Н. Сулава, датируются по аналогиям из погребений Керамейкоса от 850 г. до н. э. Даже если принимать длительное запаздывание для кавказского экземпляра, то в любом случае новоафонская фибула должна датироваться, как минимум, рубежом IX/VIII — VIII в. до н. э., или временем доколониционных контактов. Морские пути сообщения в восточной части Средиземноморья, а также между Средиземным и Черным морями существовали еще в позднем бронзовом веке (см.: Höckmann 2003: 137 ff.;

2005: 311; Matthäus 2005: 357 ff., Abb. 32; Кашуба 2011: 67). По северному, черноморскому маршруту в Колхиду могли попасть одежда с ладьевидной фибулой и/или специализирующиеся на изготовлении фурнитуры мастера из Эгеиды.

Заключение. Фибулы с тремя скульптурными головками баранов из Кобанского могильника из фондов ГЭ и Национального археологического музея в Сен-Жермен-ан-Ле (Франция), скорее всего, были парными и входили в состав парадного костюма человека высокого социального ранга. Предварительно они датируются второй половиной VIII — VII в. до н. э. В общей схеме развития дуговидных фибул Кавказа их можно выделить в отдельный вариант.

Ладьевидная фибула (a navicella) из Нового Афона/Псырцха представляет характерный для Средиземноморья тип застежек. Однако отсутствие прямых аналогий в Средиземноморье позволяет думать, что в Колхиде было налажено местное производство таких деталей костюма. Ее датировка — рубеж IX/VIII — VIII в. до н. э., свидетельствует о наличии доколониционных контактов Кавказского региона с Эгеидой и Средиземноморьем. Попаданию в Колхиду одежды с такой застежкой и/или мастеров — выходцев из Эгейского бассейна или работавших по образцам фибульного производства Эгеиды — могли способствовать морские сообщения, существовавшие уже в конце II тыс. до н. э. между Средиземным и Черным морями.

Литература

Васильева 2004 — *Васильева Е. Е.* Основа классификации бронзовых подвесок в виде бараньих головок эпохи поздней бронзы и раннего железного века Северного Кавказа // Тихонов И. Л. (ред.). Альманах молодых археологов. 2004: Сб. Студенческого археологического общества. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 6–26.

Васильева 2008 — *Васильева Е. Е.* О динамике кобанского bestiaria // Гуаллагов А. А. (отв. ред.). Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. 21–25 апреля 2008 г.: ТД МНК. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований Владикавказского НЦ РАН и Правительства Республики Северная Осетия — Алания, 2008. С. 92–94.

Вольная 2010 — *Вольная Г. Н.* О начальном этапе истории изучения зооморфного искусства Кавказа раннего железного века // Колесник А. В. (гл. ред.). Изобразительное искусство в археологическом наследии: Сб. статей. Донецк: Лебедь, 2010. С. 333–344 (Археологический альманах. № 21).

Воронов 1983 — *Воронов Ю. Н.* Кавказские дуговидные фибулы раннежелезной эпохи // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 29–33.

Доманский 1984 — *Доманский Я. В.* Древняя художественная бронза Кавказа. М.: Искусство, 1984. 240 с.

Императорская... 2009 — Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Носов Е. Н. (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1312 с., 640 ил.

Кашуба 2011 — *Кашуба М. Т.* Ранняя фибула из поселения кобанской культуры Змейское и североопонтийские смычковые фибулы XI–X вв. до н. э. // Мамаев Х. М. (отв. ред.). Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный; М.: ИА РАН; Институт гуманитарных исследований АН Чеченской Республики, 2011. С. 64–81.

Кашуба 2013 — *Кашуба М. Т.* Находки эгейских деталей костюма в Северо-Западном Причерноморье в свете проблемы происхождения фибул на Кавказе // Марченко И. И. (отв. ред.). Шестая междунар. Кубанская археологическая конф.: Материалы конф. Краснодар: НИИ археологии Кубанского ГУ; Экоинвест, 2013. С. 174–180.

Козенкова 1998 — *Козенкова В. И.* Материальная основа быта кобанских племен (орудия труда, украшения, предметы культа, посуда: систематизация и хронология). Западный вариант. М.: ИА РАН, 1998. 200 с. (САИ России. Вып. В2-5, т. 5).

Козенкова 2013 — *Козенкова В. И.* Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: Таус, 2013. 252 с.

Куфтин 1944 — *Куфтин Б. А.* К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии // Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1944. Т. XII-В. С. 291–397.

Куфтин 1949 — *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды. Т. I: Абхазская археологическая экспедиция 1934 года под руководством академика И. И. Мещанинова. Три этапа истории культурного и этнического формирования дофеодальной Абхазии. Тбилиси: Техника да шрома, 1949. 360 с. + 33 л. ил.

Лорр 2000 — *Лорр К.* О происхождении археологической коллекции Эрнста Шантра (Музей национальных древностей, Сен-Жермен-ан-Лэ, Франция) // РА. 2000. № 2. С. 173–179.

Минасян 1991 — *Минасян Р. С.* Техника обработки бронз кобанской и колхидской культур // АСГЭ. 1991. Вып. 31. С. 5–14.

Минасян 2014 — *Минасян Р. С.* Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. 472 с.

Мошинский 2010 — *Мошинский А. П.* Древние бронзы Кавказа. М.: ГИМ, 2010. 200 с.

Новичихин 1995 — *Новичихин А. М.* Материалы первой половины I тыс. до н. э. из долины Сукко // Мунчаев Р. М. (отв. ред.). Историко-археологический альманах. Армавир; М.: Армавирский краеведческий музей, 1995. Вып. 1. С. 63–67.

Скаков 2008 — *Скаков А. Ю.* Фибулы Древней Колхиды: происхождение, типология, хронология // Revista Arheologică. Serie nouă. Chişinău, 2008. Vol. IV, nr. 2. С. 74–99.

Сулава 1999а — *Сулава Н.* Фибула a navicella, найденная на Черноморском побережье Грузии // Вахтина М. Ю. и др. (ред.). Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира: ММНК. Декабрь 1999. СПб.: Центр исследования и развития греческой культуры Причерноморья (Салоники, Греция) и др., 1999. С. 280–281.

Сулава 1999б — *Сулава Н.* Ладьевидная фибула, обнаруженная в Грузии // Дзиебани. 1999. Приложение I. С. 31–63.

Сулава 2012 — *Сулава Н.* В поисках Медеи. Комментарии // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 528–540.

Трапш 1969 — *Трапш М. М.* Древний Сухуми. Труды. Т. 2. Сухуми: Алашара, 1969. 373 с.

Уварова 1900 — *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа. М.: тип. А. И. Мамонтова и К, 1900. 381 с., 135 л. ил. (Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. Вып. 8).

Avant les Scythes... 1979 — *Avant les Scythes* — préhistoire de l'art en U.R.S.S. Paris: Editions de la Réunion des Musées Nationaux, 1979. 222 p.

Chantre 1886 — *Chantre E.* Recherches anthropologiques dans le Caucase. T. 2: Période protohistorique. Atlas. Paris: Ch. Reinwald Libraire, & Lyon: Henri Georg Libraire, 1886. LXIII pl.

Höckmann 2003 — *Höckmann O.* Zu früher Seefahrt in den Meerengen // Studia Troica. 2003. Bd. 13. S. 133–160.

Höckmann 2005 — *Höckmann O.* Schiffahrt im östlichen Mittelmeer im 2. Jt. v. Chr. // Yaçın Ü. u. a. (Hrsg.). Das Schiff von Uluburun: Welthandel vor 3000 Jahren. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 15. Juli 2005 bis 16. Juli 2006. Bochum: Deutsches

Bergbau-Museum, 2005. S. 309–324 (Veröffentlichungen aus dem Deutschen Bergbau-Museum Bochum).

Matthäus 2005 — *Matthäus H.* Kulturaustausch, Handel und Seefahrt im Mittelmeerraum während der Späten Bronzezeit // *Ibid.* S. 333–366.

Schiltz 1979 — *Schiltz V.* Les Bronzes de Koban // *Archéologia*. Paris, 1979. No. 128. P. 28–43.

Sulava 2001 — *Sulava N.* One more boat-shaped fibula found on the Abkhazian coast // *Dziebani*. Tbilisi, 2001. Supplement IV. P. 74–76 (in Georgian).

Sulava 2002 — *Sulava N.* The fibula a navicella found on the Black Sea coast of Georgia // Faudot M. et al. (éds.). *Pont-Euxin et commerce: la genèse de la «route de la soie»*. Actes du IXe Symposium de Vani (Colchide, 20–23 septembre 1999). Besançon: Presses universitaires franc-comtoises, 2002. P. 273–275.

Sulava 2005 — *Sulava N.* Fibeln aus der 1. Hälfte des 1. Jh.s v. Chr. Rund um das Schwarze Meer // *The Black Sea area and its relationships with ancient Central and Eastern Europe (1st millennium BC — 5th century AD): Third International Congress on Black and Sea Antiquities (Pontic Congress)*. Prague, 11–18 September 2005; preliminary program, abstracts of papers and posters. Prague: Institute for classical studies of the Academy of Sciences of the Czech Republic, 2005. S. 72–73.

Sulava 2011 — *Sulava N.* *The Caucasian Fibulae (Typology, chronology, genesis)*. Tbilisi: Georgian National Museum, Otar Lorkipanidze Centre of Archaeology. 341 с. (на груз. яз.).

Virchow 1883 — *Virchow R.* *Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Kaukasus. Eine vergleichend-archäologische Studie*. Atlas. Berlin: Verlag von A. Asher & Co. 1883. XI Taf.

INVESTIGATIONS CONCERNING TWO CAUCASIAN FIBULAE OF THE EARLY IRON AGE

E. E. VASILIEVA, M. T. KASHUBA

Keywords: *Caucasus, Early Iron Age, Fibula, classification, chronology.*

The paper introduces two Caucasian fibulae of the Early Iron Age from the collection of the State Hermitage. The authors provide information on how each fibula found its way to the museum, give their descriptions, analysis of metals, discuss analogies and dating. The bronze fibula from the Koban cemetery (Fig. 1, 2) in all of its characteristics (including traces of repairment — Fig. 2) shows full similarity with the fibula from the same assemblage, which belongs to E. Chantre's collection (Fig. 3), stored in the National Museum of Archaeology at Saint-Germain-en-Laye (France). Both fibulae with three sculptured ram heads seem to have formed a pair (Fig. 4, 1, 2). These prestigious articles were elements of a parade costume associated with a high social rank. The fibulae can be tentatively dated to the second half of the VIII — VII c. B. C. In the general scheme describing the development of the arched Caucasian fibulae they can be classified as a distinct variant. The fibula found in Novy Afon (Fig. 5) seems to have no analogies in Kolkhida. The Aegean origin of this fibula, ascribed to the type of boat-shaped, is clear to all researchers. Its dating to the turn of the IX/VIII — VIII c. B. C. testifies to the existence of pre-colonial contacts between the Caucasus and the Aegean-Mediterranean region. Despite the absence of direct analogies in the Mediterranean area, it (together with other finds from the Caucasus) constitutes a distinct variant of the boat-shaped fibulae. The clothing with

such a fibula — or craftsmen of the Aegean descent, or those who copied the Aegean specimens — could come to Kolkhida through the maritime traffic between the Mediterranean and Black seas which existed at the end of the II mil. B. C.

Literature

Васильева 2004 — *Vasileva E. E.* Osnova klassifikacii bronzovyh podvesok v vide baran'ih golovok e'pohi pozdney bronzy i rannego jeleznogo veka Severnogo Kavkaza [*The basis for classifying bronze pendants in the form of ram's head from the Late Bronze and Early Iron Age of the North Caucasus*] // Tikhonov I. L. (ed.). Al'manah molodyh arheologov [*Almanac of young archaeologists*]. 2004. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2004. P. 6–26 (in Russian).

Васильева 2008 — *Vasileva E. E.* O dinamike kobanskogo bestiariya [*On the dynamics of the Koban bestiary*] // Tuallagov A. A. (ed.). Otrazhenie civilizatsionnyh processov v arheologicheskikh kul'turah Severnogo Kavkaza i sopredel'ny'h territoriy [*Reflection of civilizational processes in archaeological cultures of the North Caucasus and adjacent regions. Jubilean XXV «Krupnov readings» in the archaeology of the North Caucasus. Vladikavkaz. 21–25 April of 2008*]. Vladikavkaz: North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Science Center of RAS and the Government of the Republic of Alania, 2008. С. 92–94 (in Russian).

Вольная 2010 — *Volnaya G. N.* O nachal'nom e'tape istorii izucheniya zoomorfnoho iskusstva Kavkaza rannego jeleznogo veka [*On the initial stage in the study of the Early Iron Age zoomorphic art of the Caucasus*] // Kolesnik A. V. (ed.). Izobrazitel'noe iskusstvo v arheologicheskom nasledii [*Pictorial art in archaeological heritage*]. Donetsk: Lebed', 2010. P. 333–344 (Archaeological almanac. No. 21) (in Russian).

Воронов 1983 — *Vorovov Yu. N.* Kavkazskie dugovidnye fibuly rannejeleznoy e'pohi [*Caucasian arched fibulae of the Early Iron Age*] // BCIA. 1983. Vol. 176. P. 29–33 (in Russian).

Доманский 1984 — *Domansky Ya. V.* Drevnyaya hudojestvennaya bronza Kavkaza [*Ancient artistic bronzes of the Caucasus*]. L.: Iskusstvo, 1984. 240 p. (in Russian).

Императорская... 2009 — Imperatorskaya arheologicheskaya komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoy arheologii i ohrany kul'turnogo naslediya [*Imperial Archaeological Commission (1859–1917): To the 150th anniversary of the founding. At the sources of Russian archaeology and culture heritage protection*] / Nosov E. N. (ed.). St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2009. 1312 p., 640 ill. (in Russian).

Кашуба 2011 — *Kashuba M. T.* Rannyya fibula iz poseleniya kobanskoy kul'tury Zmeyskoe i severopontiyskie smychkovye fibuly XI–X vv. do n. e'. [*Early fibula from the Koban culture settlement of Zmeiskoe and the North Pontic bow fibulae of the XI–X cc. B. C.*] // Mamaev Kh. M. (ed.). Voprosy drevney i srednevekovoy arheologii Kavkaza [*Questions in ancient and medieval archaeology of the Caucasus*]. Grozny; M.: IA RAS; Institute of Humanitarian Studies of the AS of Chechen Republic, 2011. P. 64–81 (in Russian).

Кашуба 2013 — *Kashuba M. T.* Nahodki e'geyskikh detaley kostyuma v Severo-Zapadnom Prichernomor'e v svete problemy proishojdeniya fibul na Kavkaze [*Finds of Aegean clothing details in the Northwestern Black Sea region in the light of the problem of the origins of the Caucasian fibulae*] // Marchenko I. I. (ed.). Shestaya Mejdunarodnaya Kubanskaya arheologicheskaya konferenciya [*Sixth International Kuban' Archaeological Conference: Materials*]. Krasnodar: Science Research IA at the Kuban SU; Ecoinvest, 2013. P. 174–180 (in Russian).

Козенкова 1998 — *Kozenkova V. I.* Material'naya osnova byta kobanskih plemen (orudiya truda, ukrasheniya, predmety kul'ta, posuda: sistematizaciya i hronologiya). Zapadnyy variant [*Material bases of everyday life of the Koban tribes (tools, decorations, cult objects, utensils: systematisation and chronology). Western variant*]. M.: IA RAS, 1998. 200 p. (CAS. Vol. B2-5, т. 5). (in Russian).

Козенкова 2013 — *Kozenkova V. I.* Kobanskaya kul'tura i okrujayuschiy mir (vzaimosvyazi, problemy sud'by i sledov raznokul'turnyh infil'traciy v mestnoy srede) [*Koban culture and the sur-*

rounding world (interconnections, problems of fate and traces of extraneous cultural infiltrations into the local milieu). М.: Taus, 2013. 252 p. (in Russian).

Куфтин 1944 — *Kuftin B. A. K voprosu o drevneyshih kornyah gruzinskoj kul'tury na Kavkaze po dannym arheologii [To the question of the oldest traces of the Georgian culture in the Caucasus according to archaeological data] // Vestnik Gosudarstvennogo muzeya Gruzii [Bulletin of the State Museum of Georgia]. Tbilisi, 1944. Vol. XII-B. P. 291–397 (in Russian).*

Куфтин 1949 — *Kuftin B. A. Materialy k arheologii Kolhidy. T. I: Abhazskaya arheologicheskaya e'kspediciya 1934 goda pod rukovodstvom akademika I. I. Meschaninova. Tri e'tapa istorii kul'turnogo i e'tnicheskogo formirovaniya dofeodal'noj Abhazii [Materials on archaeology of Kolkhida. Vol. I: Abkhaz Archaeological expedition of 1934 headed by the academician I. I. Meshchaninov. Three stages in the history of cultural and ethnical formation of the pre-feudal Abkhazia]. Tbilisi: Tekhnika da shroma, 1949. 360 p. + 33 ill. (in Russian).*

Лопп 2000 — *Lorr K. O proishozhdenii arheologicheskoy kollekcii E'rntsa Shantra (Muzej nacional'nyh drevnostey, Sen-Jermen-an-Le', Franciya) [On the origin of Ernst Chantre's archaeological collection (Museum of National Antiquities, Saint-Germain-en-Laya, France)] // RA. 2000. No. 2. P. 173–179 (in Russian).*

Минасян 1991 — *Minasyan R. S. Tehnika obrabotki bronz kobanskoj i kolhidskoj kul'tur [Technique of bronze working of the Koban and Kolkhida cultures] // Archaeological collection of the State Hermitage. 1991. Vol. 31. P. 5–14 (in Russian).*

Минасян 2014 — *Minasyan R. S. Metalloobrabotka v drevnosti i Srednevekov'e [Metalworking in ancient and medieval times]. St. Petersburg: State Hermitage, 2014. 472 p. (in Russian).*

Мошинский 2010 — *Moshinsky A. P. Drevnie bronzы Kavkaza [Ancient bronzes of the Caucasus]. М.: State Historical Museum, 2010. 200 p. (in Russian).*

Новичихин 1995 — *Novochikhin A. M. Materialy pervoy poloviny I tys. do n. e'. iz doliny Sukko [Materials of the first half of the I mil. B. C. from the Sukko valley] // Munchaev R. M. (ed.). Istoriko-arheologicheskij al'manah [Historical-cultural almanac]. Armavir; М.: Armavir Regional Museum, 1995. Vol. 1. P. 63–67 (in Russian).*

Скаков 2008 — *Skakov A. Yu. Fibuly Drevney Kolhidy: proishozhdenie, tipologiya, hronologiya [Fibulae of ancient Kolkhida: origins, typology, chronology] // Revista Arheologică. Serie nouă. Chişinău, 2008. Vol. IV, nr. 2. P. 74–99 (in Russian).*

Сулава 1999а — *Sulava N. Fibula a navicella, naydennaya na Chernomorskom poberej'e Gruzii [Fibula a navicella, found on the Black Sea shore of Georgia] // Vakhtina M. Yu. et al. (ed.). Bosporiskiy fenomen: grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira [Bosporus Phenomenon: Greek culture on the periphery of the Classical world: Materials of International Conference. December 1999]. St. Petersburg: Center for the Study and Development of Greek Culture in the North Black Sea Region (Saloniki, Greece), 1999. P. 280–281 (in Russian).*

Сулава 1999б — *Sulava N. Lad'evidnaya fibula, obnarujennaya v Gruzii [A boat-shaped fibula found in Georgia] // Dziebani. 1999. Appendix I. P. 31–63 (in Russian).*

Сулава 2012 — *Sulava N. V poiskah Medei. Kommentarii [In pursuit of Medea. Comments] // Russian Archaeological Yearbook. 2012. No. 2. P. 528–540 (in Russian).*

Трапш 1969 — *Trapsh M. M. Drevniy Suhumi [Ancient Sukhumi. Works. Vol. 2]. Sukhumi: Alashara, 1969. 373 p. (in Russian).*

Уварова 1900 — *Uvarova P. S. Mogil'niki Severnogo Kavkaza [Cemeteries of the North Caucasus]. М.: Typography of A. I. Mamontov and K., 1900. 381 p., 135 ill. (Materials on archaeology of the Caucasus, collected by the Moscow Archaeological Society expeditions. Vol. 8) (in Russian).*

Avant les Scythes... 1979 — *Avant les Scythes — préhistoire de l'art en U.R.S.S. Paris: Editions de la Réunion des Musées Nationaux, 1979. 222 p.*

Chantre 1886 — *Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. T. 2: Période protohistorique. Atlas. Paris: Ch. Reinwald Libraire, & Lyon: Henri Georg Libraire, 1886. LXIII pl.*

Höckmann 2003 — *Höckmann O. Zu früher Seefahrt in den Meerengen // Studia Troica. 2003. Bd. 13. S. 133–160.*

Höckmann 2005 — *Höckmann O.* Schifffahrt im östlichen Mittelmeer im 2. Jt. v. Chr. // Yağın Ü. u. a. (Hrsg.). Das Schiff von Uluburun: Welthandel vor 3000 Jahren. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 15. Juli 2005 bis 16. Juli 2006. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2005. S. 309–324 (Veröffentlichungen aus dem Deutschen Bergbau-Museums Bochum).

Matthäus 2005 — *Matthäus H.* Kulturaustausch, Handel und Seefahrt im Mittelmeerraum während der Späten Bronzezeit // Ibid. S. 333–366.

Schiltz 1979 — *Schiltz V.* Les Bronzes de Koban // Archéologia. Paris, 1979. No. 128. P. 28–43.

Sulava 2001 — *Sulava N.* One more boat-shaped fibula found on the Abkhazian coast // Dzebaniani. Tbilisi, 2001. Supplement IV. P. 74–76 (in Georgian).

Sulava 2002 — *Sulava N.* The fibula a navicella found on the Black Sea coast of Georgia // Faudot M. et al. (éds.). Pont-Euxin et commerce: la genèse de la «route de la soie». Actes du IXe Symposium de Vani (Colchide, 20–23 septembre 1999). Besançon: Presses universitaires franc-comtoises, 2002. P. 273–275.

Sulava 2005 — *Sulava N.* Fibeln aus der 1. Hälfte des 1. Jh.s v. Chr. Rund um das Schwarze Meer // The Black Sea area and its relationships with ancient Central and Eastern Europe (1st millennium BC — 5th century AD): Third International Congress on Black and Sea Antiquities (Pontic Congress). Prague, 11–18 September 2005; preliminary program, abstracts of papers and posters. Prague: Institute for classical studies of the Academy of Sciences of the Czech Republic, 2005. S. 72–73.

Sulava 2011 — *Sulava N.* The Caucasian Fibulae (Typology, chronology, genesis). Tbilisi: Georgian National Museum, Otari Lorkipanidze Centre of Archaeology. 341 с. (на груз. яз.).

Virchow 1883 — *Virchow R.* Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Kaukasus. Eine vergleichend-archäologische Studie. Atlas. Berlin: Verlag von A. Asher & Co. 1883. XI Taf.

К ВОПРОСУ О ЦЕНАХ НА ГОНЧАРНУЮ ПРОДУКЦИЮ В НИМФЕЕ В V–IV ВВ. ДО Н. Э.

А. С. НАМОЙЛИК

Ключевые слова: *граффити, торговые метки, цифровые обозначения, чернолаковая керамика, античная торговля, древнегреческая эпиграфика Северного Причерноморья, Нимфей, V–IV вв. до н. э.*

Из раскопок боспорского города Нимфея происходит несколько керамических сосудов¹ с граффити, содержащих информацию о ценах на данные сосуды. Граффити представляют собой краткие цифровые обозначения в акрофонической системе, прочерченные преимущественно на аттических чернолаковых чашах. Тщательный анализ этих торговых меток и их сопоставление с более пространственными надписями подобного рода, обнаруженными в других регионах античного мира, может пролить свет на вопрос о стоимости гончарной продукции в Нимфее классической эпохи.

Граффито ΔΙ= на донце аттического чернолакового килика V в. до н. э. следует понимать как «11 (киликов) за 2 обола», т. е. 2/11 обола за одно изделие (№ 1; рис. 1, 1). Надпись ΓΔΔΔ[ ] на чернолаковой чаше IV в. до н. э. является обозначением цены в одну драхму за 30 или более (до 49) чаш, т. е. от 1/8 до 1/5 обола за штуку (№ 2; рис. 1, 2). Символы Ϝ| на дне другой чернолаковой чашечки, скорее всего, обозначали стоимость в 5 халков, т. е. 5/8 обола за один сосуд (№ 3; рис. 1, 3). Аналогичный смысл могло иметь граффито Ϝ|, сделанное на донце красноглиняного кувшина из ямы конца V — начала IV в. до н. э. (№ 4; рис. 1, 4).

В целом, цены, указанные на чернолаковых сосудах из раскопок Нимфея, укладываются в рамки имеющихся данных о стоимости посуды аттического производства в классический период. Небольшое количество чернолаковых чаш, выставяемых на продажу, скорее говорит в пользу того, что надписи были сделаны на вторичной стадии торговли, в Нимфее.

Нимфей, основанный на берегу Керченского пролива (Боспора Киммерийского) греческими колонистами из Малой Азии, просуществовал с VI в. до н. э. до IV в. н. э. (Худяк 1962; Sokolova 2003). Систематические исследования этого памятника, начатые в 1939 г. Нимфейской археологической экспедицией ГЭ, продолжаются до настоящего времени. В Эрмитаже хранятся находки из раскопок Нимфея до 1991 г., в том числе керамические изделия с надписями. Среди них есть четыре сосуда с граффити — торговыми метками, которые могут пролить свет на вопрос о стоимости гончарной продукции в Нимфее классической эпохи.

Информация о ценах на парадную столовую посуду производства Аттики и других центров Древней Греции, имеющаяся на данный момент в распоряжении исследователей, была получена путем анализа граффити на этих изделиях, широко импортировавшихся в разные регионы античного мира. Наиболее пространные

¹ © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2017.

из торговых надписей включали в себя полные названия сосудов и указание стоимости за определенное их количество. Таковы, например, граффити на аттических краснофигурных кратерах конца V в. до н. э., где слова и числа отделены друг от друга пунктуационными знаками, а в некоторых случаях перед цифровыми символами стоит поясняющее слово τιμή — «цена» (Hackl 1909: Nr. 595–598). Из этих надписей следует, что один кратер стоил 4 обولا, а более мелкие сосуды (βαθέα, ὀξίδες, ὀξύβαφα, πελλίνια) — соответственно 7/20, 3/20 и 1/6, 1/20 и 3/50, 1/4 и 3/8 обولا (Amux 1958: 289–290). В V в. до н. э. цена аттических чаш редко превышала один обол (Johnston 1979: 33)². Согласно граффити на краснофигурных вазах сиракузского мастера (470–460 гг. до н. э.), цены на лекифы колебались в пределах от 1/10 до 1/12 обولا (Beazley 1964: 83). В данном случае речь шла о крупных партиях, состоящих из 111 и 120 единиц товара.

Нимфейские надписи, содержащие сведения о стоимости посуды, гораздо более лаконичны. Они представляют собой цифровые обозначения в акрофонической системе. На донце полностью сохранившегося аттического чернолакового килика³ середины V в. до н. э. прочерчено два граффити (№ 1; рис. 1, 1). В центре дна расположена монограмма ΧΠ, а у края — надпись ΔΙ=. Вероятно, ΔΙ= означает «11 (киликов) за 2 обولا» (ср. Amux 1958: pl. 52; Johnston 1979: 222)⁴. Таким образом, один сосуд стоил 2/11 обولا. В качестве аналогии приведем граффито ΔΔΔΠ ΠΟ (О внутри Π) на донце «росписной тарелочки» из Феодосии: очевидно, здесь указана цена в 5 оболов за 35 сосудов (Штерн 1897: 191, № 85). Монограмма ΧΠ, прочерченная в центральной части дна нимфейского килика, скорее всего, принадлежала торговцу, представляя собой своего рода логотип. Поскольку граффити сделаны очень аккуратно, можно предположить, что данный сосуд являлся образцом на продажу, а подписанное донце выполняло функцию ценника.

Граффито Γ-ΔΔΔ [ ] сохранилось частично на дне другой чернолаковой чаши аттического производства⁵, датирующейся IV в. до н. э. (№ 2; рис. 1, 2). Надпись следует понимать как обозначение цены в одну драхму за 30 или более чаш. Не исключено, что на утраченной части донца были другие цифровые символы, однако число не могло превышать 49 (число 50 имело бы вид Ϟ). Эти данные позволяют высчитать диапазон цен: одна чаша стоила от 6/49 (примерно 1/8) до 1/5 обولا. Даже если допустить максимальное значение 49, мы получим вполне возможный

² Впрочем, на этот счет была высказана и другая точка зрения (Jongkees 1951).

³ Ср. Sparkes, Talcott 1970: No. 474–475 (Stemless: large: plain rim). Диаметр венчика — 14,8 см, диаметр дна — 7,5 см, высота — 5,2 см. Инв. № ГКН.50.

⁴ Граффито ΔΙ= можно также понять как «11 драхм 2 обولا». Но это слишком высокая цена даже для крупной партии посуды. В таком случае надпись должна обозначать стоимость другого товара. Поскольку до нас дошел целый килик, а не фрагмент, который можно было бы истолковать как торговый ярлык, более вероятно, что в граффито указана цена самих киликов, и предпочтительна первая из предложенных интерпретаций.

⁵ Фрагмент дна с частью стенок чернолаковой чаши на кольцевом поддоне со штампованным орнаментом из пальметок в концентрических кругах. Диаметр дна — 9,4 см, сохранившаяся высота — 2,4 см. Инв. № НФ.84.153 (Намойлик 2009: 304, № 1).

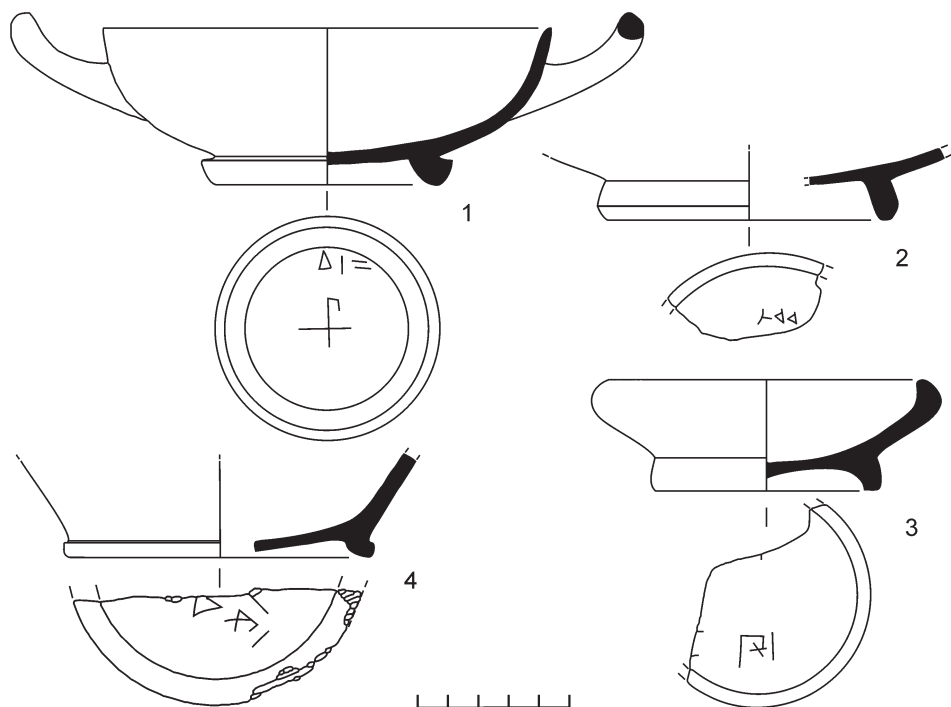

Рис. 1. Граффити — обозначения цены из раскопок Нимфея. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Fig. 1. Graffiti — price marks from the excavations of Nymphaeum. State Hermitage, St. Petersburg

вариант стоимости одного сосуда (ср. Lang 1956: 16, No. 68). Из раскопок Нимфея 1993 г. происходит фрагмент дна чернолакового килика V в. до н. э. с надписями ΔΔΠ и ΓΔΔΠΙΙΙ, а на поселении Героевка II хоры Нимфея был обнаружен фрагмент скифоса того же времени с граффити ΓΔΔΔ и ΔΠΙ (Nawotka 1999: 86, nr. 2, 3; Сапрыкин, Масленников 2007: № 582)⁶. В этих торговых записях указана цена в одну драхму за 28 и 30 сосудов, т. е. 3/14 и 1/5 оболы за одно изделие.

На дне аттической чернолаковой чаши⁷ второй четверти — середины IV в. до н. э. читается граффито ΠΙ (№ 3; рис. 1, 3). Составной акрофонический символ ΠΙ имеет числовое значение, равное 5000 (Tod 1912: 101). Граффити ΠΙ, процарапанные на транспортной таре, обозначали объем в 5 хоев (Lang 1956: 10, No. 38, 41, 42 и др.).

⁶ С. Ю. Сапрыкин и А. А. Масленников понимают граффити ΓΔΔΠΙΙΙ и ΓΔΔΔ как «1 драхма 28 оболы» и «1 драхма 30 оболы» и считают их обозначениями цены за один хой вина, вмещающий сосудами. Поскольку драхма состояла из 6 оболы, запись цены в таком виде кажется весьма странной. Аналогии из числа граффити на подобного рода чашах скорее свидетельствуют в пользу того, что на них указаны цены на сами чаши. Как представляется, сосуды типа киликов были неудобны для частого использования в качестве мерных емкостей.

⁷ Ср. Sparkes, Talcott 1970: No. 828–829 (Bowl: incurving rim). Диаметр венчика — 10,5 см, диаметр дна — 7,4 см, высота — 3,7 см. Инв. № НФ.52.63.

Нимфейскую надпись, расположенную на донце чернолаковой чашечки, скорее всего, следует понимать как $\piέντε χαλκοῖ$ — «5 халков». Известны аналогичные знаки F^{I} для 5 статов (Tod 1912: 107) и ПО для 5 обол (Tod 1927: 148). На территории Северного Причерноморья граффити F^{I} и ПО засвидетельствованы в Ольвии (Яйленко 1980: 97, № 106 — III в. до н. э.), Херсонесе (Граффити... 1978: № 1397–1402 — IV в. до н. э.), Феодосии (Штерн 1897: 191, № 85). Символы ПХ прочерчены на подставке кратера, а ПХ| — на донце чернолакового скифоса⁸ из раскопок Ольвии (Толстой 1953: № 13 = Яйленко 1980: 93, № 97, 2 — V в. до н. э.; Толстой 1953: № 74 — IV в. до н. э.). Вертикальную черту после F^{I} в нимфейском граффито можно трактовать как обозначение одной штуки товара («5 халков за одну штуку») либо как знак более мелкой денежной единицы (ср. Lang 1956: 10, No. 40, 43) — лепты. В IV в. до н. э. мелкие номиналы меди — халк и лепта — были в ходу (Анохин 1986: 40). Если перевести халки в оболы (аттический обол состоял из 8 халков — Hultsch 1882: 133, 705, Tab. XII, A), мы получим стоимость в 5/8 оболы за штуку либо 5/8 оболы 1 лепту за одну штуку или более.

Аналогичный смысл могла иметь надпись F^{I} , сделанная на донце красноглиняного кувшина⁹ из ямы конца V — начала IV в. до н. э. (№ 4, рис. 1, 4)¹⁰. Составной знак F^{I} имеет здесь нестандартное написание: символы объединены в лигатуру на основе X, к которой приписана П (обычно меньших размеров буква X помещалась внутри более крупной П).

Суммируя сведения, полученные в результате анализа граффити на аттических чернолаковых сосудах из Нимфея и его округа, в V в. до н. э. один килик стоил 2/11 оболы (№ 1) и 3/14 оболы (Nawotka 1999: 86, No. 2), скифос — 1/5 оболы (Ibid. No. 3); в IV в. до н. э. чаша стоила от 1/8 до 1/5 оболы (№ 2), другая чаша небольших размеров — 5/8 оболы (№ 3). Цена в 5/8 оболы за небольшую чернолаковую чашу и простой столовый кувшин в IV в. до н. э. (№ 3 и 4) несколько превышает показатели, известные для предыдущего столетия. То, что это вполне вероятно, следует из текста «Лягушек»¹¹ Аристофана, согласно которому лекиф — небольшой сосуд для масла — можно было купить за один обол: $\lambdaήψει γὰρ ὀβολοῦ πάνυ καλήν καγαθήν$ [Ra. 1236]. Как явствует из контекста, эта цена не считалась высокой.

В целом, цены, указанные на чернолаковых сосудах из раскопок Нимфея, укладываются в рамки имеющихся данных о стоимости посуды аттического производства в классический период. Нехватка информации о расценках на конкретные предметы посуды в самой Аттике и других населенных пунктах Причерно-

⁸ Издатель прочел граффито на скифосе как GXI — «три тысячи десять», однако, судя по прорисовке, первой буквой надписи является П с укороченной правой гаской.

⁹ Фрагмент дна с частью стенок красноглиняного кувшина на кольцевом поддоне. Диаметр дна — 10,0 см, сохранившаяся высота — 3,5 см. Инв. № НФ.51.974 (Намойлик 2009: 307, № 13).

¹⁰ Перед F^{I} сохранилась буква Δ, перевернутая относительно этих символов и, скорее всего, составляющая отдельную надпись вместе с I.

¹¹ Комедия была впервые поставлена в 405 г. до н. э.

морья не позволяет делать каких-либо более детальных сопоставлений. Тем не менее, сам факт длительного сохранения примерно одинакового уровня цен свидетельствует о том, что в V–IV вв. до н. э. Нимфей и Афины входили в общее торгово-экономическое пространство, которое характеризовалось относительной стабильностью.

Небольшое количество чернолаковых чаш, выставяемых на продажу, скорее говорит в пользу того, что надписи были сделаны на вторичной стадии торговли, в Нимфее. Граффити дают возможность составить представление об уровне цен на аттическую продукцию в этом отдаленном пункте греческой ойкумены. На данный момент мы не располагаем другими источниками, которые бы прояснили этот вопрос.

Литература

- Анохин 1986 — *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 180 с.
- Граффити... 1978 — Граффити античного Херсонеса / Соломоник Э. И. (отв. ред.). Киев: Наукова думка, 1978. 139 с.
- Намойлик 2009 — *Намойлик А. С.* Граффити — цифровые обозначения на столовой керамике из Нимфея // Зинько В. Н. (ред.-сост.). Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 303–310 (БЧ. 10).
- Сапрыкин, Масленников 2007 — *Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь; Керчь, 2007. 320 с. (БИ. Suppl. 1).
- Толстой 1953 — *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 153 с.
- Худяк 1962 — *Худяк М. М.* Из истории Нимфея VI–III вв. до н. э. Л.: Изд-во ГЭ, 1962. 63 с.
- Штерн 1897 — *Штерн Э. Р.* «Graffiti» на античных южно-русских сосудах // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1897. Т. 20. С. 163–199.
- Яйленко 1980 — *Яйленко В. П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3. С. 75–116.
- Amyx 1958 — *Amyx D. A.* The Attic Stelai. Part III. Vases and Other Containers // *Hesperia*. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1958. Vol. 27/4. P. 255–310.
- Beazley 1964 — *Beazley J. D.* A Pair of Graffiti // *Hesperia*. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1964. Vol. 33. P. 83.
- Hackl 1909 — *Hackl R.* Merkantile Inschriften aus attischen Vasen. München, 1909. 106 S. (Münchener archäologische Studien).
- Hultsch 1882 — *Hultsch F.* Griechische und römische Metrologie. Berlin, 1882. 745 S.
- Johnston 1979 — *Johnston A. W.* Trademarks on Greek Vases. Warminster, 1979. 270 p.
- Jongkees 1951 — *Jongkees J. N.* On Price-Inscriptions on Greek Vases // *Mnemosyne*. Series 4. Lyon, 1951. Vol. 4. P. 258–266.
- Lang 1956 — *Lang M.* Numerical Notation on Greek Vases // *Hesperia*. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1956. Vol. 25/1. P. 1–24.
- Nawotka 1999 — *Nawotka K.* Graffiti and Dipinti of Nymphaion 1993–1997 // *Archeologia*. Warszawa, 1999. Vol. 49 (1998). P. 85–98.
- Sokolova 2003 — *Sokolova O. Yu.* Nymphaeum // Grammenos D. V., Petropoulos E. K. (eds.). Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. 2. P. 759–802 (Publications of the Archaeological Institute of Northern Greece. No. 4).

Sparkes, Talcott 1970 — *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1970. Pt. 1 — 382 p., Pt. 2 — 472 p. (The Athenian Agora. Vol. 12).

Tod 1912 — *Tod M. N.* The Greek Numeral Notation // *ABSA*. 1912. Vol. 18. P. 98–132.

Tod 1927 — *Tod M. N.* Further Notes on the Greek Acrophonic Numerals // *ABSA*. 1927. Vol. 28. P. 141–157.

ON THE PROBLEM OF POTTERY PRICES IN NYMPHAEUM IN THE V–IV CENTURIES B. C.

A. S. NAMOILIK

Keywords: *graffiti, trade marks, numerical notation, black glazed pottery, ancient trade, ancient Greek epigraphy of the Northern Black Sea coastal region, Nymphaeum, V–IV centuries B. C.*

The excavations of the Bosporan city of Nymphaeum yielded a number of ceramic vessels with graffiti, which contain information about the prices of these vessels. The graffiti are mainly associated with black glazed Attic bowls and consist of short numerical notation written in acrophonic system. The careful analysis of these trade marks and their comparison with more lengthy inscriptions of the same kind, found in other regions, can shed light on the question of pottery prices in Nymphaeum of the Classical period. Graffito ΔΙ= on the bottom of an Attic black glazed cylix dated to the V c. B. C. should be understood as «11 (cylixes) for 2 obols», that is 2/11 obols for one item (No. 1; Fig. 1, 1). Inscription ΓΔΔΔ[ ] on a black glazed bowl of the IV c. B.C. designates that one drachm is the price for 30 or more (up to 49) bowls, that is from 1/8 to 1/5 obols for an item (No. 2; Fig. 1, 2). Symbols Γ on the bottom of another small black-glazed bowl mean most probably that it costed 5 chalkoi, *i. e.* 5/8 obols for one vessel (No. 3; Fig. 1, 3). The same meaning can be ascribed to graffito Γ, made on the bottom of a redware jar found in a pit dated to the late V — early IV c. B. C. (No. 4; Fig. 1, 4). On the whole, the prices shown on the black glazed vessels from Nymphaeum are compatible with the previous data on the prices of Attic pottery of the Classical period. The small number of black glazed bowls offered for sale appears to suggest that the inscriptions were made during the second stage of the trade, in Nymphaeum.

Literature

Анохин 1986 — *Anohin V. A.* Monetnoe delo Bospora [*Monetary business of Bosporus*]. Kiev: Naukova dumka, 1986. 180 p. (in Russian).

Граффити... — *Graffiti antichnogo Hersonesa* [*Graffiti of the ancient Hersonesos*] / Solomonik E. I. (ed.). Kiev: Naukova dumka, 1978. 139 p. (in Russian).

Намойлик 2009 — *Namoilik A. S.* Graffiti — cy'frovye oboznacheniya na stolovoy keramike iz Nimfeya [*Graffiti — numerical notations on the table pottery from Nymphaeum*] // Zin'ko V. N. (ed.) *Bospor Kimmeriyskiy i varvarkiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya: Aktual'nye problemy* [*The Cimmerian Bosporus and barbarian world in the period of Antiquity and Middle Ages: Topical Problems*]. Kerch, 2009. P. 303–310 (X Bosporan Readings) (in Russian).

Сапрыкин, Масленников 2007 — *Sapry'kin S. Yu., Maslennikov A. A. Graffiti i dipinti hory antichnogo Vospora [Graffiti and dipinti from chora of the Ancient Bosphorus]* Simferopol; Kerch, 2007. 320 p. (BS. Suppl. 1) (in Russian).

Толстой 1953 — *Tolstoy I. I. Grecheskie graffiti drevnih gorodov Severnogo Prichernomor'ya [Greek graffiti from ancient cities of the Northern Black Sea Coastal Region]*. M.; L.: AS of the USSR, 1953. 153 p. (in Russian).

Худяк 1962 — *Hudyak M. M. Iz istorii Nimfeya VI–III vv. do n. e'. [From the history of Nymphaeum in the 6th–3rd centuries B. C.]*. L.: State Hermitage, 1962. 63 p. (in Russian).

Штерн 1897 — *Shtern E'. R. «Graffiti» na antichnyh yujno-russkikh sosudah [«Graffiti» on ancient pottery from the Southern Russia] // Zapiski Odesskogo obschestva istorii i drevnostey [Transactions of the Odessa Society for History and Antiquities]*. Odessa, 1897. Vol. 20. P. 163–199 (in Russian).

Яйленко 1980 — *Yaylenko V. P. Graffiti Levki, Berezani i Ol'vii (Graffiti from Leuke, Berezan and Olbia) // JAH. 1980. No. 3. P. 75–116 (in Russian)*.

Амух 1958 — *Amyx D. A. The Attic Stelai. Part III. Vases and Other Containers // Hesperia. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1958. Vol. 27/4. P. 255–310*.

Beazley 1964 — *Beazley J. D. A Pair of Graffiti // Hesperia. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1964. Vol. 33. P. 83*.

Hackl 1909 — *Hackl R. Merkantile Inschriften aus attischen Vasen. München, 1909. 106 S. (Münchener archäologische Studien)*.

Hultsch 1882 — *Hultsch F. Griechische und römische Metrologie. Berlin, 1882. 745 S.*

Johnston 1979 — *Johnston A. W. Trademarks on Greek Vases. Warminster, 1979. 270 p.*

Jongkees 1951 — *Jongkees J. N. On Price-Inscriptions on Greek Vases // Mnemosyne. Series 4. Lyon, 1951. Vol. 4. P. 258–266*.

Lang 1956 — *Lang M. Numerical Notation on Greek Vases // Hesperia. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1956. Vol. 25/1. P. 1–24*.

Nawotka 1999 — *Nawotka K. Graffiti and Dipinti of Nymphaion 1993–1997 // Archeologia. Warszawa, 1999. Vol. 49 (1998). P. 85–98*.

Sokolova 2003 — *Sokolova O. Yu. Nymphaeum // Grammenos D. V., Petropoulos E. K. (eds.). Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. 2. P. 759–802 (Publications of the Archaeological Institute of Northern Greece. No. 4)*.

Sparkes, Talcott 1970 — *Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1970. Pt. 1 — 382 p., Pt. 2 — 472 p. (The Athenian Agora. Vol. 12)*.

Tod 1912 — *Tod M. N. The Greek Numeral Notation // The Annual of the British School at Athens. Cambridge, 1912. Vol. 18. P. 98–132*.

Tod 1927 — *Tod M. N. Further Notes on the Greek Acrophonic Numerals // The Annual of the British School at Athens. Cambridge, 1927. Vol. 28. P. 141–157*.

О ГОНЧАРНЫХ МАСТЕРСКИХ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО, ИССЛЕДОВАННЫХ В. В. БОРИСОВОЙ¹

Е. В. КУЗНЕЦОВА

Ключевые слова: *Херсонес Таврический, керамические мастерские, амфоры, клейма.*

В статье рассматриваются материалы из керамических мастерских Херсонеса Таврического, исследованных В. В. Борисовой в 1955–1957 гг. В результате раскопок были открыты две рядом расположенные мастерские с остатками девяти гончарных печей, из которых только две служили для обжига амфор. При расчистке печи № 1 было зафиксировано несколько фрагментированных херсонесских амфор (рис. 1). Особое внимание привлекает верхняя часть горла с клеймом астинома Героксена конца IV в. до н. э., обнаруженная в верхнем слое разрушенной печи. В печи № 2 было обнаружено шесть целых сосудов (рис. 2) вариантов I-Б, I-В и II-А. В заполнении печи также найден фрагмент горла с клеймом астинома Нанона конца IV — начала III в. до н. э. Гончарные печи мастерской № 2 были предназначены для обжига столовой посуды. Обнаруженный здесь амфорный материал, вероятно, использовался в технологическом процессе. Фрагментированные сосуды варианта II-А идентичны амфорам из печи № 2, что может говорить о синхронности функционирования и разрушения обоих помещений.

Анализ материалов керамической эпиграфики и нумизматики позволяет говорить о том, что керамические мастерские № 1 и 2 (кроме печи № 9) были построены в последней четверти IV в. до н. э., а разрушены в конце 290-х — начале 280-х гг. до н. э. Привлечение архивных материалов позволило установить, что самая ранняя печь № 9 перестала функционировать около 320 г. до н. э.

В 1955–1957 гг. В. В. Борисовой были исследованы остатки двух керамических мастерских, расположенных за внешней линией оборонительных стен к юго-западу от башни Зенона. В непосредственной близости от них располагался участок с гончарной печью, раскрытой К. К. Косцюшко-Валюжиничем еще в 1900 г. (Косцюшко-Валюжинич 1902: 21–23).

Раскопками В. В. Борисовой были открыты две рядом расположенные мастерские, перекрытые участком некрополя, материал которого автор датировала после середины II в. до н. э. Данное обстоятельство позволило исследователю определить время деятельности мастерских с конца IV в. по середину II в. до н. э. (Борисова 1958: 144). В рамках столь широкого хронологического диапазона была предложена и типология обнаруженных в печах херсонесских амфор (Борисова 1966: 13; 1974: 99–125).

---

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 15-31-10128 «Греческие амфоры VI–II вв. до н. э. из собраний музеев Крыма».

Эта датировка неоднократно подвергалась критике. А. Н. Щеглов отметил ошибочность отнесения начала функционирования открытого участка некрополя к середине II в. до н. э. (Щеглов 1970: 175). Недавний пересмотр материалов из некрополя позволил установить, что захоронения здесь стали совершаться не позднее самого начала II в. до н. э. При этом, как предполагает Р. В. Стоянов, с момента завершения функционирования мастерских должно было пройти по крайней мере полстолетия (Стоянов 2007: 148). Поводом для такого предположения послужила критика предложенной В. В. Борисовой типологии и датировки херсонесских сосудов (Монахов 1984: 122). В монографии, посвященной амфорам Херсонеса Таврического, С. Ю. Монахов все сосуды, обнаруженные в гончарных печах, отнес к периоду от конца IV до середины III в. до н. э. (Монахов 1989: 53, 54).

Несмотря на уникальность комплексов гончарных печей, материалы из них не были опубликованы полностью. В работах В. В. Борисовой представлены фотографии нескольких амфор, С. Ю. Монахов, учтя все сосуды из печей, опубликовал чертежи лишь целых форм. Находки из раскопок керамических мастерских хранятся в фондах Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». В данной статье публикуются предварительные результаты изучения амфорных материалов, полное издание которых планируется в ближайшее время.

Мастерская № 1, исследовавшаяся в 1955–1957 гг., состояла из двух помещений «А» и «Б», в первом из которых открыто шесть печей. Две из них использовали для обжига амфор, остальные четыре — для изготовления сосудов малых форм (Борисова 1958: 148–151). При расчистке *печи № 1* было зафиксировано несколько фрагментированных херсонесских амфор. Стратиграфические наблюдения позволили В. В. Борисовой выделить два строительных периода в функционировании печи № 1 (Там же: 146). К первому строительному периоду относится верхняя часть неклеименой амфоры (инв. № 28/36438; рис. 1, 2) и средняя часть тулова сосуда варианта I-Б. Ко второму строительному периоду отнесены нижняя часть амфоры (инв. № 18/36438), две верхние части горл (инв. № 3/36438, 4/36438) варианта I-Б (рис. 1, 1, 3, 4) и средняя часть тулова сосуда варианта II-А.

Особый интерес вызывает верхняя часть горла с частью ручки, на которой оттиснуто желобчатое клеймо $\text{H}\rho\zeta\epsilon\acute{\iota}[\omicron\upsilon] \mid \acute{\alpha}\sigma\tau\upsilon\nu\acute{\omicron}\mu\omicron[v]$. Магистрат Героксен датируется самым концом IV в. до н. э. (Кац 2007: 442). Судя по полевой описи и отчету В. В. Борисовой, это горло было обнаружено в самом верхнем слое (I штык) разрушенной печи (Борисова 1955: л. 37). С. Ю. Монахов ошибочно отметил, что горло было найдено вне печи (Монахов 1989: 54). Кроме того, в этом слое были выявлены три клейма: одно астиномное нечитаемое и два монограммных «ПА» и «МА» (?), датирующиеся последней четвертью IV — началом III в. до н. э. (Кац 1994: 77, табл. 3). Согласно полевым описям, в следующем штыке (слое) зафиксировано еще два клейма, одно сильно фрагментировано и не поддается восстановлению, а второе клеймо астинома Аполлония, относящееся к концу IV в. до н. э.

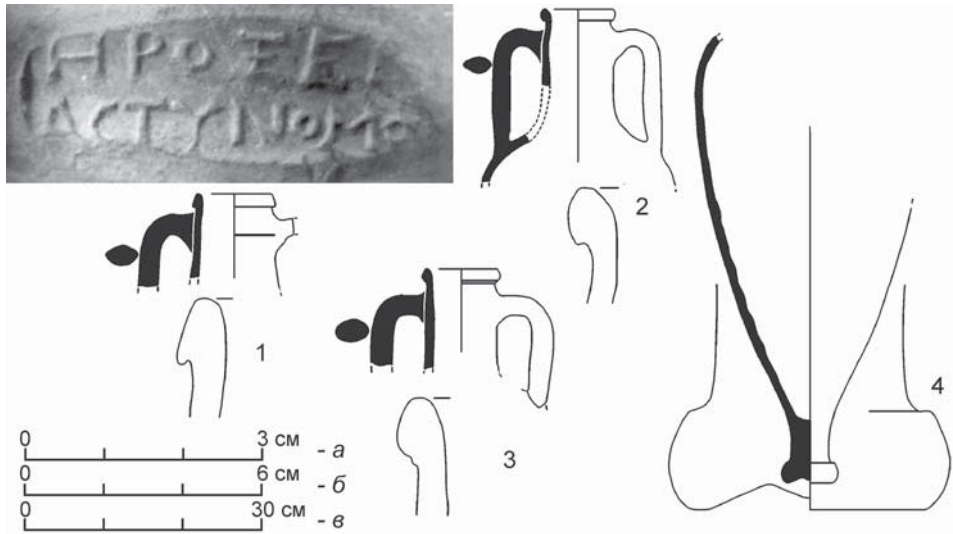

Рис. 1. Фрагменты херсонесских амфор варианта I-Б из гончарной печи № 1: 1 — с клеймом астинома Героксена, II строительный период; 2–4 — I строительный период. Масштабы: *a* — клейма; *б* — венчики и ножка; *в* — общий вид амфор

Fig. 1. Fragments of Chersonesus amphoras of variant I-Б from kiln No. 1: 1 — with astynomos Geroksen's stamp, building stage II; 2–4 — building stage I. Scales: *a* — stamps; *б* — rims and foot; *в* — general outlook

(Кац 2007: 442). На уровне IV штыка (слоя) второго строительного периода обнаружено клеймо астинома Нанона, работавшего несколько позже Аполлония. Кроме того, рядом с печью² было зафиксировано клеймо Антибиона, одного из самых ранних херсонесских астиномов (Там же).

Гончарная печь № 2, также относящаяся к комплексу мастерской № 1, сохранилась гораздо лучше остальных (Борисова 1958: 147). При ее разборке не было выявлено отдельных строительных периодов, и амфоры, находившиеся на поде обжигательной камеры, относятся ко времени разрушения печи. Три из них относятся к варианту I-Б (инв. № 65/36442, 66/36442, 101/36442; рис. 2, 1–3). К этому же варианту относится горло, на одной из ручек которого стоит желобчатое клеймо астинома Нанона. На второй ручке оттиснуто монограммное фабрикантское клеймо «ПА». Астином Нанон относится к группе I-В и датируется 304–295 гг. до н. э. (Кац 2007: 326). К варианту I-Б относится фрагментированное тулово (инв. № 104/36442), обнаруженное под подом обжигательной камеры.

Единственная целая амфора представлена вариантом I-В (инв. № 64/36442; рис. 2, 4), то есть она синхронна предыдущей находке. Три целых сосуда, одно горло (рис. 2, 5–7) и часть тулова с пода обжигательной камеры относятся к варианту II-А (инв. № 61/36442, 62/36442, 63/36442, 111/36442, 211/36442). К этому

² См.: Борисова 1956: л. 1. «Контрольный шурф за устьем». Отсутствие полевых чертежей не позволяет точно локализовать расположение шурфа.

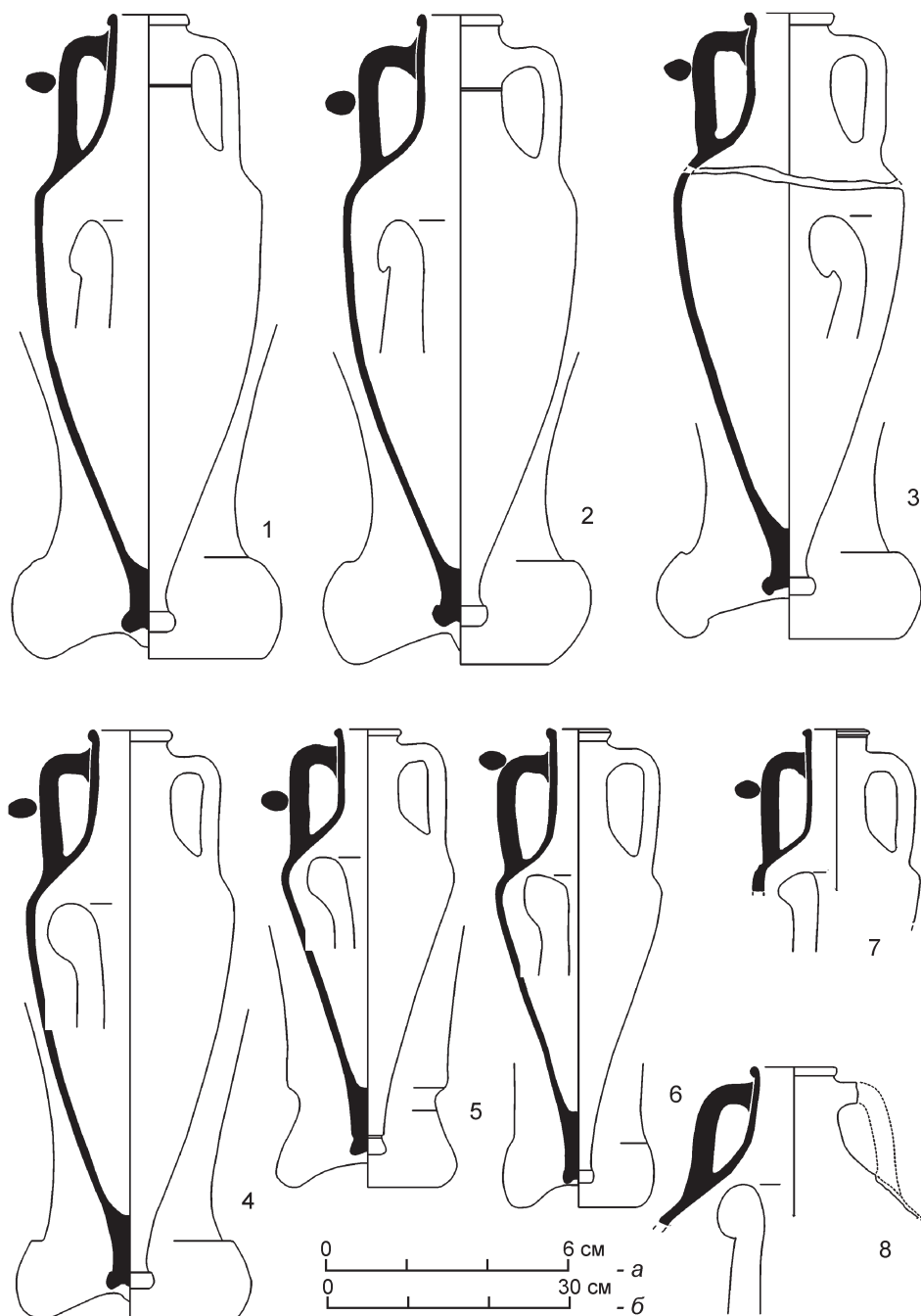

Рис. 2. Херсонесские амфоры из керамических мастерских: 1-7 — гончарная печь № 2; 8 — возле гончарной печи № 7. Масштабы: а — венчики и ножки; б — общий вид амфор

Fig. 2. Chersonesus amphoras from pottery workshops: 1-7 — kiln No. 2; 8 — near kiln No. 7. Scales: а — rims and feet; б — general outlook

же варианту относятся фрагмент горла (инв. № 81/36442) и целая амфора без ножки (инв. № 71/36442) из предтопочного помещения, расположенного между описанными печами (Борисова 1958: рис. 2). Кроме того, под подом обжигательной камеры зафиксирована верхняя часть сосуда того же варианта без венца и ручек (инв. № 103/36442). В этой же коллекции (36442) имеется еще одно горло сосуда без ручек варианта II-A (№ 283), точное местонахождение которого неясно.

Мастерская № 2 состояла из трех помещений «В», «Г» и «Д», и только в двух первых открыто по одной печи. По наблюдениям В. В. Борисовой печи этой мастерской не предназначались для обжига амфор (Борисова 1956: л. 10). Обнаруженный здесь амфорный материал, вероятно, использовался в технологическом процессе.

Амфоры из района печи № 7 помещения «Г» представлены сосудом без ножки (инв. № 162/36442) и двумя горлами (инв. № 1/36439, 17/36439) варианта II-A. Обращает на себя внимание тот факт, что горла амфор варианта II-A абсолютно идентичны (и по морфологии, и по метрическим параметрам) сосудам из печи № 2 первой керамической мастерской, что может говорить о синхронности их функционирования и разрушения. Здесь же обнаружено горло крупного пифоида (инв. № 1/36440; рис. 2, 8), отнесенное С. Ю. Монаховым к типу V (Монахов 1989: табл. XVI, 107). Кроме того, над полом помещения «Г» зафиксировано херсонесское клеймо астинома Ксанфа конца IV в. (Борисова 1957б: л. 2).

В помещении «В», в воронкообразном вырубке в скале зафиксирована нижняя часть амфоры, заполненная необожженной глиной зеленоватого цвета (Борисова 1958: 151). Морфологические особенности ножки позволяют отнести ее к варианту I-Б херсонесской тары (Монахов 1989: табл. XXI, 34).

Важность рассматриваемого комплекса керамических мастерских отмечалась неоднократно. Со временем функционирования данного производственного участка тесно связан вопрос о начале амфорного производства и, естественно, о начале практики клеймения в Херсонесе Таврическом. Для определения даты строительства мастерских в первую очередь привлекают материалы из цистерны, открытой под гончарной печью № 9 (Кац 1994: 71; 2007: 315; Мозолевский, Полин 2007: 389). Датировка заполнения цистерны неоднократно пересматривалась, особенно в связи с деятельностью фасосского магистрата Клита. Понижение времени исполнения им магистратуры с 330-х гг. до н. э. (Кац 2015: 416) до 350-х гг. (Tzochev 2009: 58; Иващенко 2016: 49) заставляет понизить и время засыпки цистерны до конца 360-х или самого начала 350-х гг. до н. э. (Иващенко 2015: 39).

В. В. Борисова, хотя и ошибочно определила хронологию комплекса, отмечала, что гончарная печь № 9, построенная после засыпки цистерны, была самой ранней в открытом комплексе мастерских (Борисова 1958: 155). Следует отметить два важнейших обстоятельства. Во-первых, данная печь не была предназначена для обжига амфор. Об этом свидетельствует и зафиксированный в ходе раскопок мате-

риал, представленный фрагментами посуды, и небольшие размеры обжигательной камеры (Борисова 1966: 26, № 48). Ее диаметр составляет 1,4 м, в то время как печи для обжига амфор имели диаметр от 2 м до 2,9 м (Там же: 25, 26, № 40, 41, 46).

Второе, немаловажное на наш взгляд обстоятельство — следы неоднократного ремонта печи (Борисова 1958: 152), что говорит о достаточно продолжительном периоде ее использования. В связи с этим попытки удревить время функционирования данной печи (Мозолевский, Полин: 389) и, соответственно, понизить начальную дату херсонесского амфорного производства нельзя считать правомерными (Кац 2007: 316).

Впоследствии печь № 9 была перекрыта площадкой, связанной с функционированием печей № 7 и 8. При разборе данной площадки была обнаружена бронзовая херсонесская монета 300–290 гг. до н. э. (Борисова 1957а: л. 10; Анохин 2011: № 611). Соответственно, в указанное время гончарные печи № 7 и 8 второй керамической мастерской уже (или еще) действовали. Более или менее точную датировку момента прекращения работы печи № 9 может дать материал из слоя над печью. Однако в отчете В. В. Борисовой описание материала дается суммарно из слоя под и над полом помещения «Д» (Борисова 1957а: л. 5). В этом слое зафиксированы клейма астиномов Нанона, Никея сына Гераклея, Никея, сына Герогеята, два клейма «Δαμόβλοιο» и монограммы «ПА», «AY», «EYA» (Борисова 1957а: л. 5; 1957в: л. 8). В то же время автор пишет, что в момент функционирования печи № 9 полом в помещении служила скала (Борисова 1957а: л. 4). Позднее печь была перекрыта площадкой, а пол в помещении «Д» «был хорошо утрамбован и посыпан слоем золы с включением угля» (Борисова 1957а: л. 4). Соответственно, обнаруженные клейма принадлежат периоду, когда печь уже не использовалась и была перекрыта площадкой, а пол в помещении «Д» «был хорошо утрамбован и посыпан слоем золы с включением угля» (Там же). При разборе перекрывающей площадки было зафиксировано клеймо астинома Аполлатея подгруппы IB, 316–305 гг. (Борисова 1957б: л. 3).

Более конкретные данные имеются о находках монет. В полевой описи за 1957 г. указано, что в слое под полом, над печью № 9 обнаружены три бронзовые монеты: две херсонесские (грифон влево — коленопреклоненная дева) 330–310 гг. (Анохин 2011: 685) и одна монета Керкинитилы 300–290 гг. (Там же: 611). Согласно полевым описям одна из херсонесских монет найдена при разборе площадки, которой была перекрыта печь (Борисова 1957а: л. 10, № 2). Здесь же обнаружено херсонесское ретроградное клеймо астинома Аполлатея (Борисова 1957б: л. 4). Его деятельность датируется концом IV в. до н. э. Оставшиеся две монеты происходят из слоя под полом помещения «Д» (Борисова 1957а: л. 10, № 3, 4). Складывается впечатление, что печь № 9 была перекрыта площадкой около 320 г. до н. э. Возможно, пол помещения «Д» был сооружен несколько позднее, чем и объясняется присутствие под ним монеты Керкинитиды рубежа

столетий. Этому предположению не противоречит и находка второй монеты Керкинитиды, обнаруженной при раскопках площадки, связанной с деятельностью печей № 7 и 8 мастерской № 2.

Однородность амфорного материала, обнаруженного возле этих печей, с сосудами из мастерской № 1 свидетельствует об одновременности существования обоих помещений. Наличие же в устье печи № 1 горла сосуда с клеймом Героксена и горла с клеймом астинома Нанона в печи № 2 говорит, на наш взгляд, о том, что мастерские были разрушены в конце 290-х — начале 280-х гг. до н. э.

Присутствие среди материала засыпи печей херсонесских монет второй четверти — середины IV в. до н. э. никак не может указывать на время их разрушения. Во-первых, они происходят из первого слоя раскопок, отмечаемого в описях как насыпь на соответствующих квадратах и не имеющего отношения к комплексу печей. Во-вторых, В. В. Борисова указывает, что в квадрате Б, где зафиксирована монета 380–370-х гг. до н. э., присутствует слой, являющийся переотложенным после раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича. Помимо монеты, в нем встречено много керамики разного времени (Борисова 1955: л. 5). Находка двух ранних херсонесских монет в насыпи квадратов «А» и «Б» никак не может являться основанием для понижения даты начала херсонесского клеймения, на чем настаивает С. В. Полин (Мозолевский, Полин 2005: 389).

Гораздо больше оснований для определения времени разрушения мастерских имеет привлечение синопских клейм магистратов 280-х гг. до н. э. Мнесикла и Эсхина (Кац 2007: 435). Согласно полевым описям они происходят не из насыпи над печами, как считал В. И. Кац, а из заполнения цистерны, расположенной в помещении «Б» (Борисова 1956б: л. 4). При этом В. В. Борисова отмечала, что во время функционирования мастерских цистерна использовалась для получения воды. Засыпана она была, вероятно, в момент разрушения печей, однако некоторые материалы могли попасть в нее и позже, так как «сверху в цистерну попали кости, сброшенные туда из разрушенных могил» (Борисова 1956а: л. 9).

Таким образом, анализ материалов из керамических мастерских, исследованных в 1955–1957 гг., позволяет говорить о том, что они существовали с последней четверти IV в. до н. э. и были разрушены в самом конце 290-х или в первой половине 280-х гг. до н. э. Из этого следует, что херсонесские амфоры варианта I-Б, I-В, II-А и типа V изготавливали одновременно. Определение сравнительно узкого периода существования мастерских позволит в дальнейшем установить и достаточно четкие хронологические рамки для других групп керамики, изготавливавшихся в них.

Литература и источники

Анохин 2011 — *Анохин В. А.* Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Стилос. 2011. 328 с.

Ахмеров 1947 — *Ахмеров Р. Б.* Амфоры древнегреческого Херсонеса (IV–II вв. до н. э.) // ВДИ. 1947. № 1. С. 160–176.

Борисова 1955 — *Борисова В. В.* Отчет о раскопках гончарных печей и склепа в 1955 г. // Архив ГМЗХТ, д. 710/1.

Борисова 1956а — *Борисова В. В.* Отчет о раскопках гончарных мастерских и некрополя в 1956 г. // Там же, д. 730.

Борисова 1956б — *Борисова В. В.* Полевые описи находок в гончарной мастерской Херсонеса (Раскопки В. В. Борисовой в 1955–1956 гг.) // Там же, д. 1001.

Борисова 1957а — *Борисова В. В.* Отчет о раскопках гончарной мастерской в 1957 г. в северо-западном и юго-восточном районе // Там же, д. 733/1.

Борисова 1957б — *Борисова В. В.* Полевые описи раскопок гончарной мастерской в Херсонесе // Там же, д. 1041.

Борисова 1957в — *Борисова В. В.* Отчет о раскопках гончарных мастерских Херсонеса Таврического в 1957 г. на юго-востоке и в северо-западном районе. Иллюстрации // Там же, д. 733/2.

Борисова 1958 — *Борисова В. В.* Гончарные мастерские Херсонеса (по материалам раскопок 1955–1957 гг.) // СА. 1958. № 4. С. 144–153.

Борисова 1966 — *Борисова В. В.* Херсонес // Зеест И. Б. (ред.). Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. М.: Наука, 1966. С. 13–17 (САИ. Вып. Г1-20).

Зеест 1960 — *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 180 с.

Иващенко 2015 — *Иващенко М. В.* Комплекс керамических клейм из колодца под печью № 9 гончарных мастерских Херсонеса // Известия СГУ. 2015. № 15/1. С. 37–43.

Иващенко 2016 — *Иващенко М. В.* Место магистрата ΚΛΕΙΤΟΣ в системе клеймения керамической тары острова Фасос // Известия СГУ. 2016. № 16/1. С. 39–43.

Кац 1994 — *Кац В. И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов: Изд-во СГУ, 1994. 170 с.

Кац 2007 — *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007. 480 с. (БИ. Вып. 18).

Косцюшко-Валюжинич 1902 — *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 г. (продолжение раскопок 1899 г. с наружной стороны южного участка городской стены) // Известия ИАК. 1902. Вып. 2. С. 1–39.

Мозолевский, Полин 2007 — *Мозолевский Б. Н., Полин С. В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Водяна, Бабина и Соболева могилы). Киев: Стилос, 2005. 599 с.

Монахов 1984 — *Монахов С. Ю.* Производство амфор в эллинистическом Херсонесе // ВДИ. 1984. № 1. С. 109–128.

Монахов 1989 — *Монахов С. Ю.* Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. Саратов: Изд-во СГУ, 1989. 159 с.

Стоянов 2007 — *Стоянов Р. В.* К хронологии участка эллинистического некрополя возле гончарных мастерских в Херсонесе Таврическом // АВ. М.: Наука, 2007. Вып. 14. С. 121–129.

Щеглов 1970 — *Щеглов А. Н.* Рец. на сб.: Сообщения Херсонесского музея. Вып. 4 // ВДИ. 1970. № 3. С. 172–178.

Tzochev 2009 — *Tzochev C.* Notes on the Thasian Amphora Stamps Chronology // Archaeologia Bulgarica. 2009. No. 13, 1. P. 55–72.

ON THE CERAMIC WORKSHOPS OF TAURIC CHERSONESUS STUDIED BY V. V. BORISOVA

E. V. KUZNETSOVA

Keywords: *Tauric Chersonesus, ceramic workshops, amphoras, stamps.*

The paper deals with the materials from the ceramic workshops of Tauric Chersonesus, studied by V. V. Borisova in 1955–1957. Her excavations uncovered two adjacent workshops with remains of nine pottery kilns, only two of which served to fire amphoras. Kiln No. 1 yielded a number of fragmented Chersonesus amphoras (Fig. 1). Worthy of special attention is the upper part of a vessel neck bearing a stamp of the astynomos Geroksen of the late IV c. B.C. It was found in the upper layer of the destroyed kiln. Kiln No. 2 gave six intact vessels (Fig. 2) belonging to variants I-B, I-B and II-A. In addition, the filling of the kiln contained a neck fragment with a stamp of the astynomos Nanon of the late IV — early III c. B.C. The kilns of workshop No. 2 were designed for firing tableware. The amphora fragments found here were probably used in the technological process. The fragmented vessels of variant II-A are identical to the amphoras from kiln No. 2, which may indicate that both structures were used and destroyed synchronously. The analysis of epigraphic and numismatic evidence makes it possible to assert that ceramic workshops No. 1 and No. 2 (except kiln No. 9) were built in the last quarter of the IV c. B.C. and destroyed in the late 290s — early 280s B.C. The oldest kiln (No. 9) ceased to function ca. 320 B.C.

Literature and archive sources

Анохин 2011 — *Anokhin V. A. Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya [Antique coins of the North Black Sea region]*. Kiev: Stylos. 2011. 328 p. (in Russian).

Ахмеров 1947 — *Akhmerov R. B. Amfory drevnegrecheskogo Hersonesa (IV–II vv. do n. e'.) [Amphoras of Ancient Greek Chersonesus (IV–II cc. B. C.)]* // *ЖАХ*. 1947. No. 1. P. 160–176 (in Russian).

Борисова 1955 — *Borisova V. V. Otchet o raskopkakh goncharnyh pechey i sklepa v 1955 g. [Report of the excavations of pottery kilns and a burial vault in 1955]* // *Archive of the State Museum-Reserve Tauric Chersonesus*, d. 710/1 (in Russian).

Борисова 1956a — *Borisova V. V. Otchet o raskopkakh goncharnyh masterskih i nekropolya v 1956 g. [Report of the excavations of pottery kilns and a necropolis in 1956]* // *Ibid*, d. 730 (in Russian).

Борисова 1956b — *Borisova V. V. Polevye opisi nahodok v goncharnoy masterskoy Hersonesa (Raskopki V. V. Borisovoy v 1955–1956 gg.) [Field inventory of finds from a pottery kiln in Chersonesus (Excavations of V. V. Borisova in 1955–1956)]* // *Ibid*, d. 1001 (in Russian).

Борисова 1957a — *Borisova V. V. Otchet o raskopkakh goncharnoy masterskoy v 1957 g. v severo-zapadnom i yugo-vostochnom rayone [Report of the excavations of pottery kilns in 1957, in the northwestern and southeastern areas]* // *Ibid*, d. 733/1 (in Russian).

Борисова 1957b — *Borisova V. V. Polevy'e opisi raskopok goncharnoy masterskoy v Hersonese [Field inventories of the excavations of a pottery kiln in Chersonesus]* // *Ibid*, d. 1041 (in Russian).

Борисова 1957в — *Borisova V. V. Otchet o raskopkakh goncharnyh masterskih Hersonesa Tavricheskogo v 1957 g. na yugo-vostoke i v severo-zapadnom rayone. Illyustracii [Report of the excavations of pottery workshops in Tauric Chersonesus in 1957, in the southeastern and northwestern areas. Illustrations]* // *Ibid*, d. 733/2 (in Russian).

Борисова 1958 — *Borisova V. V.* Goncharny'e masterskie Hersonesa (po materialam raskopok 1955–1957 gg.) [*Pottery workshops of Tauric Chersonesus (based on the materials of 1955–1957 excavations)*] // SA. 1958. No. 4. P. 144–153 (in Russian).

Борисова 1966 — *Borisova V. V.* Hersones [Chersonesus] // Zeest I. B. (ed.). *Keramicheskoe proizvodstvo i antichnye keramicheskie stroitel'nye materialy [Pottery production and ceramic building materials of the Classical period]*. M.: Nauka, 1966. P. 13–17 (CAS. Vol. Г1-20). (in Russian).

Зеест 1960 — *Zeest I. B.* Keramicheskaya tara Bospora [*Ceramic containers of Bosphorus*]. M.: AS of the USSR, 1960. 180 p. (in Russian).

Ивашенко 2015 — *Ivashchenko M. V.* Kompleks keramicheskikh kleym iz kolodca pod pech'yu № 9 goncharnykh masterskiykh Hersonesa [*An assemblage of ceramic stamps from the well beneath kiln No. 9 at the pottery workshops of Chersonesus*] // *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Saratov SU]*. 2015. No. 15/1. P. 37–43 (in Russian).

Ивашенко 2016 — *Ivashchenko M. V.* Mesto magistrata ΚΛΕΙΤΟΣ v sisteme kleymeniya keramicheskoy tary ostrova Fasos [*Place of magistrate ΚΛΕΙΤΟΣ in the system of stamping ceramic containers of Phasos island*] // *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Saratov SU]*. 2016. No. 16/1. P. 39–43 (in Russian).

Кац 1994 — *Кас V. I.* Keramicheskie kleyma Hersonesa Tavricheskogo: Katalog-opredelitel' [*Ceramic stamps of Tauric Chersonesus: Identification guide*]. Saratov: Saratov SU, 1994. 170 p. (in Russian).

Кац 2007 — *Кас V. I.* Grecheskie keramicheskie kleyma e'pohi klassiki i e'llinizma (opy't kompleksnogo izucheniya) [*Greek ceramic stamps of the Classical and Hellenistic epoch (results of a complex study)*]. Simferopol; Kerch, 2007. 480 p. (BS. Vol. 18) (in Russian).

Косцюшко-Валюжинич 1902 — *Kostsyushko-Valyuzhinich K. K.* Izvlechenie iz otcheta K. K. Kosyushko-Valyujinicha o raskopkakh v Hersonese Tavricheskom v 1900 g. (prodoljenie raskopok 1899 g. s narujnoy storony yujnogo uchastka gorodskoy steny) [*Extraction from K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich's report on his excavations in Tauric Chersonesus in 1900 (continuation of 1899 excavations from the outer side of the southern part of the city wall)*] // *Izvestiya Imperatorskoy Arheologicheskoy Komissii [News of the Imperial Archaeological Commission]*. 1902. Vol. 2. P. 1–39 (in Russian).

Мозолевский, Полин 2007 — *Mozolevsky B. N., Polin S. V.* Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e'. (Vodyana, Babina i Soboleva mogily) [*Barrows of Scythian Gerros of the IV c. B. C. (Vodyana, Babina and Soboleva graves)*]. Kiev: Stylos, 2005. 599 p. (in Russian).

Монахов 1984 — *Monahov S. Yu.* Proizvodstvo amfor v e'llinisticheskom Hersonese [*Production of amphoras in Hellenic Chersonesus*] // JAH. 1984. No. 1. P. 109–128 (in Russian).

Монахов 1989 — *Monahov S. Yu.* Amfory' Hersonesa Tavricheskogo IV–II vv. do n. e'. [*Amphoras of Tauric Chersonesus of the IV–II cc. B. C.*]. Saratov: Saratov SU, 1989. 159 p. (in Russian).

Стоянов 2007 — *Stoyanov R. V.* K hronologii uchastka e'llinisticheskogo nekropolya vozle goncharnykh masterskiykh v Hersonese Tavricheskom [*On the chronology of the section of the Hellenic necropolis near the pottery workshops in Tauric Chersonesus*] // *Arheologicheskie vesti [Archaeological news]*. M.: Nauka, 2007. Vol. 14. P. 121–129 (in Russian).

Щеглов 1970 — *Shcheglov A. N.* Recenziya na: Soobsch'eniya Hersonesskogo muzeya [*Review: Communications of the Chersonesus Museum. Vol. 4*] // JAH. 1970. No. 3. P. 172–178 (in Russian).

Тзочев 2009 — *Tzochev C.* Notes on the Thasian Amphora Stamps Chronology // *Archaeologija Bulgarica*. 2009. No. 13, 1. P. 55–72.

НОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ИЗ НИМФЕЯ

Н. А. ПАВЛИЧЕНКО, О. Ю. СОКОЛОВА

Ключевые слова: *Нимфей, лапидарные надписи, манумиссии, датировочная формула, эпитафии, боспорские рельефы, Гелиос.*

В статье публикуются две ранее не введенные в научный оборот лапидарные надписи. Остатки текста на небольшом фрагменте мраморной плиты (ГЭ, инв. № НФ.64.121) позволяют предположительно восстановить часть датировочной формулы, использовавшейся в боспорских манумиссиях I — начала II в. н. э., чему не противоречат палеографические особенности шрифта надписи.

На стеле с текстом эпитафии Агафа, сына Гелия и рельефом (ВКИКМЗ, инв. № КЛ 2382), представлен всадник на спокойно стоящем коне перед женщиной, сидящей в высоком кресле. Подобные рельефы, с незначительными композиционными вариациями изображающие предстояние всадника перед сидящей в кресле богиней, достаточно часто встречаются на Боспоре в I — первой половине II в. н. э. Шрифт надписи и употребление ЛИ "НΛιος позволяют датировать стелу I в. н. э.

За более чем полувековую историю изучения Нимфея на его городище и некрополе было найдено около 40 лапидарных надписей. Среди находок последних десятилетий следует отметить посвятительные надписи Комосарии (Виноградов 1999), агонифета Теопротида сына Мегакла на архитраве (Соколова, Павличенко 2002) и фрагмент аналогичной надписи (Власова 1994/1995), почетный декрет на постаменте статуи Митридата Евпатора (Vinogradov 1990: 554, № 589), надписи на надгробиях (Соколова и др. 1999; Власова 2003: 112–113; Зинько, Тохтасьев 2004; Павличенко 2007: 263–267; 2010/2011). Кроме того, в 1984 г. было найдено несколько фрагментов писем на свинцовых пластинках (Pavlichenko, Sokolova 2016). Сформировалась большая, частично изданная коллекция граффити на амфорах, чернолаковых и столовых сосудах, а также на разнообразных поделках (Горская 2002; Намойлик 2004). Данная работа посвящена двум надписям из Нимфея, которые до сих пор еще не были введены в научный оборот.

1. Обломанный со всех сторон фрагмент плиты белого мрамора, на котором сохранились остатки трех строк надписи и следы разметки, был найден в 1964 г. на квадрате 103 участка В–С в слое римского времени. Размеры фрагмента: высота — 5,5 см, ширина — 6,0 см, толщина — 2,4 см, высота букв — 1,2–1,4 см (ГЭ, инв. № НФ.64.121) (рис. 1, *1a*, *1б*).

[---]μєγα[---] (?)

[---]ἔτους ..]τ', μην[ὸς---

[---]ΗΜΟΥ[---

В первой строке сохранилась нижняя часть букв, из которых уверенно восстанавливается только эпсилон. Вертикальная гаста в начале строки может, кроме того, быть *йотой* или элементом *ти*, а гаста после *эпсилон* — *йотой* или элементом *тау*. Затем видна нижняя часть наклонной гасты, позволяющая восстановить *альфу* или *лямбду*.

Во второй строке можно предположительно восстановить датирующую формулу, включающую слова «год», «месяц» и название месяца в генитиве и цифры, обозначающие год и день по боспорской эре, (в 3.. [году], в [таком-то] месяце, [такого-то числа]). Число, означающее сотни, ставилось последним, таким образом, *тау*, стоящее перед $\mu\eta\nu[\delta\varsigma \text{---}]$ может означать период с 300 по 399 год по боспорской эре, что соответствует временному промежутку с начала I в. по начало II в. н. э. (о правильном переводе дат по боспорской эре см.: Nadel, Oświecimski 1967: 244–245). Если плита, на которой высекалась надпись, была узкой, то название месяца полностью или частично оказывалось в строке, находящейся под строкой со словами $\epsilon\tau\omicron\upsilon\varsigma\text{---}$, $\mu\eta\nu\delta\varsigma\text{---}$. Подобное расположение текста можно видеть, например, в фанагорийской манумиссии 1989 г. (Даньшин 1993: 60). НМОУ в третьей строке, допускающее различные варианты восстановления существительного или прилагательного 2-го склонения в генитиве единственного числа, в этом случае можно дополнить как обозначение месяца — $[\text{Παν}]\eta\mu\omicron\upsilon$. В целом, такая дата не противоречит палеографическим особенностям надписи (Болтунова, Книпович: 1962: 10), хотя, конечно же, малый размер фрагмента затрудняет использование особенностей шрифта для уверенной датировки памятника.

В сочетании с титулатурой правителя данная датирующая формула помещалась в начало текста манумиссий I — начала II в. н. э. из Пантикапея (КБН: № 69, 70, 74), Мирмекия (Бутягин, Бехтер 2007: 77), Фанагории (Даньшин 1993: 60), станицы Запорожской (КБН: № 1021) и Горгииппии (КБН: № 985, 986, 1123, 1124, 1126; Болтунова 1971: 3). В этом случае можно предположить, что $\mu\epsilon\gamma\alpha[\text{---}]$ — это часть титулатуры одного из боспорских царей, которые называли себя «великими» или сыновьями «великих», например Фарнака или Котиса I. Но в формулярах титулатуры всех этих правителей после эпитета $\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\varsigma$ присутствует еще несколько слов, так что $\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\varsigma$ не может находиться над строкой с годом и названием месяца. Таким образом, нужно предполагать или некий сокращенный вариант титулатуры, или искать другой вариант восстановления.

Еще один вариант восстановления можно предложить по аналогии с надписями КБН: № 68 и 1202. В первой из них мы видим $\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\varsigma$ в строке над датирующей формулой — $[\text{---}]\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\omicron[\text{---}] / [\text{---} \epsilon]\nu \tau\tilde{\omega} \epsilon[\dots \epsilon\tau\epsilon\iota, \mu\eta\nu\delta\varsigma] / [\text{---}\omicron]\nu$. Vacat (строительная надпись (?), Пантикапей, по В. В. Латышеву — «позднее римское время»). В КБН: № 1202 (Горгиппия, не ранее середины II в. н. э.) упоминается теменос (?) «великого бога» — $[\epsilon\nu \tau\tilde{\omega} \tau\omicron\upsilon \mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\omicron\upsilon \theta\epsilon\omicron\upsilon \tau\epsilon\mu[\acute{\epsilon}\nu\epsilon\iota? \text{---}]/[\text{---}\gamma\rho\alpha] \phi\acute{\alpha}\varsigma \omicron\iota \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon[\iota\varsigma\text{---}]/[\text{---}] \Upsilon\pi\epsilon\rho\beta\epsilon\rho\epsilon\tau[\acute{\alpha}\iota\omicron\upsilon \text{---}]$. В нимфейском фрагменте 1964 г.,

возможно, также следует видеть датирующую формулу надписи, упоминающей некоего «великого бога».

Таким образом, его можно предположительно восстановить следующим образом:

[---]μεγά[λου ---] (?)

[---ἔτους ..]τ', μην-

[ὅς Παν]ήμου [---]

[--- в царствование] великого [царя ---] года 3..., месяца Панема [---] или [---] великого [бога ---] года 3..., месяца Панема [---]

2. В 2006 г. в хозяйственной яме, раскопанной в юго-западной части городища Нимфея, была найдена прямоугольная, обломанная сверху стела из известняка-ракушечника с рельефом и трехстрочной, прочерченной по линейкам надписью под ним (полевой № Н.06.477; ВКИКМЗ, инв. № КЛ 2382). Заполнение ямы представляло собой темно-серый суглинок с включением створок раковин мидий, мелких морских раковин, золы, песка, камки, кусочков желтой глины и камней с мешаным материалом. Среди находок — фрагменты хиосских, синопских и косских амфор, стенки красноглиняных амфор, в том числе с рифленой поверхностью, венчики узкогорлых южнопонтийских амфор конца I — II в. н. э., фрагменты края и стенок краснолаковых чаш и закрытых сосудов, фрагменты красноглиняных и сероглиняных сосудов, часть однорожкового светильника V в. до н. э. и край красноглиняного светильника, обломки лепных горшков, венчик стеклянного бальзамария и два венчика стеклянных сосудов, датирующиеся I—II вв. н. э., пробки из стенок амфор, ткацкое грузило, точильные камни, фрагмент бронзовой подвижной фибулы, граненый железный стержень, кости животных. В целом материал из заполнения датируется временем от IV—III вв. до н. э. по I—II вв. н. э. (Соколова 2007: 15–17).

Размеры стелы: высота — 73,0 см, ширина — 51,5 см, толщина — 14,0 см. По поверхности надписи и рельефа имеются многочисленные глубокие выбоины, надпись сильно потерта. Буквы вырезаны неглубоко (высота букв — 3,3–4 см) (рис. 1, 2а, 2б).

На рельефе представлен всадник на спокойно стоящем коне перед женщиной, сидящей в высоком кресле. Всадник, одетый в кафтан, штаны и гиматий, находится слева. В правой руке он держит поводья. Женщина сидит в кресле, у нее под ногами скамеечка, правой рукой она придерживает гиматий, рядом стоит служанка с пиксидой в руках. Морда лошади почти касается колен женщины. Верхняя часть фигуры всадника и голова женщины утрачены. Подобные рельефы, изображающие предстояние всадника перед сидящей в кресле богиней с незначительными композиционными вариациями во взаиморасположении всадника, сидящей женщины и сопутствующих стоящих фигур (служанок или оруженосцев) и вариантах изображения женщины (в профиль или в фас), как и вообще рельефы с изображением всадников, достаточно часто встречаются на Боспоре в I — пер-

Рис. 1. Нимфей: 1а и 1б — фрагмент мраморной плиты (фотография и прорисовка надписи; ГЭ, инв. № НФ.64.121); 2а и 2б — стела (фотография и прорисовка надписи; ВКИКМЗ, инв. № КЛ 2382)

Fig. 1. Nymphaeum: 1a and 1б — marble slab fragment (photograph and tracing of the inscription; State Hermitage, inventory No. НФ.64.121); 2a and 2б — stele (photograph and tracing of the inscription; East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve, inventory No. КЛ 2382)

вой половине II в. н. э. (КБН: № 350, 561, 750, 764, 1220; Давыдова 1990: 18, 19; КБН-альбом: № 502, 524, 578, 689, 893, 906, 908, 930, 932, 1032; Павличенко: 2007: 263–267; Kreuz 2012: No. 947–961, 963, 965).

В Нимфее уже находили эпитафии с рельефом с аналогичным сюжетом (КБН-альбом: № 930, 932; Kreuz 2012: No. 955, 959). Обе они датируются I — первой половиной II в. н. э. и отличаются от публикуемого рельефа только сопутствующими фигурами: в КБН: № 930 мы перед креслом женщины видим мальчика, а в КБН: № 932 по обеим сторонам кресла изображены фигурки двух служанок. А. П. Иванова полагала, что в тех случаях, когда в надписи на стелах с таким сюжетом присутствует только мужское имя, рельеф можно понимать как сцену адорации верховной богини со стороны героизированного умершего (Иванова 1951: 32). Последующие исследователи также отождествляли женщину, сидящую в кресле, с неким женским божеством (Винокуров 2001: 18–20; Kreuz 2012: 211–212, Fußnote 11).

Точная датировка стелы затруднена из-за ее плохой сохранности. По характеру письма ее можно приблизительно отнести к I в. н. э. Этому не противоречит наличие *альфы* с ломаной перекладной, *дельты* меньше габаритов строки с черточкой на вершине, *эпсилон* с короткими горизонтальными гастами, *ипсилон* с изогнутыми гастами, а также наличие апексов (Болтунова, Книпович 1962: 10).

Ἀγαθᾶ υἱέ,

Ἡλίου,

χαῖρε.

Агаф, сын Гелия, прощай.

Производные от основы ἀγαθ- личные имена хорошо представлены на Боспоре. Особенно часто встречалось ЛИ Ἀγαθοῦς, популярное и на европейском, и на азиатском Боспоре начиная с конца II в. до н. э. (КБН: s. v.). ЛИ Ἀγαθᾶς (КБН: 814; ср. также: Тохтасьев 2009: 506–513) было ранее засвидетельствовано, по-видимому, только в Нимфее — на фреске с изображением корабля «Изида» (275–250 г. до н. э., Vinogradov 1990: 555, № 590).

ЛИ Ἡλίου, как и различные производные от имени бога Гелиоса, было вполне употребительным в I в. до н. э. — III в. н. э. и на европейском, и на азиатском Боспоре (КБН: s. v.; Яйленко 2002: 234; Кузнецов 2007: 230).

Теофорные имена обычно указывают на наличие культа того или иного божества, но эпиграфические свидетельства о почитании Гелиоса на Боспоре ограничиваются, по-видимому, несколькими манумиссиями (КБН: № 74 — Пантикапей, вторая половина II в. н. э.; № 1123, 1126 — Горгиппия, 41 и 81 гг. н. э.), в которых отпущенники посвящаются Зевсу, Гее и Гелиосу и, тем самым, по-видимому, переходят под их божественную защиту (Gibson 1999: 107). Такая же формула восстанавливается в опубликованной А. И. Болтуновой фрагментированной манумиссии из Горгиппии (Болтунова 1971: 3–5, последние десятилетия I — начало II в. н. э.).

На рубеже эр Гелиос почитался в Малой Азии и, по-видимому, на Боспоре в составе синкретических культов Зевса и Гелиоса и Сераписа и Гелиоса (Русяева 2005: 426; Сапрыкин 2009: 88–89).

Многочисленные изображения Гелиоса и солярных знаков (шести- и восьми-лучевой звезды и полумесяца) на различных украшениях (Максимова 1962: 193, рис. 6; Неверов 1968: 237; Сапрыкин 1983: 68–69; Новичихин 2009: 116–117) и на монетах (Зограф 1951: 192–195, табл. XLIV, 14, 20; XLVI, 4; Сапрыкин 2002: 228–229) этой эпохи могли быть также связаны с традициями почитания Митридата Евпатора, основанной им династии и присущих ей солярных символов.

Литература и источники

Болтунова 1971 — *Болтунова А. И.* Надписи Горгиппии (из случайных находок) // НЭ. 1971. Т. 9. С. 3–15.

Болтунова, Книпович 1962 — *Болтунова А. И., Книпович Т. Н.* Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. Т. 3. С. 3–31.

Бутягин, Бехтер 2007 — *Бутягин А. М., Бехтер А. П.* Новые надписи из Мирмекия // Тункина И. В. (отв. ред.). ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический очерк памяти Я. В. Доманского. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 72–81.

Виноградов 1999 — *Виноградов Ю. Г.* Вотив Комосарии из Нимфея // Борисковская С. П. (ред.). Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья: ТД. СПб.: Изд-во ГЭ, 1999. С. 20.

Винокуров 2001 — *Винокуров Н. И.* Надгробные памятники некрополя и городища Артезиан в Крымском Приазовье // Зинько В. Н. (ред.-сост.). Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья (Керчь, 20–23 мая 2001 г.). Керчь, 2001. С. 16–24 (БЧ. 2)

Власова 1994/1995 — *Власова Е. В.* Фрагмент посвятительной надписи из Нимфея // *Nurelbogeuus*. 1994/1995. Vol. 1, fasc. 2. С. 133–137.

Власова 2003 — *Власова Е. В.* Каталог керамических клейм и надписей // *Соловьев С. Л.* Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. С. 110–113.

Горская 2002 — *Горская О. В.* Культы Нимфея по материалам граффити // Зуев В. Ю. (отв. ред.). Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища: ММНК. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Ч. 1. С. 114–121.

Давыдова 1990 — *Давыдова Л. И.* Боспорские надгробные стелы V в. до н. э. — III в. н. э.: Каталог выставки. Л.: Ротапринт ГЭ, 1990. 70 с.

Даньшин 1993 — *Даньшин Д. И.* Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1. С. 59–72.

Зинько, Тохтасьев 2004 — *Зинько В. Н., Тохтасьев С. Р.* Стела Гефестиона из Нимфея // БИ. 2004. Вып. 7. С. 112–122.

Зограф 1951 — *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951 201 с. (МИА. № 16).

Иванова 1951 — *Иванова А. П.* Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины // КСИА. 1951. Вып. 39. С. 27–34.

КБН — Корпус боспорских надписей / Струве В. В. (отв. ред.). М.; Л.: Наука, 1965. 954 с.

КБН-альбом — Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций / Гаврилов А. К. (отв. ред.) и др. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. 845 + 466 с.

Кузнецов 2007 — *Кузнецов В. Д.* Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1. С. 227–243.

- Максимова 1962 — *Максимова М. И.* Античные геммы и их оттиски на фрагментах глиняных сосудов // Пантикапей. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 190–194 (МИА. № 103).
- Намойлик 2004 — *Намойлик А. С.* Граффити из раскопок Нимфея (1939–1991 гг.) в собрании Государственного Эрмитажа // Куковальская Н. М. (отв. ред.). Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской Междунар. науч. конф. (12–16 сентября 2004 г.). Киев; Судак: Академперіодика, 2004. Ч. 1. С. 86–94.
- Неверов 1968 — *Неверов О. Я.* Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикапея // СА. 1968. № 1. С. 235–239.
- Новичихин 2009 — *Новичихин А. М.* Ювелирные изделия из раскопок некрополя в Горгиппии 1987 г. // ВДИ. 2009. № 1. С. 110–118.
- Павличенко 2007 — *Павличенко Н. А.* Неопубликованное боспорское надгробие // Масленников А. А. (гл. ред.). Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2007. Т. 11. С. 263–269.
- Павличенко 2010/2011 — *Павличенко Н. А.* Неопубликованный боспорский рельеф с изображением всадника // *Hyperboreus*. 2010/2011. Vol. 16–17. С. 405–410.
- Русяева 2005 — *Русяева А. С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святые места. Культы олимпийских богов и героев. Киев: Стилос, 2005. 559 с.
- Сапрыкин 1983 — *Сапрыкин С. Ю.* Золотая пластина из Горгиппии // ВДИ. 1983. № 1. С. 68–78.
- Сапрыкин 2002 — *Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. 270 с.
- Сапрыкин 2009 — *Сапрыкин С. Ю.* Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула: Гриф и К°, 2009. 426 с.
- Соколова 2007 — *Соколова О. Ю.* Полевой отчет Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 2006 г. СПб., 2007 // Архив Отдела Античного мира ГЭ.
- Соколова и др. 1999 — *Соколова О. Ю., Павличенко Н. А., Каспаров А. К.* Новые находки на территории нимфейского некрополя // *Hyperboreus*. 1999. Vol. 5, fasc. 2. С. 326–340.
- Соколова, Павличенко 2002 — *Соколова О. Ю., Павличенко Н. А.* Новая посвяtitельная надпись из Нимфея // *Hyperboreus*. 2002. Vol. 8, fasc. 1. С. 99–121.
- Тохтасьев 2009 — *Тохтасьев С. Р.* Тип склонения антропонимов -ᾱς -ᾱτος, -οῦς -οῦτος // Бондарко Н. А., Казанский Н. Н. (ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология-ХІІІ: Материалы чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского (Санкт-Петербург, 22–24 июня 2009 г.). СПб.: Наука, 2009. С. 506–515.
- Яйленко 2002 — *Яйленко В. П.* Описостограф из Фанагории со строительной надписью и эпитафией фиасота // Проблемы истории, филологии и культуры. 2002. Т. 12. С. 229–242.
- Gibson 1999 — *Gibson E.* The Jewish Manumission Inscriptions of the Bosphorus Kingdom. Tübingen: Mohr Siebeck, 1999. 201 p.
- Kreuz 2012 — *Kreuz P.-A.* Die Grabreliefs aus dem Bosphoranischen Reich. Luven; Paris; Walpole, 2012. 1077 S. (Colloquia Antiqua. Vol. 6).
- Nadel, Oświecimski 1967 — *Nadel B., Oświecimski S.* Nowe wydanie napisów Bosporańskich // Archeologia. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. No. 18. S. 241–245.
- Pavlichenko, Sokolova 2016 — *Pavlichenko N., Sokolova O.* Fragments of Lead Letters from Nymphaion // *Hyperboreus*. 2016. Vol. 22, fasc. 2. P. 192–202.
- Vinogradov 1990 — *Vinogradov Ju.* Bulletin épigraphique. Côte septentrionale du Pont, Caucase, Asie Centrale // Revue des Études Grecques. 1990. T. 103. P. 531–560.

NEW EPIGRAPHIC INSCRIPTIONS FROM NYMPHAEUM

N. A. PAVLICHENKO, O. YU. SOKOLOVA

Keywords: *Nymphaeum, lapidary inscriptions, manumissions, dating formula, epitaphs, Bosporan bas-reliefs, Helios.*

The paper presents two hitherto unpublished lapidary inscriptions. The remains of the text on a small fragment of a marble slab (State Hermitage, inventory No. НФ.64.121) permit to tentatively reconstruct a part of the dating formula, which was used in Bosporan manumissions of the I — early II c. A. D. The stele with the text of epitaph of Agaph, son of Helios (East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve, inventory No. КЛ 2382), bears an image of a rider with a horse calmly standing in front of a woman, sitting in a high arm-chair. Similar reliefs, featuring a rider standing in front of a sitting goddess, are rather common for Bosphorus of the I — the first half of the II c. A. D. The lettering of the inscription and the use of ΛΙΨΗΛΙΟΣ permit to date the stele to the I c. A. D.

Literature and archive sources

Болтунова 1971 — *Boltunova A. I. Nadpisi Gorgippii (iz sluchaynyh nahodok) [Inscriptions of Gorgippia (from accidental finds)] // Numismatika i epigrafika [Numismatics and epigraphy]. 1971. Vol. 9. P. 3–15 (in Russian).*

Болтунова, Книпович 1962 — *Boltunova A. I., Knipovich T. N. Oчерk istorii grecheskogo lapidarnogo pis'ma na Bospore [A Survey of Greek lapidary paleography in Bosphorus] // Numismatika i epigrafika [Numismatics and epigraphy]. 1962. Vol. 3. P. 3–31 (in Russian).*

Бутягин, Бехтер 2007 — *Butjagin A. M., Bekhter A. P. Novye nadpisi iz Mirmekiya [New inscriptions from Mirmekion] // Tunkina I. V. (ed.). EYXAPICTHPION. Antikovedchesko-istoriograficheskiy oчерk pamyati Ya. V. Domanskogo [EYXAPICTHPION. Historiographical essay dedicated to the memory of Ya. V. Domansky]. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2007. P. 72–81 (in Russian).*

Виноградов 1999 — *Vinogradov Ju. G. Votiv Komosarii iz Nimfeya [Dedication of Komosaria from Nymphaeum] // Boriskovskaya S. P. (ed.). Bosporskiy gorod Nimfey: novye issledovaniya i materialy i voprosy izucheniya antichnyh gorodov Severnogo Prichernomor'ya [The Bosporan Polis Nymphaeum: new investigations and materials and scientific research of the ancient cities of the Northern Black Sea coast]. St. Petersburg: State Hermitage, 1999. P. 20 (in Russian).*

Винокуров 2001 — *Vinokurov N. I. Nadgrobnye pamyatniki nekropolya i gorodischa Artezian v Krumskom Priazov'e [The tombstones of the necropolis and settlement Artezian in the Azov region] // Zinko V. N. (ed.). Bospor Kimmeriyskiy i Pont v period antichnosti i srednevekov'ya [Cimmerian Bosphorus and Pontos during the Classical and Medieval times (Kerch, 20–23 May of 2001)]. Kerch, 2001. P. 16–24 (in Russian).*

Власова 1994/1995 — *Vlasova E. V. Fragment posvyatitel'noy nadpisi iz Nimfeya [Fragment of a dedicatory inscription from Nymphaeum] // Hyperboreus. 1994/1995. Vol. 1, fasc. 2. P. 133–137 (in Russian).*

Власова 2003 — *Vlasova E. V. Katalog keramicheskikh kleym i nadpisey [Ceramic stamps and inscriptions] // Solovyov S. L. Arheologicheskie pamyatniki sel'skoy okrugy i nekropolya Nimfeya [Archaeological sites of the rural environs and necropolis of Nymphaeum]. St. Petersburg: State Hermitage, 2003. P. 110–113 (in Russian).*

Горская 2002 — *Gorskaya O. V. Kul'ty Nimfeya po materialam graffiti [Nymphaeum cults: Evidence from graffiti] // Zuev V. Yu. (ed.). Bosporskiy fenomen: pogrebal'nye pamyatniki i svyatilischa [The Bosporan Phenomenon: Funerary sites and sanctuaries]. St. Petersburg: State Hermitage, 2002. Pt. 1. P. 114–121 (in Russian).*

Давыдова 1990 — *Davydova L. I.* Bosporskie nadgrobnnye stely V v. do n. e. — III v. n. e.: Katalog vystavki [*Bosporan grave reliefs of the V c. B. C. — III c. A. D.*]. L.: State Hermitage, 1990. 70 p. (in Russian).

Даншин 1993 — *Danschin D. I.* Fanagorijskaya obschina iudeev [*Phanagorian community of Jews*] // *ЖАН.* 1993. No. 1. P. 59–72 (in Russian).

Зинько, Тохтасьев 2004 — *Zin'ko V. N., Tokhtas'ev S. R.* Stela Gefestiona iz Nimfeya [*Stela of Hephaestion from Nymphaeum*] // *BS.* 2004. Vol. 7. P. 112–122 (in Russian).

Зораф 1951 — *Zograf A. N.* Antichnye monety [*Ancient coins*]. M.; L.: AS of the USSR, 1951. 201 p. (MSA. No. 16) (in Russian).

Иванова 1951 — *Ivanova A. P.* Kerchenskaya stela s izobrazeniem vsadnika i sidyaschey jenschiny [*The Stela from Kerch depicting a horseman and a seated woman*] // *BCIA.* 1951. Vol. 39. P. 27–34 (in Russian).

КБН — *Korpus bosporskih nadpisey* [*Corpus of Bosporan Inscriptions*] / *Struve V. V.* (ed.). M.; L.: Nauka, 1965. 954 p.

КБН-альбом — *Korpus bosporskih nadpisey. Al'bom illyustraciy* [*Corpus of Bosporan Inscriptions. Album of illustrations*] / *Gavrilov A. K.* (ed.). St. Petersburg: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. 845 + 466 p.

Кузнецов 2007 — *Kusnetsov V. D.* Novye nadpisi iz Fanagorii [*New inscriptions from Phanagoria*] // *ЖАН.* 2007. No. 1. P. 227–243 (in Russian).

Максимова 1962 — *Maksimova M. I.* Antichnye gemm' i ih ottiski na fragmentah glinyanyh sosudov [*Ancient gems and their imprints on fragments of clay vessels*] // *Pantikapey.* M.: AS of the USSR, 1962. P. 190–194 (MSA. No. 103) (in Russian).

Намойлик 2004 — *Namoilik A. S.* Graffiti iz raskopok Nimfeya (1939–1991 gg.) v sobranii Gosudarstvennogo E'rmitaja (*Graffiti from the excavations of Nymphaeum in the collections of the State Hermitage*) // *Kukovalskaya N. M.* (ed.). Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture [*Black Sea region, Crimea, Rus in history and culture*]. Kiev; Sudak: Akademperiodika, 2004. Pt. I. P. 86–94 (in Russian).

Неверов 1968 — *Neverov O. Ya.* Mitridat Evpator i perstni-pechati iz Pantikapeya [*Mithridates Eupator and seal-rings from Panticapaeum*] // *SA.* 1968. No. 1. P. 235–239 (in Russian).

Новичихин 2009 — *Novichikhin A. M.* Yuvelirnnye izdeliya iz raskopok nekropolya v Gorgippii 1987 g. [*Jewellery from the 1987 excavation of necropolis in Gorgippia*] // *ЖАН.* 2009. No. 1. P. 110–118 (in Russian).

Павличенко 2007 — *Pavlichenko N. A.* Neopublikovannoe bosporskoe nadgrobie [*Unpublished Bosporan tombstone*] // *Maslennikov A. A.* (ed.). Drevnosti Bospora [*Antiquities of Bosporus*]. M.: IA RAS, 2007. Vol. 11. P. 263–267 (in Russian).

Павличенко 2010/2011 — *Pavlichenko N. A.* Neopublikovanny bosporskiy rel'ef s izobrazeniem vsadnika [*An unpublished Bosporan relief of a horseman*] // *Hyperboreus.* Vol. 16–17. 2010/2011. P. 405–410 (in Russian).

Русяева 2005 — *Rusjaeva A. S.* Religiya pontiyskih e'llinov v antichnuyu e`pohu. Mify. Svyatilischa. Kul'ty olimpiyskih bogov i geroev [*Religion of Pontic Greeks in the Classical period. Myths. Sanctuaries. Cults of Olympic gods and heroes*]. Kiev: Stylos, 2005. 559 p. (in Russian).

Сапрыкин 1983 — *Saprykin S. Yu.* Zolotaya plastina iz Gorgippii [*Gold plate from Gorgippia*] // *ЖАН.* 1983. No. 1. P. 69–78 (in Russian).

Сапрыкин 2002 — *Saprykin S. Yu.* Bosporskoe tsarstvo rubeje dvuh e`poh [*The Kingdom of Bosporus on the verge of two epochs*]. M.: Nauka, 2002. 270 p. (in Russian).

Сапрыкин 2009 — *Saprykin S. Yu.* Religiya i kul'ty Ponta e'llinisticheskogo i rimskogo vremeni [*The religion and cults of the Pontos in the Hellenistic and Roman period*]. M.; Tula: Grif and K°, 2009. 426 p. (in Russian).

Соколова 2007 — *Sokolova O. Yu.* Polevoy otchet Nimfeyskoy arheologicheskoy e`kspedicii Gosudarstvennogo E'rmitaja za 2006 g. [*2006 field report of the State Hermitage Nymphaeum Ar-*

chaological Expedition. St. Petersburg, 2007] // Archive of the Department of Classical Antiquities of the State Hermitage.

Соколова и др. 1999 — *Sokolova O. Yu., Pavlichenko N. A., Kasparov A. K. Novy'e nahodki na territorii nimfeyskogo nekropolya* [*New finds in the necropolis of Nymphaeum*] // *Hyperboreus*. 1999. Vol. 5, fasc. 2. P. 326–340 (in Russian).

Соколова, Павличенко 2002 — *Sokolova O. Yu., Pavlichenko N. A. Novaya posvyatitel'naya nadpis' iz Nimfeya* [*New dedicatory inscription from Nymphaeum*] // *Hyperboreus*. 2002. Vol. 8, fasc. 1. P. 99–121 (in Russian).

Тохтасъев 2009 — *Tokhtasi'ev S. R. Tip skloneniya antroponimov -ἄς -ἄτος, -οῦς -οὔτος* [*The type of declension of the anthroponyms -ἄς -ἄτος, -οῦς -οὔτος*] // Bondarko N. A., Kazansky N. N. (eds.). *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya-XII* [*Indo-European linguistics and classical philology-XIII: Materials of reading dedicated to the memory of professor I. M. Tron-sky (St. Petersburg, 22–24 June of 2009)*]. St. Petersburg: Nauka, 2009. P. 506–515 (in Russian).

Яйленко 2002 — *Yailenko V. P. Opistograf iz Fanagorii so stroitel'noy nadpis'yu i e'pitafiley fiasota* [*Opistograph inscription from Phanagoria with a building inscription and inscription of the fias member*] // *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [*Problems of history, philology and culture*]. 2002. Vol. 12. P. 229–242 (in Russian).

Gibson 1999 — *Gibson E. The Jewish Manumission Inscriptions of the Bosphorus Kingdom*. Tübingen: Mohr Siebeck, 1999. 201 p.

Kreuz 2012 — *Kreuz P.-A. Die Grabreliefs aus dem Bosphoranischen Reich*. Luven; Paris; Walpole, 2012. 1077 S. (*Colloquia Antiqua*. Vol. 6).

Nadel, Oświecimski 1967 — *Nadel B., Oświecimski S. Nowe wydanie napisów Bosporańskich* // *Archeologia*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. No. 18. S. 241–245.

Pavlichenko, Sokolova 2016 — *Pavlichenko N., Sokolova O. Fragments of Lead Letters from Nymphaion* // *Hyperboreus*. 2016. Vol. 22, fasc. 2. P. 192–202.

Vinogradov 1990 — *Vinogradov Yu. Bulletin épigraphique. Côte septentrionale du Pont, Caucase, Asie Centrale* // *Revue des Études Grecques*. 1990. T. 103. P. 531–560.

ТИПОЛОГИЯ И СОСТАВ СТЕКЛА БУС КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ВОСХОД

Е. П. КОРОЛЁВА, А. Н. ЕГОРЬКОВ

Ключевые слова: *Беларусь, курганный могильник Восход, бусы, типология, состав стекла.*

Курганный могильник Восход, в Могилевской обл. Беларуси, датируется концом X — началом XI в. Состав стекла бус из погребений этого могильника, определенный методом оптико-эмиссионной спектрографии, выявил разнообразие типов стекла: часть бисера и бусины с серебряной фольгой изготовлены из стекла, сваренного на золе галофитов, синие бусины-пронизки, окрашенные кобальтом, изготовлены из стекла на основе природной соды, а стекло большей части бисера — свинцовое, хорошо вписывающееся в рецептуру древнерусского стекла. Значительное присутствие среди бус в могильнике Восход импортных изделий свидетельствует о том, что в конце X — начале XI в. древнерусское стеклоделие переживало начало своего зарождения.

Курганный могильник Восход, находящийся в урочище Курганное Могилевской обл. Беларуси близ одноименного поселка, был открыт в 1988 г. В. Ф. Копытиным (Копытин 1993). Археологические раскопки могильника в 1995 г. проводил Я. Г. Риер (Рьер 1995), исследовавший пять курганов, в трех из которых были найдены бусы. В 2006–2010 гг. археологические работы на памятнике продолжал И. А. Марзалюк (Марзалюк 2006; 2007; 2008; 2009; 2010), под руководством которого были раскопаны 44 курганные насыпи; в 14 из них были также обнаружены бусы. Могильник датирован концом X — XI в. (Марзалюк 2007: 4), то есть относится к начальному периоду становления древнерусского государства. Это обстоятельство позволило ожидать в составе находок сохранение особенностей предшествующего времени, в частности, особенностей состава стекла бусин. Настоящее исследование предпринято для определения состава стекла бусин могильника в привязке к их типологии.

Описание бусин, взятых на анализ состава стекла, приведено в табл. 1. Типы бусин соответствуют классификации, разработанной З. А. Львовой: группа I — мозаичные, II — глазчатые, III — прессованные, IV — навитые (крученые), V — бусины из слоеного стекла, VI — дутые, VII — резные, VIII — бусины из тянутых стеклянных трубочек, IX — одноцветные бусины из тянутых стеклянных палочек (Львова 1968: 69–81).

Все погребения, из которых происходят находки стеклянных бус, совершены по обряду ингумации.

Курган № 18 содержал детское погребение (конец X — XI в.). Бусы найдены в области шеи погребенной. Они представлены округлыми многочастными (15 экз.)

Т а б л и ц а 1

Могильник *Восход*, типы бусин, взятых на анализ состава стекла

Место находки: № кургана, исследователь, год раскопок	Типы исследованных бусин (группа и подгруппа)	Шифр анализа
№ 63, И. А. Марзалюк, 2007	Рубленный бисер бирюзовый (VIII, 3)	882-43
№ 23, И. А. Марзалюк, 2009	Рубленный бисер желтый (VIII, 3)	882-29
№ 72, И. А. Марзалюк, 2008	Рубленный бисер блекло-желтый (VIII, 3)	882-45
№ 72, И. А. Марзалюк, 2008	Рубленный бисер коричневый (VIII, 3)	882-46
№ 72, И. А. Марзалюк, 2008	Рубленный бисер зеленый (VIII, 3)	882-44
№ 39, погр. 2, И. А. Марзалюк, 2010	Рубленный бисер коричневый (VIII, 3)	882-38, 39
№ 18, И. А. Марзалюк, 2010	Одноцветная округлая лимоновидная многочастная бусина (или бусина-пронизка) (VIII, 4)	882- 30-33
№ 82, Я. Г. Рьер, 1995	Одноцветная округлая лимоновидная многочастная бусина (или бусина-пронизка) (VIII, 4)	882-40
№ 55, И. А. Марзалюк, 2007	Цилиндрическая с серебряной прокладкой (IV)	882-28
№ 80, И. А. Марзалюк, 2008	Цилиндрическая с серебряной прокладкой (IV)	882-34
№ 80, И. А. Марзалюк, 2008	Бочонковидная с серебряной прокладкой (IV)	882- 35-37
№ 63, И. А. Марзалюк 2007	Двухчастная серебряная лимоновидная (VIII, 1)	882-41, 42

и одночастными (4 экз.) лимоновидными бусинами из синего стекла (Марзалюк 2010: 6, рис. 3, рис. 12, 2-4, 4а, фото 41, 4, 8).

В кургане № 23 было найдено ожерелье (Марзалюк 2009: 8, рис. 5; 16, 1-21; 17, 2; фото 33, 1-22) из сердоликовой восьмигранной (бипирамидальной) бусины и стеклянных бусин разной формы, среди которых преобладает рубленный бисер (72 экз.). Все они хаотично расположены в районе шеи. В состав убора погребенной входили также бубенчики-привески из медного сплава.

В кургане № 39 (погр. 2) найдена низка из рубленого бисера желтого (270 экз.) и зеленого (1 экз.) цветов, а также язычковых и петлевидных подвесок (Марзалюк 2010: 10, рис. 8; 16, 6, 7; 17, 1-12; фото 45, 6, 7; 46, 1-13; 47, 1; 48, 3-7).

Золоченые цилиндрические бусины (16 экз.) входили в состав шейного украшения пожилой женщины, погребенной в кургане № 55 (Марзалюк 2007: 8).

Курган № 63 (конец X — начало XI в.) содержал женское погребение, в котором найдено ожерелье из металлических привесок, а также бусины из стекла, сердолика и хрустала (Там же: 9–10).

Курган № 72. Среди бусинных находок в женском погребении преобладал рубленый бисер (255 экз.). Здесь же обнаружена шарообразная сердоликовая бусина. Время бытования таких каменных бусин определяется X–XI вв. (Фехнер 1959: 152).

Беспорядочно разбросанные так называемые золото-стеклянные бусины зафиксированы в кургане № 80 (Марзалюк 2008: 13, 16, 73). По инвентарю погребение датируется концом X — первой половиной XI в. (Марзалюк 2007: 13).

Бусины из медного сплава в виде орнаментированных крестопрорезных бубенчиков вместе с бисером темно-синего, коричневого и желтого цветов (60 экз.), бусинами-пронизками из синего стекла (4 экз.) и зонными стеклянными бусинами (2 экз.) составляли комплекс украшений костюма женского погребения в кургане № 82 (Рыер 1995: 4).

Прорисовки бусин, взятых на анализ состава стекла, см. на рис. 1. Состав стекла определен методом оптико-эмиссионной спектрографии (ОЭС) в Лаборатории спектрального анализа ИИМК РАН по методике, описанной В. А. Галибиным (Галибин 2001: 59). Принимая во внимание невысокую точность ОЭС, для значений ниже 1 % приводится одна значащая цифра, выше — две, а за значимые приняты содержания от 0,01 %. Достижимая чувствительность по K_2O — около 1 %. Содержание SiO_2 не определялось, оно является основой, если сумма остальных компонентов не превышает 50 %. Величина 0,01 % является величиной, близкой к пределу обнаружения большинства определяемых компонентов, основным исключением является серебро, определяемое методом ОЭС с высокой чувствительностью. Результаты анализов приведены в табл. 2.

Рубленый бирюзовый бисер (ан. 882-43) из кург. № 63 (один из двух проанализированных образцов) изготовлен из несвинцового стекла, причем, как и следовало ожидать по его цвету, окрашен медью. По соотношению щелочных и щелочноземельных элементов стекло сварено на золе солончаковых растений. Из такого же стекла сделан и бисер (ан. 882-29) из кург. № 23, при этом содержащийся в нем свинец не является стеклообразующим элементом, а вместе с оловом осуществляет одновременно глушение и желтое окрашивание стекла. В отличие от предыдущего образца, в это стекло для получения чистого желтого окрашивания введен марганец, блокирующий окрашивающее действие железа.

Синие бусины (ан. 882-30–33) из детского погребения в кург. № 18 однотипны по составу. Несмотря на видимое присутствие в стекле калия, соотношение щелочноземельных элементов кальция и магния при низком содержании последнего указывает на использование для изготовления стекла природной соды. Характерным для стекла всех этих бус является пониженное содержание щелочноземельных металлов. То же можно сказать и в отношении стекла синей буси-

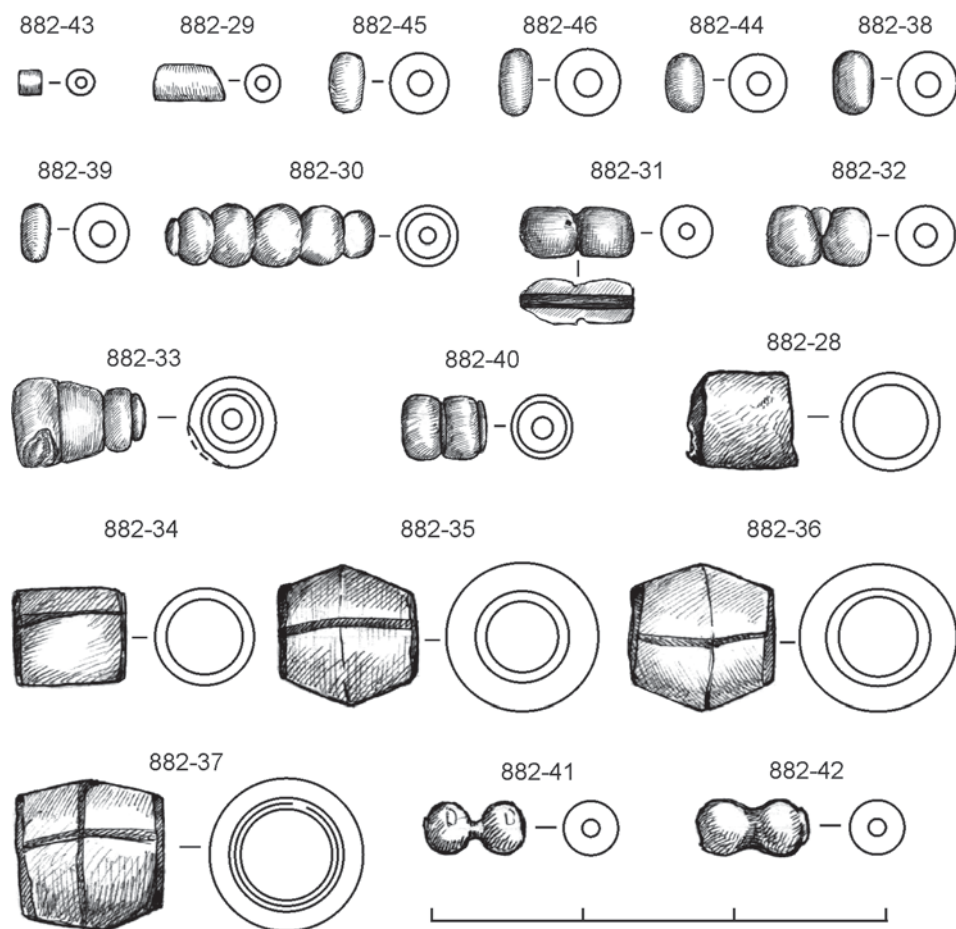

Рис. 1. Могильник Восход. Формы и размеры бусин, взятых на анализ состава стекла
 Fig. 1. Voskhod cemetery. Form and size of beads used in the glass composition analysis

ны (ан. 882-40) из кург. № 82, полученной в более ранних раскопках Я. Г. Риера, хотя она имеет свои особенности состава. Для получения этой бусины явно использован песок с более низким содержанием алюминия и повышенным содержанием железа и титана. Окрашивание осуществлено кобальтовым сырьем иного происхождения, на что указывает повышенное содержание меди и марганца — типичных примесей к кобальту в некоторых месторождениях. Кроме того в стекле присутствуют в низких концентрациях свинец и олово, которые можно рассматривать как технологические загрязнения, например, от варки стекла в тиглях, в которых ранее варилось стекло иного состава.

Как известно, кобальт для окрашивания стекла в древнерусском стеклоделии (речь идет о свинцовом стекле) применялся очень редко, причины чего следует видеть в слабой доступности кобальтового красителя древнерусским стеклоделам.

Могильник Восход, результаты анализа состава стекла бусин (%)

Лабор. шифр.	Цвет стекла	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	TiO ₂	PbO	SnO ₂	CuO	CoO	Sb ₂ O ₅	Ag ₂ O	NiO
Пронизи																
882-30	Синий	17	2,8	3,9	0,6	1,3	1,1	0,3	0,1	—	—	0,1	0,03	—	—	—
882-31	Синий	17	2,4	3,0	0,4	1,1	1,0	0,2	0,04	—	—	0,2	0,03	—	—	—
882-32	Синий	17	2,5	2,8	0,4	0,9	1,0	0,2	0,06	—	—	0,1	0,04	—	—	—
882-33	Синий	18	2,5	3,5	0,7	0,7	0,4	0,3	0,05	—	—	0,06	0,02	—	—	0,02
882-40	Синий	16	2,8	3,7	0,6	0,1	2,0	1,1	0,1	0,2	0,02	0,6	0,07	—	—	0,02
Бисер свинцовый																
882-38	Коричн.	0,02	2,8	0,3	0,09	0,3	0,2	—	0,02	40	0,4	0,01	—	—	—	—
882-39	Коричн.	0,03	—	0,2	0,1	0,2	0,3	—	0,02	63	0,3	0,05	—	—	—	—
882-44	Зеленый	0,03	—	0,4	0,2	0,2	0,1	—	0,01	61	0,05	0,5	—	—	—	—
882-45	Желтый	0,02	—	0,2	0,1	0,4	0,2	—	0,02	50	0,4	0,1	—	—	—	—
882-46	Коричн.	0,03	2,3	0,6	0,2	0,7	1,9	—	0,03	66	0,2	0,3	—	—	—	—
Бисер																
882-29	Желтый	14	2,7	8,8	4,4	3,6	0,8	1,2	0,1	4,0	0,7	—	—	—	—	—
882-43	Сине-зеленый	16	2,8	5,0	3,5	0,8	0,3	0,05	0,05	—	0,01	0,4	—	—	—	—
Бусины с серебряной фольгой																
882-28	Б/ц + Ag	15	2,7	2,8	2,3	1,3	0,4	1,2	0,07	—	0,01	—	—	—	0,02	—
882-34	Б/ц + Ag	15	3,5	8,8	1,9	1,3	0,8	0,9	0,07	—	—	—	—	—	0,003	0,03
882-35	Б/ц + Ag	16	2,4	7,0	2,5	2,1	0,7	1,8	0,2	—	—	—	—	—	0,01	0,02
882-36	Б/ц + Ag	18	2,5	12	2,0	2,1	0,5	0,2	0,1	—	—	—	—	—	0,01	—
882-37	Б/ц + Ag	16	2,5	6,5	1,3	1,7	0,4	0,8	0,09	—	—	—	—	—	0,002	—
882-41	Б/ц + Ag	17	4,2	12	7,4	5,2	1,2	2,6	0,1	—	0,01	0,03	—	—	0,01	—
882-42	Б/ц + Ag	17	3,5	4,3	2,6	1,9	0,7	0,8	0,1	—	0,01	—	—	—	0,01	—

В вышедшей недавно работе авторов по составу стекла древнерусских браслетов с территории Беларуси среди сотен образцов ни один не был окрашен кобальтом, и, наоборот, синие браслеты из несвинцового стекла чаще всего окрашены кобальтом, они сварены на золе галофитов и представляют собой импорт (Королёва, Егорьков 2016: 169–170). Несмотря на то что погребения с этими бусинами приходятся на самое начало древнерусского времени, на их импортное происхождение указывает и содовый характер стекла. Природная сода египетского происхождения в это время в стеклоделии широко использовалась в Византии, конец ее использования в производстве стекла Ю. Л. Щапова ориентировочно относит к 1200 г., а примерно равное использование соды и золы в производстве византийского стекла приходится на период от начала IX до конца XIII в. (Щапова 1983: 179, 180). Естественно предположить, что эти бусины были изготовлены во время, предшествующее образованию древнерусского государства.

Пять образцов проанализированного бисера из свинцового стекла происходят из кургана № 39 (ан. 882-38, 39) и кургана № 72 (ан. 882-44–46). Во всех этих бисеринах содержание свинца высокое, а калий отмечен лишь в двух образцах. Это стекло по своему составу хорошо вписывается в рамки свинцового стекла, получившего широкое распространение на территории Древней Руси в домонгольский период.

Бусины с серебряной фольгой (проанализировано 7 экз. — ан. 882-28, 34–37, 41, 42) демонстрируют незначительные вариации состава стекла. Стекло сварено на золе растений, однако соотношение щелочноземельных элементов не дает возможности с уверенностью говорить о типе золы. Вероятно, она была в своей основе получена из солончаковых растений, но нельзя исключить примесь золы растений континентальных, причем свою роль могли внести и элементы из содержащихся в песке полевых шпатов. Сложности интерпретации состава такого рода стекла более подробно рассмотрены в недавно вышедшей работе (Егорьков 2015). Бусины, имеющие серебряную прокладку, имели широкое территориальное распространение. Начиная с VIII в. их ареал постепенно перемещался из Западной и Южной Европы на территорию Руси (Львова 1968: 84).

Состав стекла проанализированных бусин из погребений могильника Восход в полной мере подтверждает датировку могильника по погребальному инвентарю, показывая, что бусины изготовлены как в раннедревнерусское время, так и в период, предшествующий древнерусскому. Значительное количество в ассортименте бусин импортных изделий свидетельствует, что в этот период древнерусское стеклоделие переживало процесс своего становления.

Литература и источники

Галибин 2001 — Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 216 с.

Егорьков 2015 — Егорьков А. Н. Взгляд на некоторые проблемы интерпретации состава древнего стекла // Гайдуков П. Г. (гл. ред.). Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 327–335.

Копытин 1993 — *Копытин В. Ф.* Археологические памятники Могилёва и окрестностей. Могилёв: Изд-во Могилёвского ГПИ, 1993. 100 с.

Королёва, Егорьков 2016 — *Королёва Е. П., Егорьков А. Н.* Состав стекла артефактов из некоторых средневековых памятников Беларуси в контексте влияния татаро-монгольского нашествия на традиции древнерусского стеклоделия // STRATUMplus. 2016. № 5. С. 163–174.

Львова 1968 — *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладоги. Ч. I. Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 64–94.

Марзалюк 2006 — *Марзалюк I. А.* Справаздача аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля пасёлка «Усход» у Магілёўскім раёне ў 2006 г. // ЦНА НАН Беларусі, ФАНД, арх. № 2400. 31 с.

Марзалюк 2007 — *Марзалюк I. А.* Справаздача аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля пасёлка «Усход» у Магілёўскім раёне ў 2007 г. // Там же, № 2522. 56 с.

Марзалюк 2008 — *Марзалюк I. А.* Справаздача аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля пасёлка «Усход» у Магілёўскім раёне ў 2008 г. // Там же, № 2594. 77 с.

Марзалюк 2009 — *Марзалюк I. А.* Справаздача аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля пасёлка «Усход» у Магілёўскім раёне ў 2009 г. // Там же, № 2699. 46 с.

Марзалюк 2010 — *Марзалюк I. А.* Справаздача аб археалагічных раскопках курганнага могільніка ля пасёлка «Усход» у Магілёўскім раёне ў 2010 г. (рукапіс) // АЛ МДУ. Магілёў, 2010. 86 с.

Риер 1995 — *Рьер Я. Р.* Справаздача аб выратавальным даследванні курганоў каля пас. Усход у 1995 г. (рукапіс) // Там же, 1995. 23 с.

Фехнер 1959 — *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Рыбаков Б. А. (ред.). Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Т. 2. М.: Советская Россия, 1959. С. 149–225 (Тр. ГИМ. Вып. 33).

Щапова 1983 — *Щапова Ю. Л.* Очерки по истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: Изд-во МГУ, 1983. 200 с.

TYOLOGY AND CHEMICAL COMPOSITION OF GLASS BEADS FROM THE VOSKHOD BURIAL MOUND

E. P. KOROLEVA, A. N. EGOR'KOV

Keywords: *Belarus, Voskhod burial mound, beads, typology, glass composition.*

The burial mound of Voskhod in the Mogilev region of Belarus is dated to the late X — early XI c. The optical emission spectrography of glass bead found in the graves has revealed various types of glass: a part of beads, including those with silver foil, are manufactured from halophytic ash, blue beads colored by cobalt are fabricated on the base of natural natron, white the majority of beads belong to lead glass, which fits well into the traditional recipe of Russian glass. The fact that the assemblage contains a considerable number of imported beads indicates that in the late X — early XI c. Old Russian glassmaking was still in its incipient stage.

Literature and archive sources

Галибин 2001 — *Galibin V. A.* Sostav stekla kak arheologicheskij istochnik [*Glass composition as an archaeological source*]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2001. 216 p. (in Russian).

Егорьков 2015 — *Egor'kov A. N. Vzgl'yad na nekotorye problemy interpretacii sostava drevnego stekla [Look at some problems associated with the interpretation of ancient glass composition] // Gaidukov P. G. (ed.). Steklo Vostochnoy Evropy s drevnosti do nachala XX veka [Glass of East Europe from antiquity to the beginning of the XX century]. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2015. P. 327–335 (in Russian).*

Копытин 1993 — *Kopytin V. F. Arheologicheskie pamyatniki Mogile'va i okrestnostey [Archaeological sites of Mogilev and its environs]. Mogilev: Mogilev State Pedagogical University, 1993. 100 p. (in Russian).*

Королева, Егорьков 2016 — *Koroleva E. P., Egor'kov A. N. Sostav stekla artefaktov iz nekotorykh srednevekovykh pamyatnikov Belarusi v kontekste vliyaniya tataro-mongol'skogo nashestviya na tradicii drevnerusskogo steklodeliya [Composition of glass from some medieval sites of Belarus and the influence of the Tatar-Mongol invasion on the Old Russian glassmaking traditions] // STRATUM plus. 2016. No. 5. P. 163–174 (in Russian).*

Львова 1968 — *L'vova Z. A. Steklyannye busy Staroy Ladogi. Ch. I. Sposoby izgotovleniya, areal i vremya rasprostraneniya [Glass beads of Staraya Ladoga. Pt. I. Methods of manufacture, distribution area, chronology] // Archaeological collection of the State Hermitage. 1968. Vol. 10. P. 64–94 (in Russian).*

Марзалюк 2006 — *Marzalyuk I. A. Spravzdacha ab arhealagi'chnyh raskopkah kurgannaga mogil'nika lya pase'lka «Ushod» u Magile'u'ski'm rae'ne u' 2006 g. [Report of archaeological excavations at the burial mound near the «Ushod» settlement in the Mogilev district in 2006] // CSA of the National AS of Belarus, FAD, no. 2400. 31 p. (in Belarusian).*

Марзалюк 2007 — *Marzalyuk I. A. Spravzdacha ab arhealagi'chnyh raskopkah kurgannaga mogil'nika lya pase'lka «Ushod» u Magile'u'ski'm rae'ne u' 2007 g. [Report of archaeological excavations at the burial mound near the «Ushod» settlement in the Mogilev district in 2007] // Ibid, no. 2522. 56 p. (in Belarusian).*

Марзалюк 2008 — *Marzalyuk I. A. Spravzdacha ab arhealagi'chny'h raskopkah kurgannaga mogil'nika lya paselka «Ushod» u Magi'le'u'ski'm rae'ne u' 2008 g. [Report of archaeological excavations at the burial mound near the «Ushod» settlement in the Mogilev district in 2008] // Ibid, no. 2594. 77 p. (in Belarusian).*

Марзалюк 2009 — *Marzalyuk I. A. Spravzdacha ab arhealagi'chny'h raskopkah kurgannaga mogil'nika lya pase'lka «Ushod» u Magi'le'u'ski'm rae'ne u' 2009 g. [Report of archaeological excavations at the burial mound near the «Ushod» settlement in the Mogilev district in 2009] // Ibid, no. 2699. 46 p. (in Belarusian).*

Марзалюк 2010 — *Marzalyuk I. A. Spravzdacha ab arhealagi'chny'h raskopkah kurgannaga mogil'nika lya paselka «Ushod» u Magi'le'u'ski'm rae'ne u' 2010 g. (rukapis) [Report of archaeological excavations at the burial mound near the «Ushod» settlement in the Mogilev district in 2010 (manuscript)] // Archaeological Laboratory of Mogilev SU, Mogilev, 2010. 86 p. (in Belarusian).*

Рнер 1995 — *Ryer Ya. R. Spravzdacha ab vy'rataval'ny'm dasledvanni' kurganou' kalya pas. Ushod u 1995 g. (rukapis) [Report of salvage excavations of barrows near the Ushod settlement in 1995 g. (manuscript)] // Ibid, 1995. 23 p. (in Belarusian).*

Фехнер 1959 — *Fekhner M. V. K voprosu ob e'konomicheskikh svyazyah drevnerusskoy derevni [Towards the question of economic connections of the Old Russian village] // Rybakov B. A. (ed.). Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. T. 2 [Essays on the history of Russian village of the X–XIII cc. Vol. 2]. M.: Sovetskaya Rossiya, 1959. P. 149–225 (Proceedings of the State Historical Museum. Vol. 33) (in Russian).*

Щапова 1983 — *Shchapova Yu. L. Ocherki po istorii drevnego steklodeliya (po materialam doliny Nila, Blijnego Vostoka i Evropy) [Essays on the history of ancient glassmaking (the Nile valley, Near East, Europe)]. M.: MSU, 1983. 200 p. (in Russian).*

СВИНЦОВЫЕ ПЛОМБЫ ИЗ РАСКОПОК В КУРСКЕ В 2016 Г.

С. В. БЕЛЕЦКИЙ, Р. С. ВЕРЕТЮШКИН, К. В. ГОРЛОВ

Ключевые слова: *пломбы, раскопки, систематизация, княжеские знаки, Древняя Русь.*

Свинцовые пломбы являются самыми массовыми сфрагистическими находками на территории древней Руси. К сожалению, информативные возможности этих предметов в полной мере не изучены. Хотя сами памятники находятся в поле зрения историков почти полтора столетия, до сих пор не установлено даже общее число находок.

В статье публикуются 14 пломб домонгольского времени, найденные во время раскопок 2016 г. в Курском детинце. Вместе с пломбами, найденными при раскопках 2015 г. (Белецкий и др. 2017), сфрагистическая коллекция из Курского детинца достигла 54 экз. Среди княжеских знаков на публикуемых пломбах зафиксировано не менее двух, относящихся к ранее не известным типам. Вместе с находками 2015 г. число ранее не известных типов княжеских знаков достигло пяти. Благодаря находкам 2015 г. удалось выявить два ранее не фиксировавшихся сфрагистических разряда (IV/7, XII/1). Очевидно, что оперативное введение в научный оборот как новых находок, так и неопубликованных пломб, найденных в XIX–XX вв., является одной из первоочередных задач, стоящих перед отечественной исторической наукой.

Введение. Свинцовые пломбы являются самыми массовыми сфрагистическими находками на территории древней Руси. Это маленькие буллы, оттиснутые на заготовках, имевших зачастую неправильную форму. Такие предметы часто называют «пломбами дрогичинского типа» (по городу Дрогичину на западной окраине Волынской земли, откуда происходит наибольшее число известных ныне пломб), однако это название условное, поскольку пломбы найдены во многих древнерусских городах — Новгород, Псков, Ладога, Киев, Тверь, Дубна, Белоозеро и др. (Перхавко 1996: 220–222).

Различить пломбы и печати по внешнему облику удастся далеко не всегда. Многие пломбы оттиснуты на заготовках, значительно превышающих диаметр матриц буллотирия, так что пломба оказывается близка по своим размерам актовым печатям. С другой стороны, среди безусловных актовых печатей встречаются оттиски на чрезвычайно маленьких заготовках. Единственным более или менее надежным критерием отличия пломб от печатей является вес: даже небольшие по диаметру печати оттискивались на заготовках, вес которых превышает 8 г, в то время как вес даже крупных пломб редко достигает 3–4 г. Различаются древнерусские печати и пломбы также и по составу сфрагистических разрядов: печати заметно разнообразнее, представлены, по крайней мере, 30 разрядами, в то время как среди пломб было выявлено только 16 разрядов, причем лишь шесть из них находили себе соответствия среди актовых печатей (Белецкий 2003: 265, табл. 1; Beletsky 2015: 241–242, Tabl. 2).

Возможно, отличие пломб от печатей заключается в их функциональном назначении, причем если функция актовых печатей — скрепа документа — сомнений не вызывает, то функции древнерусских пломб остаются предметом дискуссии. Какая-то часть пломб, безусловно, имеет непосредственное отношение к товарно-денежным отношениям: пломбы могли скреплять, например, тюки с товарами или же связки шкурок пушных животных либо утверждать так называемые меховые деньги. Однако часть пломб наверняка привешивалась к письменным документам: находки пломб на Новгородском городище и по берегам Сиверсова канала, вероятно, указывают на то, что в составе городищенского архива Новгорода находились не только документы, утвержденные печатями, но также документы, скрепленные пломбами.

К сожалению, информативные возможности древнерусских пломб в полной мере не изучены. Хотя сами памятники находятся в поле зрения историков почти полтора столетия, до сих пор не установлено даже общее число находок: в литературе фигурируют разные цифры — от 10 до 15 тысяч пломб и более.

В 2015–2016 гг. НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета проводил работы на территории центральной части Курского детинца. Культурный слой был исследован в зоне реконструкции Храма Воскресения Христова (возведен в 1875 г.), на участках, прилегающих к стенам храма. Техногенные напластования, связанные с возведением и функционированием с середины XX в. в пространстве древней крепости электроаппаратного завода, во многих случаях достигают уровня материка. Культурный слой X–XIII вв. и конца XVI — XVIII в. сохранился фрагментарно, прослежен в основании напластований, а также в заглубленных в материк археологических объектах.

Среди многочисленных находок эпохи средневековья, обнаруженных при раскопках 2016 г., особое место занимает представительная серия из 14 древнерусских пломб.

КАТАЛОГ

Разряд¹ II/7. Крест — знак

41² (рис. 1, 41). *Л. с.*: четырехконечный крест с расширяющимися концами. *О. с.*: двузубец. *Д.*: 7,37 × 12,98 мм. *В.*: 1,340 г. *Инв. №*: 310.

42 (рис. 1, 42). *Л. с.*: четырехконечный крест. *О. с.*: двузубец. *Д.*: 11,11 × 11,46 мм. *В.*: 1,125 г. *Инв. №*: 953.

43 (рис. 1, 43). *Л. с.*: четырехконечный крест. *О. с.*: двузубец. *Д.*: 7,08 × 9,56 мм. *В.*: 0,800 г. *Инв. №*: 641.

¹ Обозначение разрядов дается в соответствии с ранее предложенной систематизацией памятников древнерусской сфрагистики. В описаниях использованы следующие сокращения: *Л. с.* — лицевая сторона; *О. с.* — оборотная сторона; *Д.* — размеры; *В.* — вес; *Инв. №* — номер полевой описи.

² Номера присвоены пломбам в продолжение нумерации пломб из раскопок 2015 г.

Разряд IV/1. Знак — знак

44 (рис. 1, 44). Л. с.: двузубец. О. с.: двузубец. Д.: 9,15 × 11,87 мм. В.: 1,240 г.
Инв. №: 56.

45 (рис. 1, 45). Л. с.: двузубец. О. с.: трезубец. Д.: 7,34 × 11,64 мм. В.: 0,965 г.
Инв. №: 655.

46 (рис. 1, 46). Л. с.: двузубец. О. с.: знак в форме багра. Д.: 5,72 × 10,05 мм.
В.: 0,675 г. Инв. №: 130.

47 (рис. 1, 47). Л. с.: двузубец. О. с.: двузубец. Д.: 16,29 × 17,65 мм. В.: 3,660 г.
Инв. №: 630.

48 (рис. 2, 48). Л. с.: двузубец. О. с.: трезубец. Д.: 10,66 × 12,38 мм. В.: 1,405 г.
Инв. №: 887.

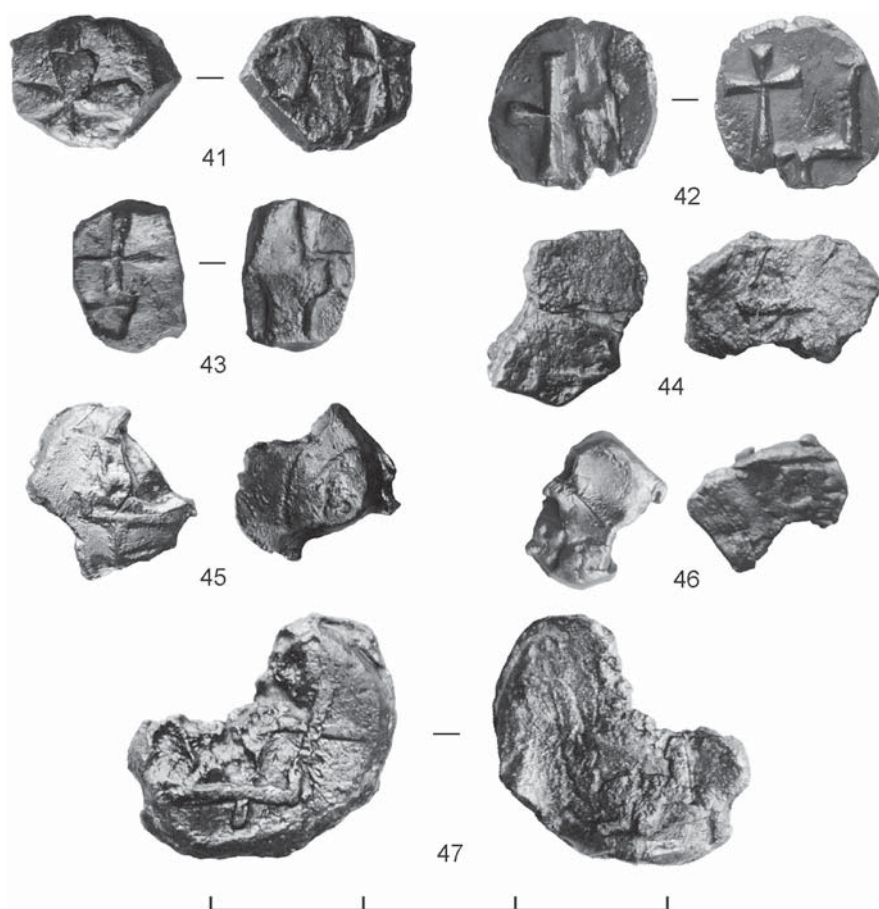

Рис. 1. Пломбы из Курска (раскопки 2016 г.). Номера на рис. 1–2 соответствуют номерам Каталога

Fig. 1. Lead seals from Kursk (2016 excavations). Their numbers on Fig. 1–2 correspond to those in the Catalogue

49 (рис. 2, 49). *Л. с.*: двузубец. Следы перечековки: из-под знака «просвечивает» основание двузубца. *О. с.*: двузубец. Следы перечековки: из-под знака «просвечивают» зубцы двузубца (?). *Д.*: 10,75 × 13,63 мм. *В.*: 1,860 г. *Инв. №*: 196.

Разряд IV/4. Знак — буква

50 (рис. 2, 50). *Л. с.*: двузубец. *О. с.*: буква **И**, большая часть левой мачты утрачена. *Д.*: 9,47 × 15,65 мм. *В.*: 1,100 г. *Инв. №*: 218.

Разряд XII/1. Личина — личина

51 (рис. 2, 51). *Л. с.*: личина. *О. с.*: личина. *Д.*: 6,82 × 9,12 мм. *В.*: 0,615 г. *Инв. №*: 156.

Дефектные

52 (рис. 2, 52). *Л. с.*: трезубец. *О. с.*: отпечаток не читается. *Д.*: 8,04 × 9,65 мм. *В.*: 0,525 г. *Инв. №*: 1033.

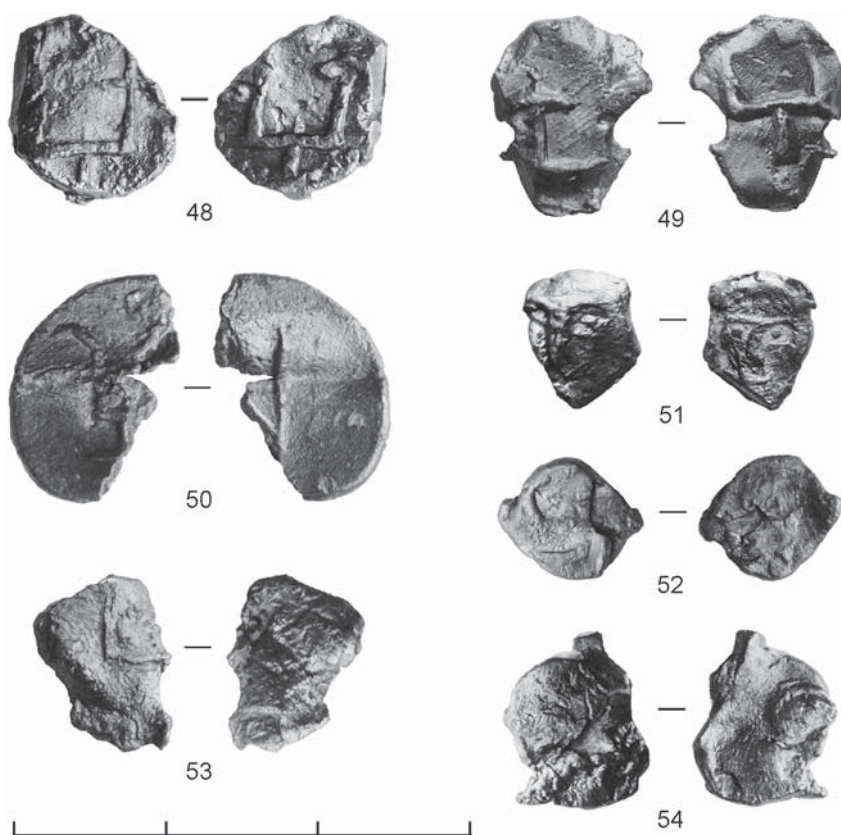

Рис. 2. Пломбы из Курска (раскопки 2016 г.)

Fig. 2. Lead seals from Kursk (2016 excavations)

53 (рис. 2, 53). *Л. с.*: двузубец. *О. с.*: оттиск не читается. *Д.*: 7,59 × 11,27 мм. *В.*: 1,005 г. *Инв. №*: 635.

54 (рис. 2, 54). *Л. с.*: оттиск не читается. *О. с.*: оттиск не читается (погрудное изображение святого?). *Д.*: 8,04 × 11,13 мм. *В.*: 0,786 г. *Инв. №*: 659.

Таким образом, в рассматриваемой коллекции представлены пломбы пяти уже известных сфрагистических разрядов (Белецкий 2003: 265, табл. 1; Beletsky 2015: 241, 242, Tab. 2). Вне разрядов оставлены дефектные пломбы (№ 52–54). Вместе с пломбами, найденными при раскопках 2015 г. (Белецкий и др. 2017), сфрагистическая коллекция из Курского детинца достигла 54 экз. (таблица).

Т а б л и ц а

Состав сфрагистической коллекции из раскопок в Курске в 2015–2016 гг.

Разряд	2015 г.	2016 г.	Всего
II/3. Крест — композиция	1	–	1
II/7. Крест — знак	4	3	7
IV/1. Знак — знак	12	6	18
IV/2. Знак — святой	1	–	1
IV/4. Знак — буква	2	1	3
IV/7. Знак — розетка	1	–	1
XII/1. Личина — личина	3	1	4
Дефектные	11	3	14
Заготовки	5	–	5
Всего	40	14	54

На публикуемых пломбах зафиксированы изображения креста, личины, буквы, а также разнотипных княжеских знаков.

Кресты

Изображения крестов выявлены на трех пломбах. На двух пломбах отмечены простые четырехконечные кресты (№ 42 и 43), в одном случае зафиксирован четырехконечный крест с ромбовидными концами (№ 41). Аналогии для всех этих крестов имеются на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. I–IV, XI, XII, XV, XVI, XXI).

Личины

Личины зафиксированы на обеих сторонах одной пломбы (№ 51). Они представляют собой схематичные изображения человеческого лица, переданные в низком рельефе. Личины аналогичны многочисленным личинам, зафиксированным на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. IV, 124–126, 129а, 129б, 130, 131, XVII, 767–779; Лихачев 1930: 76, рис. 56).

Буквы

На о. с. пломбы № 50 помещена буква **И**. Начертание ее соответствует букве кириллического устава XI–XIII вв. (Черепнин 1956: 154, табл. 2).

Знаки

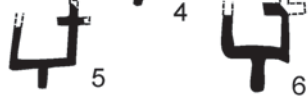

Княжеские знаки зафиксированы на 12 пломбах, в том числе у шести пломб они помещены на обеих сторонах. Большинство знаков сохранились фрагментарно. Номера типов соответствуют номерам в статье, посвященной пломбам из раскопок 2015 г. (Белецкий и др. 2017; типы 1–4, 10, 11, 13, 15), или продолжают введенную в этой статье нумерацию.

Двузубцы

Тип 1 (рис. 3, 1). Двузубец прямоугольных очертаний, левый зубец отогнут наружу, завершение правого зубца утрачено, ножка крестовидная. Зафиксирован на л. с. пломбы № 50. Если правый зубец был симметричен левому зубцу, то аналогии знаку известны на пломбах из Дрогичина, Новгорода и Городца на Волге (Белецкий 2001: 55, 58, тип I/1/1, I/1/15), на щитке перстня из Княжей горы (Белецкий 2001: 55, тип I/1/1), на роговом кистене из Саркела (Белецкий 2000: 415–417), в гончарных клеймах из Киева, Выри и Плеснеска (Белецкий 2014: 362, рис. 3, 1–5), в метке на постелистой стороне плинфы из храма-усыпальницы, открытого раскопками на черниговском детинце (Белецкий 2017: 10, ил. 4, 1, 2), а также на памятном камне, найденном близ Корпача (Белецкий 2013: 43–50). Двузубцы с крестовидной ножкой, отогнутым наружу левым зубцом и несимметричным ему правым зубцом (с перекрестием либо отрогом на этом зубце) встречаются значительно реже — они зафиксированы пока только на пломбах из Дрогичина и Берестья (Белецкий 2001: 56–58, тип I/1/4, I/1/12, I/1/13, I/1/14), а также на щитке перстня из Киева (Там же: 56, тип I/1/6).

Тип 2 (рис. 3, 2). Двузубец прямоугольных очертаний, правый зубец отогнут наружу, левый зубец утрачен, ножка вертикальная. Зафиксирован на л. с. пломбы № 46. Если левый зубец был симметричен правому, то аналогии знаку известны на пломбах из Дрогичина, Новгорода, Ратмино, Оснувки, Сакор-горы и Городца на Волге (Белецкий 2001: 60–61, тип. I/2/1), в гончарных клеймах из Киева и Киевицины, Новгорода, Болгара, Владимира, Суздаля, Городца на Волге, Григоровки, Дорогобужа, Канева, Ревутова, из Тверского Поволжья и поселения Кочеток (Белецкий 2014: рис. 3, 6–55), в клеймах на строительной керамике из Рождественского собора в Суздале и Борисоглебского собора в Чернигове (Белецкий 2017: 10, рис. 4, 3–5), на каменном грузиле из Пскова (Белецкий 1999: 12, рис. 1), на крышке саркофага из Василёва (Белецкий 2006: 68–91) и на памятном камне у с. Волгино Верховье (Ильин 1947: 179–181). Двузубцы с вертикальной ножкой, отогнутым наружу правым зубцом и несимметричным ему левым зубцом (вертикальный, вертикальный с перекрестием, вертикальный с двойным перекрестием,

Знаки	Схемы	Фрагментированные знаки
	Тип 1	
	Тип 2	
	Тип 3	
	Тип 4	
	Тип 10 (?)	
	Тип 11	
	Тип 13	
	Тип 15	
	Тип 16	
	Тип 17	
	Тип 18	
	Тип 19	
	Тип 20	

отогнутый наружу с отрогом внутрь, отогнутый наружу с перекрестием, с раздвоенной вершиной и др.) встречаются реже: они зафиксированы пока только на пломбах из Дрогичина, Пскова, Новгорода и Городца на Волге (Белецкий 2001: 62, 65–70, тип I/2/3, I/2/20, I/2/22, I/2/23, I/2/27, I/2/36, I/2/40, I/2/41), на оттиске печати-матрицы из Белоозера (Там же: 70, тип I/2/41), в гончарных клеймах из Владимира, Григоровки, Яблоновки, Киева, Ревутово и Новгорода (Белецкий 2014: 364, 368, рис. 4, 14–17; 6, 1, 4; 7, 8), а также в клейме на кирпиче из Пятницкой церкви в Чернигове (Белецкий 2017: 10, ил. 4, 16)³.

Тип 3 (рис. 3, 3–6). Двухзубец прямоугольных очертаний, на правом вертикальном зубце перекрестие, завершение левого зубца отогнуто наружу, ножка вертикальная. Зафиксирован на пломбе № 41 (рис. 3, 3). Возможно, такие же знаки были помещены на лицевой стороне пломб № 47 (рис. 3, 4) и 48 (рис. 3, 5), а также на оборотной стороне пломбы № 49 (рис. 3, 6), но эти знаки сохранились фрагментарно. Аналогичные знаки отмечены на пломбах из Дрогичина (Белецкий 2001: 62, тип I/2/5). Такой же знак дважды процарапан на берестяном тусеке из Гродно (Трусаў и др. 1993: мал. 100).

Тип 4 (рис. 3, 7). Двухзубец прямоугольных очертаний, на левом вертикальном зубце перекрестие, завершение правого зубца отогнуто наружу, ножка вертикальная. Зафиксирован на пломбе № 42. Аналогичные знаки отмечены на пломбах из Дрогичина и Новгорода (Белецкий 2001: 62, тип I/2/3). Гончарное клеймо с таким знаком найдено в Киеве (Белецкий 2014: 367–368, рис. 6, 1). Этот же знак дважды процарапан на берестяном тусеке из Гродно (Трусаў и др. 1993: мал. 100).

Тип 10 (рис. 3, 8–10). Двухзубец прямоугольных очертаний, левый зубец и ножка вертикальные, завершение правого зубца утрачено. Зафиксирован на о. с. пломбы № 47 (рис. 3, 8). Если правый зубец был симметричен левому, то такие знаки отмечены на пломбах из Дрогичина, Городца на Волге и Ратминского поселения (Белецкий 2001: 65, 68, тип I/1/21, I/2/31), в гончарных клеймах из Изяславля, Вышгорода, Дорогобужа, Киева, Новгорода, Твери, Донецкого городища и городища Осовик (Белецкий 2014: 366, рис. 5, 8–19), на кирпичах из храмов Полоцка (ц. на Рву), Смоленска (Борисоглебский собор, ц. на Окопном кладбище и на Протоке), Трубчевска (Белецкий 2017: 10, ил. 5, 1–5), в граффити на тарной

³ В статье (Белецкий 2017) в подрисуночной подписи к илл. 4 допущена опечатка: вместо «Чернигов» ошибочно указано «Псков».

Рис. 3. Древнерусские княжеские знаки на пломбах из Курска (раскопки 2016 г.): 1 — № 50, л. с.; 2 — № 46, л. с.; 3 — № 41; 4 — № 47, л. с.; 5 — № 48, л. с.; 6 — № 49, о. с.; 7 — № 42; 8 — № 47, о. с.; 9 — № 45, л. с.; 10 — № 53; 11 — № 45, о. с.; 12 — № 48, о. с.; 13 — № 46, о. с.; 14 — № 44, л. с.; 15 — № 44, о. с.; 16 — № 43; 17 — № 49, л. с.; 18 — № 52

Fig. 3. Old Russian princely symbols of seals from Kursk (2016 excavations): 1 — No. 50, obverse; 2 — No. 46, obverse; 3 — No. 41; 4 — No. 47, obverse; 5 — No. 48, obverse; 6 — No. 49, reverse; 7 — No. 42; 8 — No. 47, reverse; 9 — No. 45, obverse; 10 — No. 53; 11 — No. 45, reverse; 12 — No. 48, reverse; 13 — No. 46, reverse; 14 — No. 44, obverse; 15 — No. 44, reverse; 16 — No. 43; 17 — No. 49, obverse; 18 — No. 52

керамике из Саркела (Белецкий 2016: 297, рис. 2, 5–7). Двухзубцы с вертикальным левым зубцом и несимметричным ему правым зубцом (вертикальный с перекрестием, вертикальный с двойным перекрестием, вертикальный с отрогом внутрь, отогнутый наружу, отогнутый наружу с отрогом внутрь, отогнутый наружу с перекрестием, с раздвоенной вершиной и др.) встречены на пломбах из Дрогичина, Чернигова и Сакор-горы (Белецкий 2001: 63–65, 67, 68, тип I/2/7, I/2/12, I/2/19, I/2/20, I/2/24, I/2/25, I/2/28), в гончарных клеймах из Владимира, Григоровки и Вышгорода (Белецкий 2014: 364, рис. 4, 15–17; 6, 5), а также в клейме на кирпиче из Пятницкой церкви в Чернигове (Белецкий 2017: 10, ил. 4, 16). Возможно, к этому же типу принадлежат фрагментарно сохранившиеся знаки на пломбе № 53 (рис. 3, 10), а также на лицевой стороне пломбы № 45 (рис. 3, 9).

Тип 16 (рис. 3, 14). Двухзубец прямоугольных очертаний, зубцы отогнуты наружу, ножка отогнута влево. Оттиск слабый, завершения зубцов читаются плохо. Зафиксирован на л. с. пломбы № 44. Аналогичные двухзубцы отмечены на пломбах из Дрогичина и на деревянном цилиндре из Новгорода (Белецкий 2001: 79, тип I/4/10). Такой же знак выявлен в гончарном клейме из Трубчевска (Белецкий 2014: 366, рис. 5, 4), а также в клеймах на плинфе из храма на Окопном кладбище в Смоленске и из Борисоглебского собора в Рязани (Белецкий 2017: 10, ил. 4, 19, 20).

Тип 17 (рис. 3, 15). Двухзубец прямоугольных очертаний, правый зубец отогнут наружу, левый зубец вертикальный, ножка отогнута влево. Оттиск слабый, завершения зубцов читаются плохо. Зафиксирован на о. с. пломбы № 44. Аналогичные знаки известны на пломбах из Дрогичина (Белецкий 2001: 78, тип I/4/4). В гончарных клеймах и на строительной керамике такие знаки как будто бы не встречались.

Тип 18 (рис. 3, 16). Двухзубец прямоугольных очертаний, правый зубец и завершение левого зубца не вошли в площадь заготовки, ножка вертикальная, опирающаяся на кружок. Зафиксирован на пломбе № 43. Фрагментарная сохранность знака не позволяет уверенно его схематизировать. Двухзубцы с кольцевидной ножкой крайне редки: они зафиксированы на пломбе из Дрогичина, на пломбе из Новгорода и на новгородском деревянном цилиндре (Белецкий 2001: 90, тип I/15/1, I/15/2, I/15/3), встречены также в гончарных клеймах из Киева и Казачьего Ерика (Белецкий 2014: 368, рис. 6, 10–14).

Тип 19 (рис. 3, 17). Двухзубец прямоугольных очертаний, правый зубец отогнут наружу, на левом вертикальном зубце перекрестие, ножка отсутствует. Зафиксирован на л. с. пломбы № 49. Аналогичные знаки ранее как будто бы не фиксировались ни на памятниках сфрагистики, ни в гончарных клеймах, ни на строительной керамике.

Трезубцы

Тип 11 (рис. 3, 11). Трезубец прямоугольных очертаний, правый и центральный зубцы вертикальные, завершение левого зубца утрачено, ножка вертикальная. Зафиксирован на о. с. пломбы № 45. Если все зубцы трезубца были вертикальными,

то такие знаки известны на пломбах из Дрогичина, Ратмино и Городца на Волге (Белецкий 2001: 92, тип II/2/1), в гончарных клеймах из Киева, Плеснеска и Усть-Шексны (Белецкий 2014: 374, рис. 9, 3–9), а также на кирпичах (Белецкий 2017: 14, ил. 9, 1–17) из храмов Смоленска (ц. в устье р. Чуриловка, бесстолпная ц. в Детинце, Борисоглебский собор), Чернигова (Пятницкая церковь, храм в Детинце, Борисоглебский собор, «однокамерный терем») и Полоцка (храм в Детинце). Трезубец с вертикальными правым и центральным зубцами и отличающимся от них левым зубцом (отогнут наружу) встречен как будто бы только на одной пломбе из Дрогичина (Белецкий 2001: 93, тип II/2/6). Правда, такой же знак отмечен в гончарных клеймах из Рязани и Усть-Шексны (Белецкий 2014: 374, рис. 9, 18, 19). На строительной керамике трезубцы с вертикальными правым и центральным зубцами и отличающимся от них левым зубцом как будто бы пока не фиксировались.

Тип 20 (рис. 3, 18). Трезубец прямоугольных очертаний, центральный и левый зубец, а также ножка вертикальные, на левом зубце перекрестие, правый зубец не вошел в площадь оттиска. Зафиксирован на пломбе № 52. Аналогичные знаки ранее как будто бы не фиксировались ни на памятниках сфрагистики, ни в гончарных клеймах, ни на строительной керамике.

Трезубцы с укороченным центральным зубцом

Тип 13 (рис. 3, 12). Трезубец прямоугольных очертаний, зубцы и ножка вертикальные, центральный зубец укороченный, на правом зубце перекрестие. Зафиксирован на о. с. пломбы № 48. Возможно, такой же знак помещен на пломбе из Дрогичина, однако у последнего не сохранилось завершение левого зубца (Белецкий 2001: 98, тип III/2/7). В гончарных клеймах и на строительной керамике аналогичные знаки как будто бы не встречались.

Знаки в форме багра

Тип 15 (рис. 3, 13). Знак в виде вертикальной мачты с Т-образным покрытием и отрогом влево. Зафиксирован на о. с. пломбы № 46. Подобный знак встречен на печати № 305а (Белецкий 2001: 104, тип VI/1/3), на кирпичах из собора Спасского монастыря в Новгороде Северском (Белецкий 2017: ил. 12, 4–6), а также на Лопастичском кресте (Янин 1957: 32, рис. 9).

Хронология знаков. Ориентирами для датирования знаков на курских пломбах могут быть предметы, на которых зафиксированы аналогии знакам — перстни, оружие, бытовые предметы, гончарные клейма, клейма и метки на строительной керамике и т. п. Но эти аналогии, как правило, не дают узких дат. К тому же большинство знаков на пломбах из раскопок 2016 г. сохранилось фрагментарно, что не позволяет однозначно указывать аналогии среди датированных изображений княжеских знаков. Сравнительно узкие даты дают только сведения о хронологии памятников архитектуры. Благодаря находкам строительной керамики с клеймами и метками в виде княжеских знаков в Спасском соборе Новгорода Северского,

Борисоглебском соборе Старой Рязани и храма на Окопном кладбище в Смоленске (Рапопорт 1982: 47–50, 91) знаки 15-го и 16-го типов можно вполне определенно датировать концом XII — началом XIII в.

Очевидно, датировки знаков на пломбах из раскопок 2016 г., как и знаков на пломбах из раскопок 2015 г. не выходят за пределы домонгольского времени.

Пломбы с изображением знаков на обеих сторонах определенно свидетельствуют о том, что владельцы знаков были не просто современниками, но принимали участие в одних и тех же действиях, требовавших юридического закрепления пломбой, владелец которой являлся представителем владельцев обоих знаков. К сожалению, на большинстве пломб разряда IV/1 из раскопок 2016 г. изображения сохранились фрагментарно. Тем не менее, современниками можно определенно считать владельцев знаков типов 16 и 17, так что двузубец типа 17, как и двузубец типа 16, датируется концом XII — началом XIII в.

Заключение. Изучение коллекции пломб из раскопок в Курске в 2016 г. подтвердило, что даже сравнительно небольшая серия таких предметов позволяет существенно дополнить наши представления о памятниках древнерусской сфрагистики и геральдики. В частности, среди княжеских знаков на публикуемых пломбах зафиксировано не менее двух, относящихся к ранее не известным типам (типы 19, 20). Вместе с находками 2015 г. число ранее неизвестных типов княжеских знаков достигло пяти. Напомним, что благодаря находкам 2015 г. удалось выявить также два ранее не фиксировавшихся сфрагистических разряда (IV/7, XII/1). Очевидно, что оперативное введение в научный оборот как новых находок, так и неопубликованных пломб, найденных в XIX–XX вв., является одной из первоочередных задач, стоящих перед отечественной исторической наукой.

Литература

Белецкий 1999 — *Белецкий С. В.* Каменное грузило с изображениями княжеских знаков из раскопок в Пскове // Носов Е. Н. (ред.). Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 11–19.

Белецкий 2000 — *Белецкий С. В.* Зарождение русской геральдики // STRATUMplus. 2000. № 6. С. 366–424.

Белецкий 2001 — *Белецкий С. В.* Знаки Рюриковичей. Часть вторая: Знаки XII–XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду). СПб.: СПб ГУ культуры и искусств, 2001. 188 с. (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 3).

Белецкий 2003 — *Белецкий С. В.* Сфрагистика // Кром М. М. (ред.). Специальные исторические дисциплины. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 248–367.

Белецкий 2006 — *Белецкий С. В.* Кто был похоронен в Василевском саркофаге? // Кашкин А. В. (ред.). Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М.: ИА РАН, 2006. С. 68–91.

Белецкий 2013 — *Белецкий С. В.* Известняковая плита «с сарматским знаком» у с. Корпач (Молдова) // STRATUMplus. 2013. № 4. С. 43–50.

Белецкий 2014 — *Белецкий С. В.* Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах // Лопатин Н. В. (ред.). Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 59-го заседания. Апрель 2013 г. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 358–387.

Белецкий 2016 — *Белецкий С. В.* О знаках Рюриковичей в граффити из Саркела-Белой Вежи // Кызласов И. Л. (ред.). Степи Восточной Европы в средние века: Сб. памяти С. А. Плетневой. М.: Авторская книга, 2016. С. 288–303.

Белецкий 2017 — *Белецкий С. В.* Древнерусские княжеские знаки в памятниках архитектуры // Иоаннисян О. М. (ред.). Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи средневековья. СПб.: Изд-во ГЭ, 2017. С. 7–26 (Тр. ГЭ. Т. 86).

Белецкий и др. 2017 — *Белецкий С. В., Веретюшкин Р. С., Горлов К. В.* Свинцовые пломбы из раскопок в Курске в 2015 г. // STRATUMplus. 2017. № 6 (В печати).

Болсуновский 1894 — *Болсуновский К. В.* Дрогичинския пломбы. Ч. I. Киев, 1894. XLVIII + 72 с.

Ильин 1947 — *Ильин С. Н.* Новый эпиграфический памятник XII в. в верховьях Волги // КСИИМК. 1947. Вып. 17. С. 179–181.

Лихачев 1930 — *Лихачев Н. П.* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л., 1930. Вып. 2. 279 с.

Перхавко 1996 — *Перхавко В. Б.* Распространение пломб дрогичинского типа // Новосельцев А. П. (ред.). Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. Новое в нумизматике. М.: Археографический центр, 1996. С. 211–247.

Раппопорт 1982 — *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л.: Наука, 1982. 134 с. (САИ. Вып. Е1-47).

Трусаў і др. 1993 — *Трусаў А. А., Собаль В. Е., Здановіч Н. І.* Стары замак у Гродне XI–XVIII ст. ст. Гісторыка-археалагічны нарыс. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 152 с.

Черепнин 1956 — *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956. 616 с.

Янин 1957 — *Янин В. Л.* К вопросу о дате Лопастницкого креста // КСИИМК. 1957. Вып. 68. С. 31–34.

Beletsky 2015 — *Beletsky S.* Rus' seals as text // Ivakin H., Khrapunov N., Seibt W. (eds.). Byzantine and Rus' seals: Proceedings of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography. Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013. Kyiv, 2015. P. 235–244.

LEAD SEALS FROM THE EXCAVATIONS IN KURSK IN 2016

S. V. BELETSKY, R. S. VERETYUSHKIN, K. V. GORLOV

Keywords: *lead seals, excavations, systematization, princely symbols, Old Rus.*

Lead seals are the most numerous sphragistic finds on the territory of Old Rus. Unfortunately, their informative features remain understudied. Despite the fact that these objects have been under attention of historians for nearly a century and a half, even the total number of finds is still unknown. The paper presents 14 seals of the pre-Mongol period, found at the Kursk citadel in 2016. The joint collection of seals from the 2015 (Beletsky et al. 2017) and 2016 excavations consists of 54 items. At least two of the newly reported princely symbols belong to hitherto unknown types. Together with finds from the 2015 excavations the number of new types of princely symbols reaches five. Thanks to the 2015 finds two new sphragistic classes have been identified (IV/7, XII/1). It is evident, that the timely publication of both new finds and old seals found in the XIX–XX cc. is one of the urgent tasks for the future research.

Literature

Белецкий 1999 — *Beletsky S. V. Kamennoe gruzilo s izobrajeniyami knyajeskih znakov iz ras-kopok v Pskove [Stone plummet with princely symbols from the excavations in Pskov] // Nosov E. N. (ed.). Rannesrednevekovy'e drevnosti Severnoy Rusi i ee sosedy [Early Medieval antiquities of Northern Rus and its neighbors]. St. Petersburg: IHMC RAS, 1999. P. 11–19 (in Russian).*

Белецкий 2000 — *Beletsky S. V. Zarojdenie russkoy geraldiki [The birth of Russian heraldry] // STRATUMplus. 2000. No. 6. P. 366–424 (in Russian).*

Белецкий 2001 — *Beletsky S. V. Znaki Ryurikovichey. Chast' vtoraya: Znaki XII–XIII vv. na pamyatnikah sfragistiki [Symbols of the Rurikids. Part two: Symbols of the XII–XIII cc. on sphragistic monuments]. St. Petersburg: St. Petersburg SU of Culture and Arts, 2001. 188 p. (in Russian).*

Белецкий 2003 — *Beletsky S. V. Sfragistika [Sphragistics] // Krom M. M. (ed.). Special'nye istoricheskie discipliny [Special historical disciplines]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. P. 248–367 (in Russian).*

Белецкий 2006 — *Beletsky S. V. Kto by'l pohoronen v Vasilevskom sarkofage? [Who was buried in the Vasilevsky sarcophagus?] // Kashkin A. V. (ed.). Arheologiya Verhnego Povol'j'ya (k 80-letiyu K. I. Komarova) [Archaeology of the Upper Volga region (to the 80th jubilee of K. I. Komarov)]. M.: IA RAS, 2006. P. 68–91 (in Russian).*

Белецкий 2013 — *Beletsky S. V. Izvestnyakovaya plita «s sarmatskim znakom» u s. Korpach (Moldova) [Limestone slab «with a Sarmatian symbol» near the village of Korpach (Moldova)] // STRATUMplus. 2013. No. 4. P. 43–50 (in Russian).*

Белецкий 2014 — *Beletsky S. V. Drevnerusskie knyajeskie znaki v goncharnykh kleymah [Old Russian princely symbols on pottery stamps] // Lopatin N. V. (ed.). Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli [Archaeology and history of Pskov and Pskov land. Materials of the 59 session. April 2013]. M.; Pskov; St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2014. P. 358–387 (in Russian).*

Белецкий 2016 — *Beletsky S. V. O znakah Ryurikovichey v graffiti iz Sarkela-Beloy Veji [Symbols of the Rurikids in the graffiti from Sarkel-Belaya Vezha] // Kyzlasov I. L. (ed.). Stepi Vostochnoy Evropy v srednie veka [Steppes of East Europe in the Middle Ages: Collection of papers dedicated to the memory of S. A. Pleneva]. M.: Avtorskaya kniga, 2016. P. 288–303 (in Russian).*

Белецкий 2017 — *Beletsky S. V. Drevnerusskie knyajeskie znaki v pamyatnikah arhitektury [Old Russian princely symbols in architectural monuments] // Ioanissyan O. M. (ed.). Monumental'noe zodchestvo Drevney Rusi i Vostochnoy Evropy e'pohi srednevekov'ya [Monumental architecture of Old Russia and East Europe of the medieval period]. St. Petersburg: State Hermitage, 2017. P. 7–26 (in Russian).*

Белецкий и др. 2017 — *Beletsky S. V., Veretyushkin R. S., Gorlov K. V. Svincovy'e plomby iz raskopok v Kurske v 2015 g. [Lead seals from the excavations in Kursk in 2015] // STRATUM plus. 2017. No. 6 (In print) (in Russian).*

Болсуновский 1894 — *Bolsunovsky K. V. Drogichinskiya plomby [Drogochin seals]. Pt. I. Kiev, 1894. XLVIII + 72 p. (in Russian).*

Ильин 1947 — *Ilyin S. N. Novy'y e'pigraficheskiy pamyatnik XII v. v verhov'yah Volgi [New epigraphic monument of the XII c. in the upper reaches of the Volga] // ВЦИМК. 1947. Vol. 17. P. 179–181 (in Russian).*

Лихачев 1930 — *Likhachev N. P. Materialy dlya istorii russkoy i vizantiyskoy sfragistiki [Materials for the history of Russian and Bizantine sphragistics]. L., 1930. Vol. 2. 279 p. (in Russian).*

Перхавко 1996 — *Perkhavko V. B. Rasprostranenie plomb drogichinskogo tipa [Distribution of the Drogochin type seals] // Novoseltsev A. P. (ed.). Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 1994 g. Novoe v numizmatike [Oldest states of East Europe. 1994. New developments in numismatics]. M.: Archeographic center, 1996. P. 211–247 (in Russian).*

Рампопорт 1982 — *Rappoport P. A. Russkaya arhitektura X–XIII vv. [Russian architecture of the X–XIII cc.: Catalogue of monuments]. L.: Nauka, 1982. 134 p. (CAS. Vol. E1-47) (in Russian).*

Трусаў і др. 1993 — *Trusov A. A., Sobol V. E., Zdanovich N. I. Stary' zamak u Grodne XI-XVIII st. st. Gistoryka-arhealagichny' nary's* [*Old castle of Grodne of the XI–XVIII cc. Historical-archaeological essay*]. Minsk: Nauka i tekhnika, 1993. 152 p. (in Belarusian).

Черепнин 1956 — *Cherepnin L. V. Russkaya paleografiya* [*Russian paleography*]. М.: State publishers of political literature, 1956. 616 p. (in Russian).

Янин 1957 — *Yanin V. L. К вопросу о date Lopastickogo kresta* [*Towards the question of the date of the Lopastitse cross*] // ВСІНМС. 1957. Vol. 68. P. 31–34 (in Russian).

Beletsky 2015 — *Beletsky S. Rus' seals as text* // Ivakin H., Khrapunov N., Seibt W. (eds.). *Byzantine and Rus' seals: Proceedings of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography*. Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013. Kyiv, 2015. P. 235–244.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

А. А. ИЕССЕН — ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ КАВКАЗА

В. А. АЛЁКШИН

Ключевые слова: *А. А. Иессен, энеолит и бронзовый век Кавказа, древняя металлургия и металлообработка, научная биография.*

Александр Александрович Иессен (11[23].07.1896–31.03.1964) — один из крупнейших археологов-кавказоведов. Участник Первой мировой (1916–1918) и Гражданской (1919–1920) войн. В 1922 г. поступил на историческое отделение факультета общественных наук ПГУ, а в 1923 г. перевелся на его археологическое отделение. Ученик А. А. Миллера. В 1925 г. окончил ЛГУ и в 1926 г. поступил в аспирантуру ГАИМК. Зачислен в штат ГАИМК 01.12.1929. Основное направление его исследований было связано с изучением древней металлургии и металлообработки на юго-западе СССР. Высокие творческие достижения позволили Ученому совету ЛГУ присудить А. А. Иессену степень кандидата исторических наук без защиты диссертации (28.06.1938).

В послевоенный период он, продолжая изучение древней металлургии, внес фундаментальный вклад в решение проблем культурного развития Кавказа в древности. Ученый создал свою схему культурного развития этого региона, прежде всего — раннего бронзового века Кавказа и впервые выделил пласт кавказских культур предскифского времени. Последние десять лет жизни А. А. Иессен посвятил раскопкам древних и средневековых памятников Азербайджана, возглавив в 1953 г. Азербайджанскую (Орен-Калинскую) экспедицию ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР и Института истории АН Азербайджанской ССР. Ученый скончался в Ленинграде 31.03.1964. Его открытия и публикации дали значительный импульс развитию археологии Кавказа и по праву вошли в сокровищницу мировой науки о древностях.

26 октября 2016 г. состоялось совместное заседание Ученого совета ИИМК РАН, Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное 120-летию со дня рождения одного из крупнейших представителей петроградской/ленинградской археологической школы А. А. Иессена (рис. 1). С докладом, посвященным его жизни и научной деятельности, выступил заведующий Отделом археологии Центральной Азии и Кавказа В. А. Алёкшин. На заседании также заслушаны: сообщение С. Н. Савенко (Пятигорск) «Письма А. А. Иессена в архиве Н. М. Егорова в Пятигорском

Рис. 1. А. А. Иессен, 1936 г.

Fig. 1. A. A. Iessen, 1936

краеведческом музее» и доклады сотрудников Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа (В. С. Бочкарёв, М. Т. Кашуба «Между бронзой и железом») и Отдела истории античной культуры (М. Ю. Вахтина «Взгляды А. А. Иессена на доколониционные контакты в Северном Причерноморье в свете современных исследований»; В. А. Горончаровский «Греко-варварские контакты на территории Синдики в VI — начале IV в. до н. э.»; О. В. Шаров «Римско-германский конский убор из станицы Казанской»). Тематика всех этих выступлений соответствовала научным направлениям, которые многие годы разрабатывал А. А. Иессен.

***

Александр Александрович Иессен, выдающийся археолог-кавказовед, родился 11 (23) июля 1896 г. в Санкт-Петербурге. Его отец был потомственным дворянином, а мать — дочерью почетного гражданина города. В 1907 г. Саша Иессен поступил на гимназическое отделение училища при немецкой реформаторской церкви, которое окончил весной 1915 г., когда столица Российской империи уже была переименована в Петроград. В период обучения он перенес тяжелейшую болезнь колена, которая уложила его в кровать на два года (1910–1912). Недуг отступил только после того, как юноша прошел курс лечения (февраль 1911 — май 1912) в одном из санаториев Швейцарии (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 1, 4, 50–51, 57, 61, 82, 122 об.).

Получив аттестат зрелости, молодой человек поступил в Петроградский Императорский университет. Однако будучи патриотом своего Отечества, он не остался на студенческой скамье, в то время когда его сверстники сражались на фронтах Первой мировой войны. Александр Иессен стал в ноябре 1915 г. юнкером ускоренного курса Михайловского артиллерийского училища в Петрограде, после окончания которого в мае 1916 г. получил чин прапорщика артиллерии (Там же). Молодой офицер находился в строевых частях действующей армии с июня 1916 г. по январь 1918 г. на должностях сначала младшего офицера, а затем начальника связи отдельного артиллерийского дивизиона. Службу начал на Северном фронте, а с июля 1917 г. продолжил ее на Юго-Западном фронте, где с декабря 1917 г. по январь 1918 г. был выборным командиром батареи (Там же, л. 3 об., 4 об., 51, 53, 57 об., 61, 80).

В самом начале 1918 г. с молодым офицером, дослужившимся до чина подпоручика, произошла история, которая могла закончиться для него трагически. Он отказался участвовать в боевых действиях против, как он сообщает в своей автобиографии, петлюровцев. В действительности речь, видимо, идет о вооруженных отрядах, подконтрольных украинской Центральной Раде. Свой отказ участвовать в вооруженных столкновениях внутри страны он объяснял непониманием происходивших в ней событий. За это А. А. Иессен был задержан и доставлен в штаб VII Русской армии Юго-Западного фронта, которая с боями прорывалась из Галиции в Советскую Россию, так как правительство Рады не пропускало соединения армии через подконтрольные ему области Украины. VII армией командовал тогда выборный солдатами штабс-капитан В. К. Триандафиллов, близкий по своим политическим воззрениям левым эсерам, ставший впоследствии одним из виднейших советских военных теоретиков. В штабе этой армии А. А. Иессена продержали четыре дня, после чего В. К. Триандафиллов лично распорядился отправить артиллерийского офицера в Петроград, посоветовав ему разобраться в сути революционных событий (Там же, л. 3 об., 61 об.).

А. А. Иессен вернулся в Петроград в начале февраля 1918 г. и в марте демобилизовался. Вначале он вернулся в Петроградский университет на историко-филологический факультет, однако отсутствие средств к существованию не позволило ему полностью посвятить себя учебе. С мая по ноябрь он служил конторщиком в страховом обществе «Помощь», а с декабря 1918 г. по апрель 1919 г. — конторщиком в Комитете государственных сооружений совнархоза Северного района (Там же, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 3 об., 4 об., 51, 53, 57 об., 61, 61 об.; ф. 2, оп. 5, д. 125, л. 4).

В апреле 1919 г. А. А. Иессен призвали в Красную Армию и отправили на Северо-Западный фронт в район Псков — Остров. Здесь он исполнял различные обязанности: командир батареи, помощник командира батареи, начальник связи и разведки артиллерийского дивизиона. Красный командир участвовал в боях с эстонскими подразделениями, войсками генерала Н. Н. Юденича и отрядами атамана С. Н. Булак-Балаховича. Служба на Северо-Западе окончилась после заключения

мирного договора с Эстонией в январе 1920 г. Именно в это время, указывает А. А. Иессен, в нем завершился процесс внутренней перестройки, вызванный революцией, к пониманию которой он по своему воспитанию не был подготовлен. По собственной просьбе красный командир был переведен в Петроград, где служил командиром взвода на артиллерийских курсах. Вместе с батареей этого военно-учебного заведения он был отправлен в октябре 1920 г. на Южный фронт в составе Петроградской бригады курсантов в качестве начальника связи батареи. По окончании боевых действий в Крыму (Северная Таврия) против армии генерала П. Н. Врангеля и отрядов махновцев с февраля 1921 г. А. А. Иессен принимал участие в формировании Севастопольских артиллерийских курсов, занимая должности помощника командира батареи и преподавателя. В январе 1922 г. его перевели в Петроград в школу командного состава тяжелой артиллерии на должность командира взвода. Однако военная карьера тяготила молодого человека, и в июле 1922 г. он добился демобилизации для продолжения учебы. Осенью этого же года А. А. Иессен становится студентом исторического отделения факультета общественных наук Петроградского ГУ. В 1923 г. в связи с реорганизацией исторического отделения в общественно-педагогическое он перешел на археологическое отделение, вследствие (по его словам) определенно выраженного интереса к древнейшим периодам исторического развития, сложившегося еще в гимназические годы (Там же, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 1, 3 об., 4 об., 5, 51, 57 об., 58, 61 об., 62, 80).

Летом 1924 г. студент едет на первую в своей жизни археологическую практику в составе Северокавказской экспедиции РАИМК, которой руководил заведующий Этнологическим отделением Академии А. А. Миллер, ставший с этого времени научным наставником А. А. Иессена. В 1925 г. студенту были поручены раскопки грунтового могильника сарматского времени у ст. Усть-Лабинской, а также разведки по Кубани (Там же, д. 127а, л. 5, 80; Миллер 1926: 72; Алёкшин 2007: 18; 2013: 105).

В декабре 1925 г. А. А. Иессен окончил курс ЛГУ по археологическому отделению (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 1, 3 об., 4 об., 5, 51, 57 об., 58, 61 об., 62, 80) и получил специальность археолог-палеоэтнолог (Там же, ф. 2, оп. 5, д. 125, л. 3). Параллельно обучению он работал линейным контролером-ревизором в тресте «Электроток» с декабря 1922 г. по сентябрь 1926 г. (Там же, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 2 об., 5, 51, 57 об., 62).

В конце 1925 г. при РАИМК впервые открылась аспирантура. В декабре претенденты, в том числе и А. А. Иессен, подали заявления на поступление и предстали перед академической конкурсной комиссией, причем по итогам экзаменов А. А. Иессен занял первое место (Там же, ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 56, л. 110 об.; ф. 2, оп. 3, д. 243, л. 1; Алёкшин 2007: 20, прим. 16; 2013: 107, прим. 16). Однако, несмотря на высокие результаты, выписка из отношения Научного отдела Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями НКП РСФСР/СССР за № 740 (23 января 1926 г.), свидетельствует о том, что решением Комиссии при Президиуме Государственного Ученого совета в составе

НКП РСФСР/СССР (13 января 1926 г.) он был утвержден лишь сверхштатным аспирантом по этнологическому отделению ГАИМК (НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 3, д. 243, л. 2; ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 5, 8, 54, 57 об., 62).

При поступлении в аспирантуру выпускник университета представил план квалификационной работы. Он написал, что интересуется происхождением исторических культур Средиземноморского бассейна, легших в основу современной культуры и требующих для выяснения их генезиса изучения палеоэтнологии раннеметаллических культур. Основное направление исследовательской работы соискателя заключалось в изучении материальной культуры энеолита и бронзового века Средиземноморского бассейна (Кавказ, Южная Россия) и примыкающей к западу области вплоть до Иберийского п-ова, а также выяснении характера связей и конвергенций, обнаруженных в материальной культуре всех этих районов. Особое внимание А. А. Иессен предполагал посвятить памятникам кавказским и южнорусским (Там же, ф. 2, оп. 3, д. 243, л. 3; ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 80 об.). Руководителем аспиранта стал профессор А. А. Миллер, а общее наблюдение и руководство осуществлял академик Н. Я. Марр (Там же, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 81 об.). Соискатель отметил, что свободно владеет немецким языком, может объясняться по-французски, читать по-английски и по-итальянски. А. А. Иессен имел также некоторые познания в украинском языке (Там же, л. 3, 53, 58).

В 1926 г. он принял участие в работах Нахичеванской экспедиции (руководитель А. А. Миллер), которая исследовала могильник раннего железного века у с. Кызылванк на территории Азербайджана в Нахичеванской АССР (Там же, ф. 2, оп. 3, д. 243, л. 7 об.; ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 5, 80).

1 октября 1926 г. А. А. Иессена перевели в штатную аспирантуру ГАИМК (Там же, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 9, 11, 62), причем срок ее окончания был продлен до 1 января 1930 г. (Там же, л. 1, 5, 54). С октября 1927 г. исследователь стал по совместительству сотрудником Эллино-Скифского Отделения в ГЭ, оставив это научное учреждение в апреле 1934 г. по собственному желанию.

Молодой специалист был зачислен в штат ГАИМК (Разряд раннеметаллических культур) на должность научного сотрудника I разряда с 1 декабря 1929 г. Решение об этом было принято на заседании Правления Академии, состоявшемся десятью днями ранее (Там же, л. 1, 2 об., 5, 15, 54, 57 об., 62).

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. А. А. Иессен активно работал в Северокавказской экспедиции, специализируясь на изучении памятников бронзового века Кабардино-Балкарии. В 1929 г. он руководил вторым отрядом Волго-Донской экспедиции ГАИМК, в 1930 г. был назначен заместителем начальника Таманской экспедиции ГАИМК, которую также возглавлял А. А. Миллер. В 1931 г. А. А. Иессен руководил разведочным отрядом Таманской экспедиции, а в 1933 г. последовательно возглавлял Горный отряд Северокавказской экспедиции, Лабинский и Дагестанский отряды ГАИМК. В 1934 г. он организовал Баксанскую экспедицию в Кабардино-Балкарию (Там же, л. 5 об., 86; Алёшкин 2007: 22, 37–38; 2013: 108–109, 122–123).

Как следует из официальных документов и довоенного, и послевоенного времени, А. А. Иессен считал себя русским человеком, родным языком которого являлся русский (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 1, 57, 82; ф. 2, оп. 5, д. 125, л. 3). Лишь в заполненном 10 октября 1937 г. личном листке по учету кадров ученый написал, что происходит из немцев, хотя родным считает русский язык (Там же, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 50).

Этот язык был родным и для его родителей, несмотря на то что отец ученого имел немецкое, а мать — немецко-эстонское происхождение (Там же, л. 122 об.). А. А. Иессен приводит различные сведения о своем родословии. Так, в *Curriculum Vitae*, датированном 10 декабря 1933 г., сказано, что его прадед приехал в Россию в 1823 г. из северогерманской области Шлезвиг (ныне земля Шлезвиг-Гольштейн в Германии). На новой родине он стал профессором и первым директором Юрьевского ветеринарного института, дослужившись до чина, давшего право на получение потомственного дворянства. В автобиографии, написанной ученым 16 ноября 1940 г., сказано, что предки А. А. Иессена выехали из датского Шлезвига (Там же, л. 61). В послевоенной автобиографии, созданной 19 мая 1947 г., сообщается, что семья имеет датское происхождение, а в личном листке по учету кадров, заполненном 26 ноября 1947, — датско-немецкое (Там же, л. 80, 82).

Отец археолога, агроном Александр Логинович, родившийся в 1862 г. в Санкт-Петербурге, окончил философский факультет Лейпцигского университета. Вернувшись в Россию, он заведовал сначала имениями, а затем различными частными конторами. После Октябрьского переворота 1917 г. А. Л. Иессен перешел на службу в советские учреждения: сначала в Рабоче-Крестьянскую инспекцию (1918 г.), а затем на завод «Красный треугольник» (1921–1935 гг.). В 1932 г. он вышел на пенсию. Мать ученого, Мария Робертовна Иессен (урожденная Мазинг) родилась в 1874 г. в селе Деревеньки Курской губ. В марте 1935 г. родители археолога, вероятно, в связи с гонениями, которые власть обрушила после убийства 1 декабря 1934 г. главы Ленинградской партийной организации С. М. Кирова на тех жителей города, которых она считала нелояльными, были высланы из Ленинграда в Уфу, где 6 ноября 1937 г. Александр Логинович был арестован и расстрелян 17 декабря 1937 г., а Мария Робертовна умерла в ссылке в 1938 г. (Там же, л. 1, 4, 50, 57, 61, 80, 122 об., 124).

Осенью 1933 г. по необоснованному обвинению был арестован научный руководитель А. А. Иессена — А. А. Миллер. Весной 1934 г. его осудили на пятилетнюю ссылку в Казахстан, где он умер 12 января 1935 г. (Алёкшин 2015: 32). Ученик ничем не мог помочь учителю¹, хотя и не сомневался в его невиновности. Когда XX съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 г., осудил практику необоснованных

¹ А. А. Иессен в это время и сам находился под подозрением. Согласно рассекреченным документам, работающий тогда в ГАИМК осведомитель, указывая на компрометирующие в соответствии с политическими реалиями 1930-х гг. факты из биографии ученого (дворянское происхождение, служба в императорской армии на офицерских должностях), характеризовал его как молчаливика и политически неблагонадежного человека (ЦГА СПб, Р-7154 (ГАИМК), оп. 1, д. 13, л. 16).

политических репрессий, получивших массовое распространение в годы правления И. В. Сталина, и взял курс на пересмотр многих политических дел, сфабрикованных в 1936–1953 гг., А. А. Иессен принял непосредственное участие в реабилитации своего покойного учителя, дав о нем в ноябре 1956 г. показания Военному трибуналу Ленинградского Военного округа. В них А. А. Иессен сообщил, что А. А. Миллер был человеком больших знаний, который оставил после себя многих учеников, а его труды до сих пор имеют огромное научное значение. А. А. Иессен также подчеркнул, что его учитель всегда стоял на советских позициях, не позволяя себе никаких антисоветских заявлений (Архив УФСБ, д. П 30696, т. VI, л. 607). Показания А. А. Иессена сыграли существенную роль в реабилитации А. А. Миллера, которая последовала 28 ноября 1956 г.

Арест А. А. Миллера не повлиял на судьбу его ученика. С января по ноябрь 1934 г. А. А. Иессен являлся ученым секретарем Института исторической технологии ГАИМК, а с ноября — его действительным членом. В 1936–1937 гг. он включен в состав Ученого совета ГАИМК. С 10 марта по 7 августа 1935 г. археолог исполнял обязанности заместителя председателя бюро по организации экспедиций. Кроме того весной и летом этого же года А. А. Иессен был сотрудником кафедры методики и техники полевых исследований ГАИМК (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 54, 62, 81; ф. 2, оп. 5, д. 125, л. 5).

С июля 1935 г. исследователь вновь совмещает работу в ГАИМК со службой в Отделе доклассового общества ГЭ (с 1940 г. — Отдел истории первобытной культуры), который он возглавил в ноябре 1936 г. В 1935 г. А. А. Иессен выступил с докладом на III Международном конгрессе Иранского искусства и археологии, организованном на базе ГЭ. С 1939 г. он являлся членом Ученого Совета ГЭ (Там же, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 62, 81).

В августе 1937 г. при реорганизации ГАИМК в ИИМК АН СССР ученый был включен в состав Комиссии по переводу ГАИМК в систему АН СССР. После того как Академия была преобразована, исследователь получил должность старшего научного сотрудника ИИМК в секторе эпохи бронзы и раннего железа (Там же, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 54, 57 об., 62, 81; ф. 2, оп. 5, д. 125, л. 5).

Основное научное направление, которое А. А. Иессен разрабатывал в ГАИМК — ИИМК и ГЭ, было связано с изучением древней металлургии на юго-западе тогдашнего СССР. Еще в 1933 г. с целью проведения изысканий в области древнего производства металлов, а также использования их месторождений в ГАИМК была создана Комиссия металлов, секретарем которой он был назначен. В 1934 г. функции Комиссии были переданы Институту исторической технологии ГАИМК, в штат которого он был переведен (Там же, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 80 об.). Результаты своих исследований в этой области А. А. Иессен опубликовал в работе «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе» (Иессен 1935). В работе дана периодизация древнего металлургического производства на Кавказе, рассмотрены характеристики локальных очагов металлообработки этого региона,

выявлена их сырьевая база и определены области, на которые они влияли. Данный труд, в котором прослежено развитие кавказской металлургии, до сих пор не потерял свое научное значение.

Работы в этом направлении А. А. Иессен вел и в других регионах СССР. Например, в 1935 г. при участии С. С. Черникова он организует работы Калбинского отряда по изучению древних разработок олова, меди и золота в восточноказахстанской области в верховьях Иртыша (Там же, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 25, 86; Алёкшин 2007: 42; 2013: 126). Таким образом, ученый стал пионером в области изучения древней металлургии и горного дела на территории тогдашнего СССР.

Во второй половине 1930-х гг. А. А. Иессен продолжил полевые изыскания на Кавказе. В 1936 г. он возглавил Сухумскую экспедицию с целью изучения дольменов на озере Амткел и поселений эпохи энеолита и бронзы около Очамчыра. В 1938 г. исследователь руководил работами Колхидской экспедиции Грузинского филиала АН СССР, проводившей разведки и стационарные раскопки поселения Наохваму, где были вскрыты слои эпохи бронзы и раннего железного века (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 28–29, 86; Алёкшин 2007: 39; 2013: 124).

Высокие научные достижения А. А. Иессена позволили Ученому совету ЛГУ присудить археологу 28 июня 1938 г. (протокол № 8/9, § 46) ученую степень кандидата исторических наук без защиты диссертации (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 56, 81).

После начала Великой Отечественной войны на основании Правительственного постановления о перемещении ценностей ГЭ исследователь отправлен в июле 1941 г. в Свердловск, где был организован филиал ГЭ. В связи с отъездом А. А. Иессен был выведен за штат ИИМК. В эвакуации он находился по октябрь 1945 г., причем с 28 августа 1941 г. по 5 января 1942 г. ученый был призван в Красную Армию и служил в Уральском военном округе. С сентября 1944 г. по сентябрь 1945 г. он являлся профессором Уральского ГУ и состоял членом его Ученого Совета. Летом 1942 г., выполняя задание Уральской алмазной экспедиции, А. А. Иессен организовал экспедицию по р. Чусовой. В Свердловске им была написана работа об исторических предпосылках греческой колонизации Северного Причерноморья (Иессен 1947). В феврале 1945 г. ученый принял участие во Всесоюзной археологической конференции в Москве (На ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 127а, л. 81 об., 86).

Вернувшись с филиалом ГЭ из эвакуации в Ленинград 9 октября 1945 г., А. А. Иессен приступил к воссозданию Отдела истории первобытной культуры, которым руководил до 1955 г., а до 1960 г. состоял в штате Отдела (Там же, л. 71, 75 об., 81, 81 об.).

В РО НА ИИМК РАН сохранилась информация о том, что 1 мая 1945 г. заведующий ЛОИИМК д. и. н. В. И. Равдоникас поставил ученого во главе Сектора бронзы и раннего железа (Там же, л. 68). Однако это назначение по какой-то причине не состоялось, и 1 июня 1945 г. появляется приказ директора ИИМК АН СССР

академика Б. Д. Грекова о зачислении А. А. Иессена старшим научным сотрудником в Сектор бронзы и раннего железа ЛОИИМК АН СССР (Там же, л. 69, 81 об.). За свою научную и научно-организационную деятельность в 1941–1945 гг. исследователь был награжден медалью «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны» (Там же, л. 76 об., 81 об.).

В начале 1950-х гг. А. А. Иессен руководит отрядом Волго-Донской экспедиции ЛОИИМК (Там же, л. 110), раскапывая курганы у хут. Попова и хут. Солёного. В эти же годы он возглавил Кубанскую экспедицию, которая обследовала памятники эпохи бронзы и раннего железного века в Краснодарском крае. При реорганизации ЛОИИМК АН СССР в 1951 г. А. А. Иессен был зачислен 7 августа в Сектор археологии Средней Азии и Кавказа (Там же, л. 111; Алёкшин 2007: 49; 2013: 132).

В послевоенный период исследователь разрабатывал два научных направления: изучение древней металлургии и археология Кавказа от энеолита до железного века (Там же, л. 81 об.).

Первое направление рассмотрено в публикации о прикубанском очаге металлургии (Иессен 1951). Второму направлению посвящены две работы, сыгравшие огромную роль в осмыслении проблем культуругенеза первобытного Кавказа, причем ученый создал свою схему культурного развития этого региона в древности. Большое значение для науки имеет, в частности, его подход к изучению раннего бронзового века Кавказа, благодаря которому он датировал знаменитый Майкопский курган именно этим периодом (Иессен 1950). Не менее важны исследования А. А. Иессена в области кавказских культур предскифского или, как считал сам ученый, раннего скифского времени. Ему впервые удалось выделить пласт древностей, относящихся к данной эпохе (Иессен. 1953).

Последние десять лет жизни А. А. Иессен посвятил изучению древних и средневековых культур Азербайджана, возглавив 9 апреля 1953 г. Азербайджанскую (Оренкалинскую) экспедицию ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР и Института истории АН Азербайджанской ССР, которая под его началом функционировала до 1960 г. (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 127а., л. 132, 138, 143, 145, 148а, 159, 168, 171; Кушнарёва 1987). Основные работы исследователь развернул в Мильско-Карабахской степи. Во-первых, было изучено городище Орен-кала (средневековый Байлакан), слои которого датировались VI–XIII вв. Во-вторых, исследован громадный курган эпохи бронзы Уч-тепе (конец III тыс. до н. э.), свидетельствующий о глубоком процессе социальной дифференциации местных племен. В-третьих, открыты новые древнеземледельческие памятники с расписной керамикой IV тыс. до н. э., культура которых находила соответствия в материалах сопредельного Ирана. Вновь открытые материалы показали, что куро-аракскому энеолиту на Южном Кавказе предшествует длительный период развития собственно энеолитической культуры (поселение Кюль-тепе под Нахичеванью). Перекрывавшие эти напластования отложения куро-аракского энеолита относились, таким образом, к раннему бронзовому веку. В-четвертых, было изучено поселение среднего брон-

зового века Узерлик-тепе. Благодаря всем этим полевым изысканиям А. А. Иессену удалось воссоздать древнейшее прошлое Мильско-Карабахской степи от энеолита до средневековья. Итоги работ экспедиции были изданы в трех томах (Тр. Азербайджанской... Т. 1. 1959; Т. 2. 1965; Т. 3. 1965; подробнее см.: Мунчаев, Мусеибли 2017: 155–158). Завершить масштабные исследования археологических памятников Азербайджана ученому помешал тяжелый недуг. Александр Александрович Иессен скончался в Ленинграде 31 марта 1964 г.

Научные открытия и публикации А. А. Иессена имеют непреходящее значение, дали значительный импульс развитию археологии Кавказа и по праву вошли в сокровищницу мировой науки о древностях. Это нашло яркое отражение на конференции к 100-летию со дня рождения ученого (Между Азией и Европой... 1996), по итогам работы которой были определены многие современные исследования на Кавказе и Северной Евразии.

Литература и источники

Алёкшин 2007 — *Алёкшин В. А.* Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН и его предшественники в ИАК — РАИМК — ГАИМК — ИИМК АН СССР (основные вехи истории) // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 10–92.

Алёкшин 2013 — *Алёкшин В. А.* Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Носов Е. Н. (отв. ред.-сост.). Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин. 2013. С. 100–159.

Алёкшин 2015 — *Алёкшин В. А.* Александр А. Миллер, исследователь древних и традиционных культур Кавказа // Кашуба М. Т., Райнхольд С., Алёкшин В. А. (ред.). Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера): ММНАК и Гумбольдт-лектория (5–8 октября 2015 г., Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ; НКТ, 2015. С. 29–33.

Иессен 1935 — *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // *Иессен А. А., Десен-Ковалевский Б. Е.* Из истории древней металлургии Кавказа. М.; Л.: Соцгиз, 1935. С. 7–237 (Известия ГАИМК. Вып. 120).

Иессен 1947 — *Иессен А. А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Л.: Изд-во ГЭ, 1947. 90 с.

Иессен 1950 — *Иессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. Т. 12. С. 157–201.

Иессен 1951 — *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Крупнов Е. И. (ред.). Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 75–124 (МИА. № 23).

Иессен 1953 — *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. Т. 18. С. 49–110.

Кушнарёва 1987 — *Кушнарёва К. Х.* Значение Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции для археологии Кавказа // КСИА. 1987. Вып. 192. С. 3–6.

Между Азией и Европой... 1996 — *Между Азией и Европой.* Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена / Пиотровский Ю. Ю. (науч. ред.). СПб.: Изд-во ГЭ, 1996. 204 с.

Миллер 1926 — *Миллер А. А.* Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 годах // Сообщения ГАИМК. Л.: ГАИМК, 1926. Т. 1. С. 71–142.

Мунчаев, Мусеибли 2017 — Мунчаев Р. М., Мусеибли Н. К 120-летию Александра Александровича Иессена // РА. 2017. №. 3. С. 154–160.

Тр. Азербайджанской... Т. 1. 1959 — Тр. Азербайджанской (Орен-Калинской) экспедиции. Т. 1. 1953–1955 гг. / Иессен А. А. (отв. ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 454 с. (МИА. № 67).

Тр. Азербайджанской... Т. 2. 1965 — Тр. Азербайджанской археологической экспедиции. Т. 2. 1956–1960 гг. / Иессен А. А., Кушнарева К. Х. (отв. ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 230 с. (МИА. № 125).

Тр. Азербайджанской... Т. 3. 1965 — Средневековые памятники Азербайджана. Тр. Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. 3 / Иессен А. А. (отв. ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 111 с. (МИА. № 133).

Архив УФСБ, д. П 30696, т. VI.

НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 56; ф. 2, оп. 3, д. 243; ф. 2, оп. 5, д. 125; ф. 35, оп. 5, д. 127а.

ЦГА СПб, Р-7154 (ГАИМК), оп. 1, д. 13.

A. A. IESSEN — AN OUTSTANDING RESEARCHER OF CAUCASIAN ANTIQUITIES

V. A. ALEKSHIN

Keywords: *A. A. Iessen, Eneolithic and Bronze Age of the Caucasus, ancient metallurgy and metalworking, scholarly biography.*

Alexander Alexandrovich Iessen (11[23].07.1896–31.03.1964) — one of the leading authorities in archaeology of the Caucasus. Participant of the First World (1916–1918) and Civil (1919–1920) wars. In 1922 he entered the historical department at the faculty of social sciences of Petrograd University, and in 1923 transferred to the archaeological department. A pupil of A. A. Miller. In 1925 he graduated from Leningrad State University and in 1926 entered the post-graduate courses at the State Academy of the History of Material Culture (SAHMC). On December 1, 1929 he officially joined the staff of SAHMC. The main direction of his research was associated with the study of ancient metallurgy and metalworking in the southwest of the USSR. On June 28, 1938, the Academic Council of Leningrad State University honored his significant contribution to archaeology by awarding him the degree of Candidate of History without requiring him to defend his thesis. In the post-War period he made a seminal contribution to the study of the Caucasian cultural history in ancient times. He created an original scheme describing the development of cultures in this region (special emphasis was laid on the development of culture in the Early Bronze Age) and was the first who identified a group of cultures of the pre-Scythian time. The last five years of his life A. A. Iessen devoted to the excavation of ancient and medieval sites of Azerbaijan. He died on March 31, 1964 in Leningrad. His discoveries and publications gave a strong impulse to the development of Caucasian archaeology and rightfully became a part of the world treasury of archaeological thought.

Literature and archive sources

Алёкшин 2007 — *Alekshin V. A. Sektor/Otdel arheologii Sredney/Central'noy Azii i Kavkaza LOIIMK AN SSSR — LOIA AN SSSR — IIMK RAN i ego predshestvenniki v IAK — RAIMK — GAIMK — IIMK AN SSSR (osnovnye vehi istorii) [Department of Archaeology of Middle/Central Asia and Caucasus of the IHMC RAS and its predecessors at the Imperial Archaeological Commission and succeeding institutions (milestones of history)] // Transactions of IHMC RAS. 2007. No. 2. P. 10–92 (in Russian).*

Алёкшин 2013 — *Alekshin V. A. Otdel arheologii Central'noy Azii i Kavkaza [Department of Archaeology of Central Asia and Caucasus] // Nosov E. N. (ed.). Akademicheskaya arheologiya na beregah Nev'y (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.) [Academic archaeology on the banks of the Neva (from RAHMC to IHMC RAS, 1919–2014)]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 2013. P. 100–159 (in Russian).*

Алёкшин 2015 — *Alekshin V. A. Aleksandr A. Miller, issledovatel' drevnih i traditsionnykh kul'tur Kavkaza [Alexander A. Miller, the researcher of ancient and traditional cultures of the Caucasus] // Kashuba M. T., Reinhold C., Alekshin V. A. (eds.). Kavkaz kak svyazuyusch'ee zveno mejdu Vostochnoy Evropoy i Perednim Vostokom: dialog kul'tur, kul'tura dialoga (k 140-letiyu A. A. Millera) [The Caucasus as a link between Eastern Europe and the Near East: dialogue of cultures, culture of the dialogue (on the 140th anniversary of the birth of A. A. Miller): Materials of the International Scholarly Conference and Humboldt Readings (5–8 October, 2015, St. Petersburg)]. St. Petersburg: IHMC RAS; Eurasian Branch of the German Archaeological Institute; NKT, 2015. P. 29–33 (in Russian).*

Иессен 1935 — *Iessen A. A. K voprosu o drevneyshey metallurgii medi na Kavkaze [Towards the question of the earliest copper metallurgy in the Caucasus] // Iessen A. A., Degen-Kovalevsky B. E. From the history of ancient metallurgy of the Caucasus. M.; L.: Social-economic state publishers, 1935. P. 7–237 (in Russian).*

Иессен 1947 — *Iessen A. A. Grecheskaya kolonizatsiya Severnogo Prichernomor'ya, ee predposylki i osobennosti [Greek colonization of the Northern Black Sea region, its prerequisites and specific traits]. L.: State Hermitage, 1947. 90 p. (in Russian).*

Иессен 1950 — *Iessen A. A. K khronologii «bol'shikh kubanskih kurganov» [On the chronology of the «big Kuban' barrows»] // SA. 1950. Vol. 12. P. 157–201 (in Russian).*

Иессен 1951 — *Iessen A. A. Prikubanskiy ochag metallurgii i metalloobrabotki v konce medno-bronzovogo veka [Kuban' center of metallurgy and metalworking at the end of the Copper-Bronze Age] // Krupnov E. I. (ed.). Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Kavkaza [Materials and studies in the archaeology of the North Caucasus]. M.; L.: AS of the USSR, 1951. P. 75–124 (MSA. No. 23) (in Russian).*

Иессен 1953 — *Iessen A. A. K voprosu o pamyatnikakh VIII–VII vv. do n. e'. na yuge Evropeyskoy chasti SSSR (Novocherkasskiy klad 1939 g.) [Towards the question of the sites of the VIII–VII cc. B. C. in the south of the European part of the USSR (Novocherkassk hoard, 1939)] // SA. 1953. Vol. 18. P. 49–110. (in Russian).*

Кушнарёва 1987 — *Kushnareva K. Kh. Znachenie Azerbaydjanskoy (Orenkalinskoy) e'kspeditsii dlya arheologii Kavkaza [Importance of the Azerbaijan (Oren-Kala) Expedition for archaeology of the Caucasus] // BCIA. 1987. Vol. 192. P. 3–6 (in Russian).*

Между Азией и Европой... 1996 — *Mejdu Aziey i Evropoy. Kavkaz v IV–I tys. do n. e'. [Between Asia and Europe. Caucasus in IV–I mill. B. C.: Materials of the conference, dedicated to the 100th birth anniversary of Alexander A. Iessen] / Piotrovsky Yu. Yu. (ed.). St. Petersburg: State Hermitage, 1996. 204 p.*

Миллер 1926 — *Miller A. A. Kratkiy otchet o rabotah Severo-Kavkazskoy e'kspeditsii Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury v 1924 i 1925 godah [Brief report of the works of the North Caucasian Expedition of the State Academy of the History of Material Culture in 1924 and 1925] // Communications of the State Academy of the History of Material Culture. L., 1926. Vol. 1. P. 71–142 (in Russian).*

Мунчаев, Мусеибли 2017 — *Munchaev R. M., Museibli N.* К 120-летию Aleksandra Aleksandrovicha Iessena [To the 120th anniversary of Aleksandr Aleksandrovich Iessen] // RA. 2017. P. 154–160 (in Russian).

Тр. Азербайджанской... Т. 1. 1959 — Trudy Azerbaydjanskoj (Oren-Kalinskoy) e'kspedicii T. 1. 1953–1955 gg. [*Proceedings of the Azerbaijan (Oren-Kala) Expedition. Vol. 1. 1953–1955*] / Iessen A. A. (ed.). M.; L.: AS of the USSR, 1959. 454 p. (MSA. No. 67) (in Russian).

Тр. Азербайджанской... Т. 2. 1965 — Trudy Azerbaydjanskoj (Oren-Kalinskoy) e'kspedicii T. 2. 1956–1960 gg. [*Proceedings of the Azerbaijan (Oren-Kala) Expedition. Vol. 2. 1956–1960*] / Iessen A. A., Kushnareva K. Kh. (eds.). M.; L.: AS of the USSR, 1965. 230 p. (MSA. No. 125) (in Russian).

Тр. Азербайджанской... Т. 3. 1965 — Srednevekovy'e pamyatniki Azerbaydjana. Trudy Azerbaydjanskoj (Oren-Kalinskoy) arheologicheskoy e'kspedicii. T. 3 [*Medieval sites of Azerbaijan. Proceedings of the Azerbaijan (Oren-Kala) Expedition. Vol. 3*] / Iessen A. A. (ed.). M.; L.: AS of the USSR, 1965. 111 p. (MSA. No. 133) (in Russian).

Archive of the Administration of the Federal Security Service, d. П 30696, vol. VI.

Scholarly archive of IHMC RAS, MD, f. 2, inv. 1, 1925, d. 56; f. 2, inv. 3, d. 243; f. 2, inv. 5, d. 125; f. 35, inv. 5, d. 127a.

Central State Archive St. Petersburg, P-7154 (State Academy of the History of Material Culture), inv. 1, d. 13.

ХРОНИКА

КРУГЛЫЙ СТОЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. Н. БРАТЧЕНКО

В. Я. СТЕГАНЦЕВА

14–15 ноября 2016 г. в Дубовом зале ИИМК РАН при участии ГЭ, СПБГУ и ЮФУ были проведены заседания Круглого стола «Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.)», посвященного 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко.

Станислав Никифорович Братченко (03.09.1936–21.02.2011), один из выдающихся исследователей бронзового века Восточной Европы, родился на Восточной Украине. В 1955 г. поступил в Ростовский университет, затем в 1957 г. перевелся в ЛГУ на кафедру археологии, которую закончил в 1960 г. После четырех лет работы в музеях Ростовской обл. он поступил в аспирантуру ИА АН Украинской ССР, в 1969 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Периодизация памятников средней бронзы бассейна Нижнего Дона» и проработал в киевском институте всю жизнь.

В своих трудах С. Н. Братченко следовал традициям трех археологических школ: ростовской, ленинградской и киевской, — что позволило ему сделать фундаментальный вклад в изучение бронзового века Восточной Европы. Научные интересы Станислава Никифоровича охватывали широкий круг вопросов от энеолита до позднего бронзового века. Он опубликовал четыре монографии и более 75 статей. Значительную часть его деятельности составляли полевые исследования, в основном в зонах проектируемых мелиорационных систем. Возглавляемые им экспедиции явились настоящей школой для многих археологов.

Отдавая дань его памяти, более 40 исследователей из Санкт-Петербурга, других археологических центров России, а также ближнего и дальнего зарубежья (Москва, Владимир, Донецк, Екатеринбург, Кишинев, Николаев, Одесса, Пушинона-Оке, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Симферополь, Тирасполь, Берлин, Гронинген) приняли участие в Круглом столе. На четырех заседаниях было заслушано 22 доклада, проведены общая дискуссия и мемориальная часть.

Заседания Круглого стола с приветственным словом открыл директор ИИМК РАН В. А. Лапшин. По тематике заслушанные доклады могут быть разделены на четыре большие группы: общие проблемы культурогенеза энеолита и бронзового века степной зоны Северной Евразии, взаимодействия археологических культур

энеолита — раннего бронзового века, среднего — позднего бронзового века степной зоны Северной Евразии, а также методы естественных наук в археологии.

В докладе Л. С. Клейна «Ямная, буджакская и ДНК» обращено внимание на противоречие в выводах генетических исследований, предлагающих миграцию носителей ямной культуры из степей Поволжья в северо-западном направлении (в ареалы культур шнуrowой керамики), и общепринятых датировок этих культур. Генетическое сходство их носителей он объяснил на основе данных биологии — распространением более древнего генетического компонента из Северной Европы в двух направлениях: на юго-восток, в ареал ямной культуры и на юго-запад, в области культур шнуrowой керамики.

В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН) в аналитическом докладе «Гипотезы Л. С. Клейна и С. Н. Братченко о происхождении донецкой катакомбной культуры: pro et contra» пришел к выводу, что гипотеза Братченко более достоверна.

В докладе «Триполье и Степь: к вопросу о динамике культурных взаимосвязей» И. В. Палагута (СПб Государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица) и Е. Г. Старкова (ГЭ) сообщили, что основным показателем связей Триполья-Кукутень с культурами степного энеолита является керамика с примесью толченых раковин, изготовленная отличными от трипольской керамики способом формовки, приемами нанесения орнамента и низкотемпературным обжигом. Авторы предполагают, что появление этой керамики было обусловлено не миграцией, а кратковременными контактами с инокультурным населением.

А. Е. Кислый (Институт истории Крыма РАН) в докладе «Об одной из причин внешних и внутренних миграций древних скотоводческих культур: методология истории, протокочевники мира», используя Ветхий Завет как письменный источник для изучения протокочевнических культур, сделал вывод об одинаковых демоэкономических закономерностях развития, обусловивших сходство древнейших скотоводческих культур Восточного Средиземноморья и Северного Причерноморья в III–II тыс. до н. э.

М. Т. Кашуба (ИИМК РАН) и Э. Кайзер (Институт преисторической археологии Свободного университета Берлина) в докладе «Проблемы изучения стеклянных изделий бронзового века в Северном Причерноморье» показали динамику распространения изделий из стекловидных материалов и стекла от позднего Триполья до финала эпохи бронзы в Северном Причерноморье. По мнению авторов, возникновение «белозерской школы» стеклоделия было обусловлено высоким уровнем местного ремесленного производства и дальними контактами (до северо-восточной Италии) носителей белозерской культуры.

М. Тыдо (Институт преисторической археологии Свободного университета Берлина) в докладе «Майкопская культура Северо-Западного Кавказа: попытка критического обзора ее изучения» выделила четыре этапа изучения этой культуры.

С. Н. Разумов (Научно-исследовательская лаборатория «Археология» Приднестровского госуниверситета им. Т. Г. Шевченко) в докладе «Синхронные погребения детей и взрослых в раннем бронзовом веке Северо-Западного Причерноморья» представил синхронные пары погребений взрослого и ребенка в усатовских и ямных курганах. Он предположил наличие особой разновидности погребального обряда, а также (на основе схожих ритуалов) существование контактов носителей усатовской и ямной культур.

С. В. Кузьминых и Р. А. Мимоход (оба — ИА РАН) в докладе «Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневожской абашевской культуры» на основании девяти дат Пепкинского кургана (из них восемь — высокоточные AMS-даты с узким доверительным интервалом) сделали вывод, что средневожская абашевская культура является древнейшей в абашевской общности.

П. Ф. Кузнецов (Музей археологии Поволжья Самарского государственного социально-педагогического университета) в докладе «Древнейшие колесницы погребальных комплексов Евразии» предложил реконструкции синташтинских колесниц. С учетом их размеров, обусловленных расстояниями между отпечатками колес, он предположил, что запрягать в них могли лесных тарпанов.

В докладе В. Я. Стёганцевой (ИИМК РАН) «Доманычское время на Маныче» была выдвинута гипотеза о том, что субстратной для раннекатакомбной культуры являлись не поздняя культура, как это принято считать, а новотитаровская культура.

В докладе А. А. Ковалёва (ИА РАН) «Гладкие каменные топоры с поперечным орнаментальным пояском: истоки и распространение традиции» обоснован вывод, что изменение облика топоров пятигорского типа от граненых к гладким было следствием производственного влияния Восточного Приазовья на производство Предкавказья.

Е. И. Гак (ГИМ) в докладе «Этапы трансформаций в металлопроизводстве среднего бронзового века на территории степного Предкавказья и юго-востока Русской равнины» выделил четыре переходных периода или этапа трансформации в металлопроизводстве. Автор считает, что в среднем бронзовом веке сохраняются черты культурного единства, а изменения носили характер трансформации, обусловленной внешними и внутренними импульсами.

В. И. Мельник (ИА РАН) выступил с докладом «Пространственно-временные аспекты распространения катакомб в степях Восточной Европы в бронзовом веке», в котором рассмотрел изменения формы катакомбных сооружений во времени и распространение их в ареале катакомбной культурно-исторической общности.

В докладе Э. Кайзер (Институт преисторической археологии Свободного университета Берлина) «Поселения катакомбной культуры в Северном Причерноморье» дана оценка изученности поселений III тыс. до н. э., проанализированы структура поселений и их изменения.

Н. М. Власкин (ГАУК РО «Донское наследие») в докладе «Ростово-луганская позднекатакомбная группа на Нижнем Дону» дал краткий историографический обзор изучения этой группы памятников и ее подробную характеристику.

В. В. Рогудеев (ГАУК РО «Донское наследие») в докладе «Орнамент меандр в степных комплексах среднего бронзового века» на основании сходства орнамента в виде меандра на ингильских мисках и такого же врезного на деревянной миске, найденной в позднем катакомбном погребении могильника Западный (Ростов-на-Дону), пришел к выводу о распространении этого вида орнамента в западном направлении.

В нескольких докладах (С. М. Осташинский (ГЭ), Е. А. Черленок (СПбГУ) «Комплекс энеолитических украшений из навеса Мешоко (по результатам работ 2011–2015 гг.)»; А. В. Кияшко (ЮФУ) «Новые материалы эпохи поздней бронзы на Таманском полуострове»; А. Ю. Чечина (ЮФУ) «Змейское поселение периода средней бронзы в Северной Осетии») были представлены новейшие материалы от энеолита до позднего бронзового века.

В докладе Н. И. Шишлиной (ГИМ), А. В. Борисова (Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН), О. П. Бачура (Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН), Т. Д. Дятловой (факультет почвоведения МГУ) и Й. ван дер Плихта (Гронингенский университет) «Сезонная стоянка Кереста раннего железного века юга Русской равнины» было предложено ввести в научный оборот новый тип памятников — кратковременная зимняя пастушеская стоянка, а также изложена методика обнаружения подобных памятников.

В мемориальной части Круглого стола выступили коллеги, лично знакомые со Станиславом Никифоровичем, его сверстники-друзья, когда-то работавшие с ним на раскопках курганов и в разведках, а также бывшие студенты-археологи, для кого С. Н. Братченко был наставником и учителем. Это были интересные и живые выступления, вспоминались разные забавные случаи, но проскальзывала грусть, что этот выдающийся исследователь и прекрасный человек ушел так рано.

По материалам Круглого стола издан сборник «Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.)» — см.: http://www.archeo.ru/izdaniya-1/vagnejsijje_izdanija/pdf/Sbornik_Bratchenko2016.pdf.

ПЕРСОНАЛИИ

ОЛЕГ ОВСЯННИКОВ: ОПЫТ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

А. Н. КИРПИЧНИКОВ, А. Е. МУСИН, А. А. ПЕСКОВА

Посвящается 80-летию О. В. Овсянникова

Среди исследователей истории и культуры средневекового Русского Севера и ревнителей северных древностей имя Олега Владимировича Овсянникова (рис. 1) по ряду причин занимает особое место. О нем написано много, искренне и по-доброму (см., напр.: Куратов 2002; [Б. и.] 2006; Всевиов 2006; 2013; Брызгалов 2013; см. также: НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 508). Сам Олег Владимирович много и добротнo писал и продолжает писать, требовательно относясь к избранным им фактам и артефактам. Вчитываясь в написанные им строки и наблюдая чередование его ученых тем и сюжетов, попробуем прочитать его творческую биографию...

Поступив в 1954 г. на исторический факультет Ленинградского университета, Олег знал, что должен стать археологом. Почему археология? Похоже, что он и сам не смог распутать эту завязь своей будущей судьбы: для него это желание родилось само собой. Здесь нам поможет своими воспоминаниями его друг Анатолий Куратов, преуспевший в изучении Русского Севера (Куратов 2002) и наметивший траекторию жизни нашего героя.

В этой траектории узнается одно из главных качеств русского характера и главнейший признак археологического памятника — пространство. Родившийся 6 марта 1937 г. в Тобольске, росший в Тюмени и Вологде, закончивший школу в Архангельске, учившийся, живший и трудившийся в Ленинграде/Санкт-Петербурге и читающий эти строки в Вюрцбурге, Олег Овсянников по праву может быть назван покорителем пространства. Здесь не просто «охота к перемене мест», но подвиг как движение души и ума, принявшее форму «русской удалы». Эта удаль как стремление к широте судьбы и преодолению дали, заданная масштабом человеческой личности — многим знакомая черта нашего героя. Только археология с ее потребностью в «поле» могла быть ему под стать. Экспедиционный поиск, пройденные километры Русского Севера, объем увиденных археологических памятников — это ли не удаль?

Есть еще одна присущая археологии черта, которая оказывается родной, даже фамильной Олегу Овсянникову — это ее зрелищность, театральность, показательность.

Рис. 1. Олег Владимирович Овсянников, 2016 г.

Fig. 1. Oleg Vladimirovich Ovsyannikov, 2016

Можно даже сказать, что археология — это своего рода научное шоу от честного фокусника. Снимая культурные пласты с артефакта как разноцветные платки с эстрадной шляпы, археолог вынимает на всеобщее обозрение не кролика, но древность, которая, как и театральная мизансцена, такая же неожиданная и завораживающая. Археология обеспечивает не столько иллюстративность, сколько наглядность истории, будучи ее театром, с греческого — «обозрением».

Не от своих ли родителей, бывших актерами, перенял Олег Овсянников эту любовь к необходимости наглядной истории, воплотившуюся в археологии? Он вырос в театральной среде, а в Архангельске, где квартиры артистов располагались на этажах местного театра, можно было видеть сцену, не выходя из собственного дома. Потребность в зрелищности в лучшем смысле этого слова была воплощена Олегом не только в его археологических трудах, написанных в традициях научной образности, но и в повседневном общении, где артистичность натуры и актерский талант превращали коллег в друзей.

Заметим, однако, что театр и театральность в советской жизни значили много больше, нежели зрелищность. Это был праздник, выход за пределы повседневной обыденности, иногда сумрачной, иногда мрачной. Театральность археологии и даруемая ею свобода передвижения, возможность покорения пространства были аварийным выходом из системы, которая отвергала удаль и волю.

Начало краха этой системы совпало с выбором археологии как дальнейшей судьбы Олега Овсянникова. История привлекала давно: одноклассники вспоминали его актерскую игру в школьной постановке драмы Владимира Соловьева «Великий Государь». Но археология как возможность свободы замаячила тогда, когда школьные хоры еще пели «о Сталине мудром, родном и любимом...», хотя его смерть в марте 1953 г. уже сулила, по предчувствию окружающих, «великие перемены» (Куратов 2002: 7–8).

Это предчувствие перемен сохранил Александр Солженицын в своем романе «Раковый корпус»: «И — поползло, поползло! Еще не очень решительно, но ходя по барраку, садясь на койки: “Э, ребята! Кажись — Людоед накрылся...”». Именно это уникальное для России второй половины XX в. предощущение свободы и при-

...

вело впоследствии к небывалому общественному подъему, выразившемуся как в космических полетах, так и в туристических походах и археологических экспедициях. Предчувствие творческих возможностей и ощущение истории как события большой значимости вкупе с недоверием к словам, резко расходящимся с повседневностью, прежде всего с ее материальностью, подсказывали верный выбор — археология. Правдивость вещей, их надежность как рассказчиков о прошлом и настоящем превращали ее в фундамент верного понимания истории.

Итак, правдивость, наглядность, свобода, движение в археологии — вот те основы, которые подсознательно, но прочно сформировали выбор дела всей жизни. Примечательно, что археологическое творчество Олега Овсянникова развивается в «обратном» направлении, нежели его жизненная траектория: с запада на север и восток, будучи своеобразным возвращением к истокам. Выходец из Сибири, пространства русской колонизации, еще одной формы национальной «удали» позднего средневековья, естественным образом заинтересовался ее предшествующим шагом — освоением Русского Севера.

«Возвращение на Восток», в Сибирь, началось уже на истфаке. Студентом Олег участвует в Красноярской экспедиции М. П. Грязнова (1955, 1958 гг.), занимается изучением памятников эпохи бронзы в Минусинских степях и в 1959 г. пишет диплом о надгробных сооружениях местных культур. Запомним этот выбор: археология некрополей станет одной из его научных тем. Здесь, как впрочем, и везде, сказывалась потребность выхода за пределы условностей жизненного пространства. Отсюда же, из Сибири, из школы М. П. Грязнова, пришел дар полевой методологии, чувство земли и ее культурных слоев, блистательно явившие себя в изучении Олегом Владимировичем памятников Русского Севера.

Иногда в отношении ученой судьбы Олега Овсянникова возникал вопрос: легко ли было «сибиряку» по тематике искать новые направления в изучении русской культуры? ([Б. и.] 2006: 159). Признаем, они никогда не были новыми. Еще студентом, в 1956–1957 гг., он участвует в архитектурно-археологических экспедициях М. К. Каргера в украинском Владимире-Волынском, белорусском Полоцке, на раскопках легендарного древнерусского «Изяславля». Уже это задает новые исследовательские перспективы: древнерусская археология и археология средневековой архитектуры. Однако участие Олега в программе южнорусской археологии не могло задержать его развитие как исследователя Русского Севера: у Каргера было чему поучиться...

Эти навыки оказались востребованы при следующем шаге на восток, когда в 1959–1962 гг. Олег, окончив Ленинградский университет как «историк-археолог», трудился старшим научным сотрудником в Архангельском областном краеведческом музее. Первые же профессиональные шаги на этой земле по обследованию средневековых археологических памятников области позволили молодому исследователю не только определить основной круг историко-культурных проблем,

но и наметить наиболее перспективную линию их изучения, состоявшую в выявлении опорных и максимально информативных поселенческих памятников — городищ и посадов, которые в комплексе с письменными источниками дали бы возможность проследить развитие культуры региона от раннего средневековья до конца XVII — XVIII в. Занимаясь изучением памятников Каргопольского, Холмогорского, Шенкурского, Вельского р-нов, он составлял на них паспорта и, осваивая археологическое пространство, совсем по-библейски давал им правильные имена вместо «курганов, сопков, валов Гагарина, пупчиков, городищ», некогда придуманных в отделе культуры Областного исполкома. Многие «памятники» после этого закономерно предстали останцами террас и береговыми валами. И такая насыщенная полевая работа проводилась им долгие годы, систематически и целенаправленно, несмотря на то что время от времени приходилось переключаться по необходимости на другие памятники.

Одновременно Олег Овсянников имел возможность убедиться как в единстве археологии — науке о мельчайших подробностях древнего быта разных эпох, так и в важности знаний о раннесредневековой археологии для понимания позднего средневековья. Здесь же определился его интерес к городской культуре в ее оборонном и урбанистическом измерении — были произведены первые раскопки посада Холмогор и Орлецкого городища. Вместе с ним в музейную жизнь Архангельска и в науку о Русском Севере пришел настоящий Ренессанс, сопровождаемый неизбежным написанием статей в издания с такими говорящими названиями, как «Холмогорский колхозник» или «Полярная кочегарка».

Это послеуниверситетское возвращение на архангельский север и интерес к поморской культуре не были случайностью, как не случаен был выбор Сибири для студенческих работ. Увлеченность историей и культурой Северного Русского Поморья, стремление глубже понять историческое своеобразие этого обширного и во многом уникального региона пришли к Олегу Овсянникову еще в студенческие годы, не остывали в зрелые годы и не оставляют по сей день. Свообразие региона с самого начала во многом определило масштаб исследований, его территориальный охват и хронологический диапазон. И масштаб личности Олега вполне соответствовал избранному пути.

Его Русский Север был еще и частью любви к городу, где закончилось детство — Архангельску. Даже истфак на Васильевском острове напоминал ему архангельские гостиные дворы. Этот город для него остался пропитан запахом рыбы и северным сиянием ([Б. и.] 2006: 157–158). Но главный символ города — это корабль и корабли. Даже архангельский театр, в котором пришлось жить в 1952–1954 гг., напоминал огромный корабль на старинном двинском рейде — стойбище иностранных лесовозов, где сновали пароходики-«макарки» дореволюционной постройки с дымящими трубами и рындами-колоколами, а вечерами его заполнял «москитный» флот местных рыболовов. Эта корабельная культура, деяния поморов, станет одной из главных тем творчества.

Возвращение в Ленинград в 1962 г. принесло сначала лаборантство в Ленинградском отделении Института археологии вместо ожидаемой аспирантуры у М. К. Каргера: Олег становится лаборантом Группы славяно-русской археологии. Это вернуло его к памятникам Украины: в 1962–1964 гг. он — участник Галицко-Волынской экспедиции, полностью раскопавшей городище XII–XIII вв. близ Шепетовки, которое М. К. Каргер считал древнерусским Изяславлем. Исследование, написанное в те годы Олегом Овсянниковым и посвященное многообразию керамической посуды местных жителей, ждет своего скорого издания. Кроме «Изяславля» были еще раскопки в Новгороде, на Рюриковом городище, в Волковыске, Полоцке, Турове, Новогрудке. Однако именно в 1960-е гг. выходят его первые статьи, посвященные археологии Русского Севера: Орлецкому городищу, Ольскому мысу, Емецкому и Вотложемскому городкам, холмогорским шахматам и изразцам. Тогда же намечается еще одна тема его творчества: интерес к мастеру, его личности, династиям ремесленников.

В 1968–1969 гг. в качестве ведущего археолога он участвует в Мангазейской историко-географической экспедиции, руководимой М. И. Беловым — впервые русский город XVII в. в западно-сибирском Заполярье стал объектом исследования. Мангазея привлекает археологов до сих пор, но первый пласт ее культурного слоя был снят Олегом Овсянниковым. С 1970-х гг. начинается Копорская эпопея, где им была открыта каменная крепость XIV в. Одновременно Олег как руководитель Северо-Двинского отряда продолжает исследования Орлеца. В это время появляются статьи не только на темы оборонного зодчества и городов в целом — Сольвычегодска, Орлеца, Копорья, Мангазеи, но и работы, посвященные торговле, в том числе моржовым клыком, и ювелирному делу, жилищу, домостроительству и лыжам.

Однако в первой же небольшой книге Олега Овсянникова «о средневековых северных городах и о тех, кто жил в них более трехсот лет тому назад, — косторезах, кузнецах, иконописцах, каменщиках» (Овсянников 1971: 4), охватывающей лишь период XIV–XVII вв., уже намечены основные этапы в историко-культурном развитии региона в целом. Примечательно, если не сказать программно, и ее название «Люди и города средневекового Севера», ставящее на первое место Человека, а затем уже дело рук его. Что же это за этапы? Этап первоначального освоения новгородцами Заволочья определяется X–XIII вв., характеризуется появлением неукрепленных поселений и становлением промыслового хозяйства как основной черты экономики Севера. XIV–XV вв., связанные с борьбой за богатые природными ресурсами северные земли между Великим Новгородом и Москвой, отмечены появлением на важнейших водных магистралях — Двине, Ваге, Кокшеньге небольших укрепленных городков (часть из них новгородские городки, часть — московские); развитие промыслов и торговли приводит к появлению более крупных поселений — посадов. На рубеже XV–XVI вв., когда полновластным хозяином этой огромной территории становится великий князь

Московский, из Двинской земли предпринимается поход московской рати на северо-восток в низовья Печоры (в Югру), где возникает Пустозерский острог, не только как место сбора даннического «мягкого золота», но и как база для дальнейшего продвижения торговых людей в Сибирь. Северные посады становятся торгово-ремесленными центрами и только в начале XVII в. — типичными средневековыми городами, складывается своеобразная северная культура. В этой, казалось бы, простой схеме развития, вызревшей у молодого еще исследователя отчасти на базе уже изученных памятников, отчасти, по-видимому, полуинтуитивно, оказались намеченными главные, узловые направления дальнейших исследований, которые с годами принципиально не изменились, но постоянно расширялись, углублялись и обогащались новым содержанием.

В 1974–1979 гг. он оказался вовлечен в изучение монастырской археологии и архитектуры: им исследовался Спасо-Мирожский монастырь во Пскове и Антониево-Сийская обитель в Архангельской обл. В то время его научные интересы охватывают широкие просторы земли «чуди заволочской», раннесредневековые могильники которой были открыты сотрудниками его экспедиций — Корбала (рис. 2), Устья и др. Продолжается работа по изучению Емецкого городка и каменной архитектуры Нового времени в Нижнем Подвинье, в том числе — городских «каменных палаток». Это позволило охватить все проявления средневековой культуры и архитектуры Русского Севера: храмово-монастырской, крестьянско-посадской, оборонно-городской.

В результате интенсивных поисков экспедициями Олега Овсянникова на берегах рек Ваги и Тихманьги, Варзуги и Двины, на Терском берегу Белого моря были обнаружены и исследованы могильники и клады конца XI–XIII вв., оставленные финноязычным аборигенным населением и древнерусскими первопоселенцами, — археологические памятники, ставшие опорными и для других исследователей этого края. Таким образом постепенно заполнялась лакуна в представлениях историков о начальном этапе освоения Русского Севера — времени легендарной летописной «чуди заволочской». Планомерные углубленные исследования укрепленных северных городков (Орлецкого, Важского, Емецкого и др.), особенно их оборонительных сооружений, прежде зачастую относимых даже к X в., позволили ему убедительно обосновать их датировку XIV–XV вв., показать, что это были сельские укрепленные вотчинные центры (боярские усадьбы), и, более того, раскрыть индивидуальные особенности каждого, его «лицо».

В 1978 г. начинается работа в составе археологической экспедиции на архипелаге Шпицберген под руководством В. Ф. Старкова по изучению становищ русских зверобоев. Именно тогда заведующая ЛОИА АН СССР Н. Н. Гурина имела все основания подписать ему характеристику со знаковой фразой — «морально устойчив», а исследование Шпицбергенов стало «перевыполнением плана». Таковы были реалии эпохи. К этому времени Олег Овсянников — кандидат исторических наук, получивший искомую степень за историко-археологический очерк о русском городе XVII в. в Сибири — Мангазее.

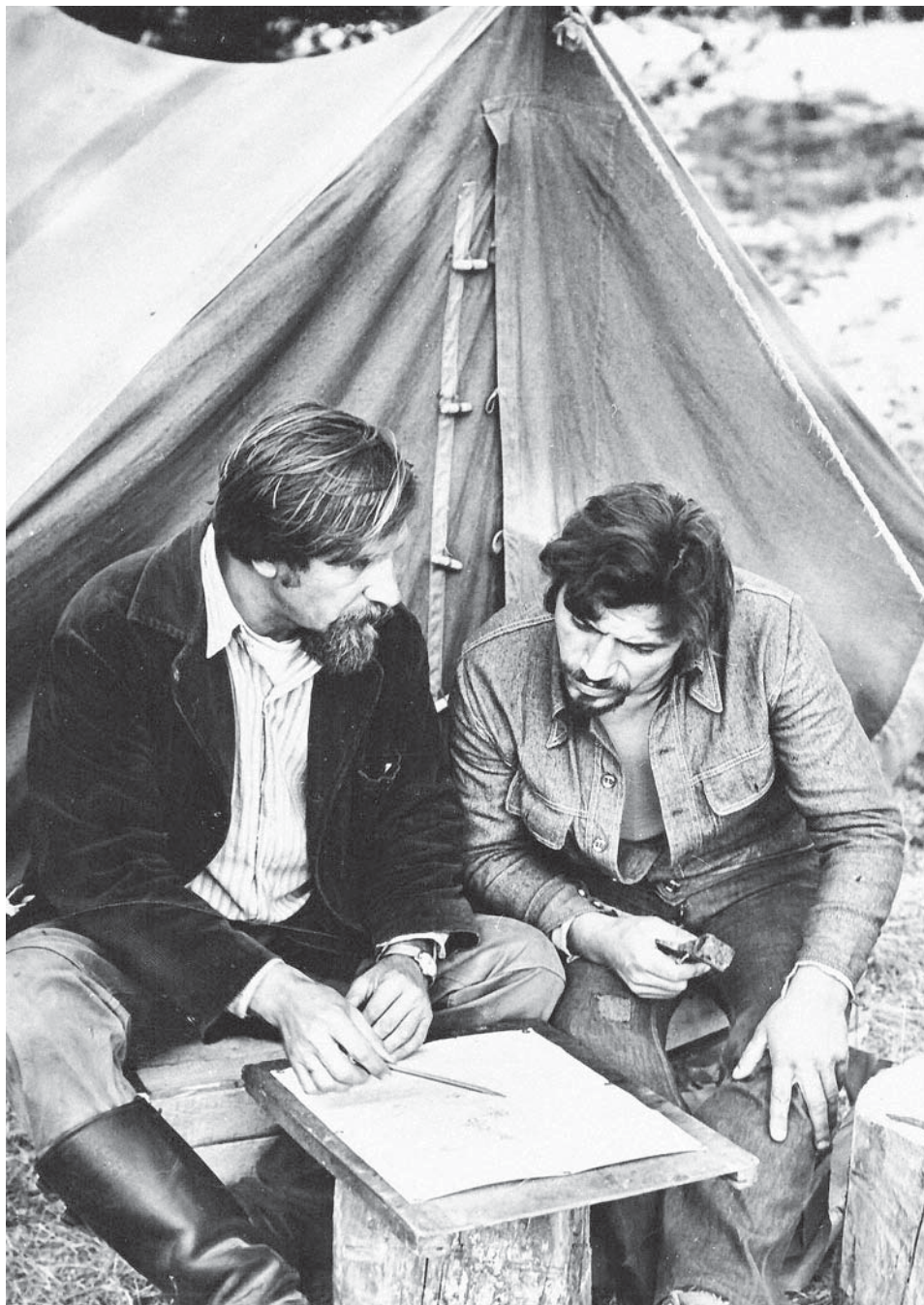

Рис. 2. О. В. Овсянников (слева) и В. А. Назаренко на раскопках могильника Корбала, 1977 г.

Fig. 2. O. V. Ovsyannikov (on the left) and V. A. Nazarenko at the excavations of the Korbala cemetery, 1977

В 1980-е гг. он вновь сосредоточивается на изучении памятников Архангельской и Мурманской областей, где его интерес привлекают укрепленные усадьбы XIV–XV вв.: Важский городок, Топса, Варенга, Вотложма, Кервола и другие, более поздние. В 1984 г. Олег Овсянников проводит охранные раскопки территории гостиных дворов Архангельска и пытается найти его деревянный город. Тема Архангельского городка, ее топонимические отражения, будут волновать его постоянно. Это позволит понять, что появление города, само имя, было связано не с трансурбанизацией, перенесением прежнего поселения городской культуры на новое место, а архаическим переживанием самого понятия «город» как огороженного укрепленного пространства, охранявшего монастырь св. архангела Михаила. Лишь много лет спустя новая крепость станет настоящим городом.

Историко-археологическое изучение Олегом Овсянниковым северопоморских поселений городского типа XVI–XVIII вв. (Архангельск, Холмогоры, Пустозерск, Каргополь) обогатило науку тщательно раскопанными, детально и мастерски интерпретированными, порой уникальными памятниками, такими как остатки Гостиного двора XVI в. в Архангельске (сначала деревянного, потом каменного), помогающими понять сложение и структуру торгово-посадской территории. Он провел архитектурно-археологические раскопки и обследования наиболее важных памятников каменного зодчества региона (Антониев-Сийский, Спасо-Прилуцкий, Красногорский монастыри, Борисоглебский храм на Матигорах, Троицкий на Ухтострове, комплекс архиерейского дома на Холмогорах, утраченные каменные церкви Каргополя), и все это одновременно с изучением архивных документов, позволяющих выявить имена зодчих и проследить формирование местной строительной традиции.

В 1985 г. Олег Овсянников начинает обследование ненецкого святилища «Козмин перелесок» на юге п-ова Канин, а несколькими годами позже, в 1987–1996 гг. проводит систематические разведки и раскопки в уникальном микрорегионе нижнего течения р. Печоры, исследуя комплекс памятников в окрестностях древнего Пустозерска — городище и святилище VI–XIII вв. на р. Гнилке и Ортинское городище VI–X вв. на правом берегу Печоры. Размышления о культуре средневекового города Архангельского Поморья в 1989 г. превратились в докторскую диссертацию.

В конце 1990-х гг. начался новый, вынужденный болезнями близких ему людей, «путь на запад». Но годы ткали свою паутину, а Олег — полотно знаний об истории Русского Севера. Столько было сделано и узнано за прошлые годы, что атмосфера немецкого Вюрцбурга стала своего рода тишиной скриптории, который позволил воплощать задуманное в новых книгах и статьях. Интенсивность, с которой они видят свет, вызывает у читателя желание не отстать от заданного Олегом Овсянниковым научного темпа. Среди тем последних лет особое место занимают своды, посвященные поморской и морской культуре Русского Севера.

Знакомство с трудами Олега Овсянникова позволяет понять, в чем состоят особенности его творческого метода и привлекательность написанных им страниц. Прежде всего, он археолог, изучающий общества с письменной культурой, что предполагает активный поиск и использование письменных памятников и сопоставление содержащейся в них информации с результатами анализа вещественной древности. Будучи профессиональным археологом, он неизменно подходит к изучению археологических памятников с максимально полным привлечением письменных источников во всем их многообразии, будь то летописи, писцовые и переписные, платежные, приходно-расходные и таможенные книги, уставные грамоты, записки путешественников, городовые планы, карты и многое другое. Местом поиска становится не только поле, но и архивы, прежде всего Российский государственный архив древних актов и Российский государственный военно-исторический архив. Письменные источники уже в самом начале творческого пути изучались им вполне самостоятельно, параллельно и наравне с археологическими источниками для достижения полноты и точности воссоздаваемой картины прошлого. Многолетняя работа в столичных и областных архивах, тщательный поиск, неустанное и ненасытное копирование документов, многократное обращение к их прочтению и осмыслению на разных этапах освоения той или иной темы неизменно приводили к плодотворным результатам. Выработывались собственные приемы изучения разного рода документов, осваивались навыки чтения почерков XVII–XVIII вв. А накопленный с годами драгоценный архив документов продолжал расти и продолжает изучаться и вводиться в научный оборот его неутомимым обладателем. Комплексный подход к источникам, насыщенность исследований живыми элементами повседневности придает как сугубо научным, так и научно-популярным трудам Олега Владимировича Овсянникова особую убедительность, а вместе с яркостью, динамичностью, порой даже страстностью изложения — большую привлекательность для заинтересованного читателя.

В то же время работам Олега Овсянникова присуще понимание вторичности культуры Поморского Севера (Брызгалов 2013: 6) по сравнению с жизнью средневековой Руси. В результате данные археологии получают освящение современным им словом, отражая пути развития региона до Нового времени и заполняя лакуны в истории освоения Поморья русским населением.

При этом главным приемом подачи материала является не типология вещей или взаимно дополняемая картина прошлого, а раскрытие параллельных проблем. Так, публикуя описание Мезенского края XVIII в., он вводит в научный оборот рассказ о святилище Вайгач (Овсянников, Ясински 2006: 148; ср.: Хлобыстин 1991), хорошо известном благодаря археологическим раскопкам. Однако «археологичность» описания позволяет оценить эволюцию местного ритуала, где приношение вещей в качестве вотивов, зафиксированное полевыми исследованиями, оказалось, в конце концов, вытеснено жертвоприношением оленей и последующей ритуальной трапезой.

Интерес к сакральной культуре, как христианской, бывшей основой поморской цивилизации, так и дохристианской, в полной мере отражен в творчестве Олега Овсянникова. Помимо осмотров и фиксации ненецких святилищ и публикации памятников «звериного стиля» он совместно с Татьяной Чуковой изучает северные каменные и деревянные кресты, роль Креста в культуре Русского Севера. Он словно перекидывает через время мостки меж схожими культурными сюжетами разных эпох. Речь идет не только о сакральных сюжетах. Так, его интересует не только торговля раннего Нового времени, но и, сквозь находки западноевропейских монет на Русском Севере, торговля раннего средневековья.

Однако главным в археологии для Олега Овсянникова был и остается отважный помор-землепроходец, участник великого исхода северян в моря Арктики вплоть до Русской Америки (Куратов 2002: 9). Отсюда в трудах Олега Овсянникова постоянно присутствуют темы личности и культуры, человека и моря. Его привлекают не столько иконы, сколько иконописцы, он собирает материалы к словарю холмогорских косторезов XVII–XVIII вв., интересуется Михаилом Слепотинным (Овсянников 2009: 8–16), семейством Погорельских, первым епископом Холмогорским и Важским Афанасием. События и артефакты неинтересны ему без конкретных персонажей жизни, людей в истории (Овсянников 1992).

Результатом этих многолетних трудов и размышлений стала посвященная истории формирования поморских городских центров книга «Средневековые города Архангельского Севера», а в подзаголовке вновь: «Люди, события, даты» (1992 г.). Книга действительно насыщена огромным количеством событий и дат, но главное — именами живых творцов этой истории — каменщиков и кузнецов, ювелиров, косторезов и иконописцев и многих, многих других, неутомимо и страстно выявляемых автором в архивохранилищах и возвращаемых истории.

В этих трудах и подошел юбилей. Как тут не вспомнить слова из псалма: «Дни лет наших, а число их <...>, если же кто в силах — восемьдесят лет» (Пс. 89: 9). Конечно же, юбиляр встретил его «в силах», которым иные могут и позавидовать. Эти переходы из силы в силу в археологии всегда были связаны с понятиями учительства и ученичества, научного отцовства. Так, Оскар Монтелиус стал «отцом типологического метода», Джованни Батиста де Росси — «отцом христианской археологии», а Николай Покровский — «отцом церковной археологии» в России. Попытка охватить единым взглядом творческую биографию Олега Овсянникова позволяет понять, что мы празднуем юбилей «отца исторической археологии» Русского Севера...

Библиография трудов О. В. Овсянникова за 2013–2017 гг.¹

2013 г.

Из истории Нижнего Подвинья. Конец XVII–XVIII вв. (Документы Холмогорского архиерейского дома) // Тр. АЦ РГО. Архангельск, 2013. Вып. 1. С. 22–85 (совм. с Брызгаловым В. В., Ясински М. Э.).

«Послах отрок свой в Печеру, люди иже суть дань дающие Нову Городу...» // Тр. АЦ РГО. Архангельск, 2013. Вып. 1. С. 147–170 (совм. с Ясински М. Э.).

2014 г.

Выговское старообрядческое общежительство: морской зверобойный промысел в Арктике в XVIII–XIX вв. (письменные и археологические источники) // Татаурова Л. В., Борзунов В. А. (ред.). Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. 1. С. 49–63 (совм. с Брызгаловым В. В., Ясински М. Э.).

Лоции и натура // Тр. АЦ РГО. Архангельск, 2014. Вып. 2. С. 22–45 (совм. с Брызгаловым В. В., Ясински М. Э.).

Беломорские щерботы: «новоманерные» суда первой половины XVIII столетия // Тр. АЦ РГО. Архангельск, 2014. Вып. 2. С. 46–66 (совм. с Брызгаловым В. В., Ясински М. Э.).

Заметки о поморских мореходах и их «Книгах Мореходных» // Тр. АЦ РГО. Архангельск, 2014. Вып. 2. С. 275–284 (совм. с Брызгаловым В. В., Ясински М. Э.).

2015 г.

Архангельская губерния: «Памятники отечественного древнего искусства» по сведениям 1886–1893 гг. // Тр. АЦ РГО. Архангельск, 2015. Вып. 3. С. 35–54 (совм. с Брызгаловым В. В., Ясински М. Э.).

Люди и камни: Из истории известняковых карьеров и каменного строительства в Нижнем Подвинье (XIV–XVIII вв.) // Тр. АЦ РГО. Архангельск, 2015. Вып. 3. С. 54–167 (совм. с Брызгаловым В. В., Ясински М. Э.).

2016 г.

Европейская Арктика: Морские звериные промыслы Выговского старообрядческого общежительства в XVIII–XIX веках: суда, кормщики, работные люди (к исследованию поморской экономической структуры). Архангельск: Лодия, 2016. 188 с.: ил., табл. (совм. с Брызгаловым В. В., Ясински М. Э.).

Архангелогородская губерния: описания XVIII столетия (источниковедческие заметки) // Тр. АЦ РГО. Архангельск, 2016. Вып. 4. С. 19–109.

¹ Составлена В. В. Брызгаловым, Л. М. Всевиовым и А. Е. Мусиным. Предшествующую библиографию см.: Всевиов 2006: 165–193; 2013: 24–38.

Нижнее Подвинье в первые годы XVIII столетия (Документы Архангельской губернской канцелярии и Холмогорского архиерейского дома) // Тр. АЦ РГО. Архангельск, 2016. Вып. 4. С. 110–190 (совм. с Брызгаловым В. В.).

2017 г.

Царь Петр и итальянское судно на Северной Двине: Баркалон Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важеского // Мусин А. Е. (отв. ред.), О. А. Щеглова (ред.-сост.). В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН; НКТ, 2017. С. 377–393, ил., рез. англ. (Тр. ИИМК РАН. Т. 48).

«Караул» на Мурмане. XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. / Татаурова Л. В. (ред.). Омск: Наука, 2017. С. 517–524, ил., рез. англ. (совм. с Брызгаловым В. В., Ясински М. Э.).

Город Архистратига Михаила: судьба имени (источники и мнения) // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. / Татаурова Л. В. (ред.). Омск: Наука, 2017. С. 525–533, ил., рез. англ. (совм. с Брызгаловым В. В.).

Два сюжета из истории мурманских рыбных промыслов XVIII столетия // Тр. АЦ РГО. Архангельск, 2017. Вып. 5. С. 25–63, ил., рез. англ. (совм. с Брызгаловым В. В., Ясински М. Э.).

Архангельский город и его небесный патрон архистратиг Михаил (Заметки: эволюция топонима, административного и духовного статуса) // Тр. АЦ РГО. Архангельск, 2017. Вып. 5. С. 63–205, ил., рез. англ. (совм. с Брызгаловым В. В.).

Литература и источники

[Б. и.] Олег Владимирович Овсянников. К 70-летию со дня рождения. Штрихи к портрету // Попова Л. Д. (отв. ред.). Мезень и Мезенский край в истории Отечества и Баренцева региона: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Мезень, 7–9 февраля 2006 г. Архангельск: Правда Севера, 2006. Ч. 2. С. 156–164.

Брызгалов 2010 — *Брызгалов В. В.* Олег Владимирович Овсянников. Штрихи биографии ученого // Брызгалов В. В. (отв. ред.). Лодия. 2010. № 7: Сб. ст. Архангельск: Лодия, 2013. С. 4–8.

Всевиов 2006 — *Всевиов Л. М.* Олег Владимирович Овсянников. Хроника научной жизни. Публикации и информации // Попова Л. Д. (отв. ред.). Мезень и Мезенский край в истории Отечества и Баренцева региона: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Мезень, 7–9 февраля 2006 г. Архангельск: Правда Севера, 2006. Ч. 2. С. 165–193.

Всевиов 2013 — *Всевиов Л. М.* Олег Владимирович Овсянников. Археологические экспедиции и участие в научных конференциях // Брызгалов В. В. (отв. ред.). Лодия. 2010. № 7: Сб. ст. Архангельск: Лодия, 2013. С. 9–14.

Куратов 2002 — *Куратов А. А.* Олег Овсянников — археолог, историк, человек // Васильев Ю. С. (отв. ред.). Важский край. Источниковедение, история, культура. Исследования и материалы. Вельск: Краеведческий музей, 2002. С. 7–12.

Овсянников 1971 — *Овсянников О. В.* Люди и города средневекового Севера. Архангельск: Северо-западное кн. изд-во, 1971. 81 с.

Овсянников 1992 — *Овсянников О. В.* Средневековые города Архангельского Севера. Люди. События. Даты. Архангельск: Северо-западное кн. изд-во, 1992. 348 с.

Овсянников 2009 — Овсянников О. В. Иконописец XVIII в. Михаил Слепохин. Михаил Константинович Каргер и кот Евстафий // Гордин А. М., Иоаннисян О. М., Торшин Е. Н. (ред.). Архитектура и археология Древней Руси: МНК, посвящ. 100-летию со дня рождения М. К. Каргера (1903–1976). СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. С. 8–16 (Тр. ГЭ. Т. 46).

Овсянников, Ясински 2006 — Овсянников О. В., Ясински М. Э. Из истории Мезенского края // Попова Л. Д. (отв. ред.). Мезень и Мезенский край в истории Отечества и Баренцева региона: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Мезень, 7–9 февраля 2006 г. Архангельск: Правда Севера, 2006. Ч. 2. С. 128–155.

Хлобыстин 1991 — Хлобыстин Л. П. Древние святилища острова Вайгач // Булатов В. Н. и др. (ред.-сост.). Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М.: НИИ культуры, 1991. С. 120–135.

НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 508.

Literature and archive sources

Oleg Vladimirovich Ovsyannikov. K 70-letiyu so dnya rojdeniya. Shtrihi k portretu [*To the 70th jubilee of Oleg Vladimirovich Ovsyannikov. Strokes to the portrait*] // Popova L. D. (ed.). Mezen' i Mezenskiy kraj v istorii Otechestva i Barenceva regiona [*The Mezen' and Mezen' land in the history of Russia and Barentz region: Papers presented at the International Scientific and Practical Conference. Mezen', 7–9 February of 2006*]. Arkhangelsk: Pravda Severa, 2006. Pt. 2. P. 156–164 (in Russian).

Брызгалов 2010 — Bryzgalov V. V. Oleg Vladimirovich Ovsyannikov. Shtrihi biografii uchenogo [*Oleg Vladimirovich Ovsyannikov. A few strikes to the biography of the scholar*] // Bryzgalov V. V. (ed.). Lodiya 2010. No. 7: Collection of papers. Arkhangelsk: Lodiya 2013. P. 4–8 (in Russian).

Всевиов 2006 — Vseviiov L. M. Oleg Vladimirovich Ovsyannikov. Hronika nauchnoy jizni. Publikacii i informacii [*Oleg Vladimirovich Ovsyannikov. A chronicle of the scholarly life. Publications and informations*] // Popova L. D. (ed.). Mezen' i Mezenskiy kraj v istorii Otechestva i Barenceva regiona [*The Mezen' and Mezen' land in the history of Russia and Barentz region: Papers presented at the International Scientific and Practical Conference. Mezen', 7–9 February of 2006*]. Arkhangelsk: Pravda Severa, 2006. Pt. 2. P. 165–193 (in Russian).

Всевиов 2013 — Vseviiov L. M. Oleg Vladimirovich Ovsyannikov. Arheologicheskie e'kspedicii i uchastie v nauchnyh konferenciayah [*Oleg Vladimirovich Ovsyannikov. Archaeological expeditions and participation in scholarly conferences*] // Bryzgalov V. V. (ed.). Lodiya 2010. No. 7: Collection of papers. Arkhangelsk: Lodiya 2013. P. 9–14 (in Russian).

Куратов 2002 — Kuratov A. A. Oleg Ovsyannikov — arheolog, istorik, chelovek [*Oleg Ovsyannikov — archaeologist, historian, person*] // Vasiliev Yu. S. (ed.). Vajskiy kraj. Istochnikovedenie, istoriya, kul'tura. Issledovaniya i materialy [*The Vaga land. Sources studies, history, culture. Studies and materials*]. Velsk: Regional Museum, 2002. P. 7–12 (in Russian).

Овсянников 1971 — Ovsyannikov O. V. Lyudi i goroda srednevekovogo Severa [*People and towns of the medieval North*]. Arkhangelsk: Northwestern book publishing house, 1971. 81 p. (in Russian).

Овсянников 1992 — Ovsyannikov O. V. Srednevekovye goroda Arhangel'skogo Severa. Lyudi. Sobytiya. Daty [*Medieval towns of the Arkhangelsk North. People. Events*]. Dates. Arkhangelsk: Northwestern book publishing house, 1992. 348 p. (in Russian).

Овсянников 2009 — Ovsyannikov O. V. Ikonopisec XVIII v. Mihail Slepohin. Mihail Konstantinovich Karger i kot Evstafiy [*Iconographer of the XVIII c. Mikhail Slepokhin. Mikhail Konstantinovich Karger and Eustathius the cat*] // Гордин А. М., Иоаннисян О. М., Торшин Е. Н. (eds.). Архитектура и археология Древней Руси [*Architecture and archaeology of Old Rus: Materials of the Scholarly Conference dedicated to the 100th birth anniversary of M. K. Karger (1903–1976)*]. St. Petersburg: State Hermitage, 2009. P. 8–16 (in Russian).

Овсянников, Ясински 2006 — *Ovsyannikov O. V., Yasinski M. E. Iz istorii Mezenskogo kraja [From the history of the Mezen' land] // Popova L. D. (ed.). Mezen' i Mezenskiy kraj v istorii Otechestva i Barentseva regiona [The Mezen' and Mezen' land in the history of Russia and Barentz region: Papers presented at the International Scientific and Practical Conference. Mezen', 7–9 February of 2006]. Arkhangelsk: Pravda Severa, 2006. Pt. 2. P. 128–155 (in Russian).*

Хлобыстин 1991 — *Khlobystin L. P. Drevnie svyatilischa ostrova Vaygach [Ancient sanctuaries of Vaigach island] // Bulatov V. N. et al. (eds.). Problemy izucheniya istoriko-kul'turnoy sredy Arktiki [Problems in the study of the historical and cultural milieu of the Arctic regions]. M.: Science Research Institute of Culture, 1991. P. 120–135.*

Scholarly archive of IHMC RAS, MD, f. 35, inv. 5, d. 508.

Список сокращений

АВ	—	Археологические вести. СПб.
АЛ МДУ	—	Археологічна лабораторія імя В. Ф. Капыціна Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова
АлтГУ	—	Алтайский ГУ. Барнаул
АН	—	Академия наук
АСГЭ	—	Археологический сборник ГЭ. Л./СПб.
АЦ	—	Архангельский центр
АЭАЕ	—	Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БИ	—	Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
БЧ	—	Боспорские чтения. Керчь
ВДИ	—	Вестник древней истории. М.
ВКИКМЗ	—	Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Керчь
ГАИМК	—	Государственная академия истории материальной культуры. Пг./Л.
ГАУК РО	—	Государственное автономное учреждение культуры Ростовской обл.
ГИМ	—	Государственный исторический музей. М.
ГМЗХТ	—	Государственный музей-заповедник Херсонес Таврический. Севастополь
ГПИ/ГПУ	—	Государственный педагогический институт/университет
ГУ	—	Государственный университет
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж. Пг./Л./СПб.
ДАИ	—	Дойчес Археологишес Институт

ДВО	—	Дальневосточное отделение РАН
ЗИИМК	—	Записки ИИМК РАН. СПб.
ИА	—	Институт археологии АН СССР/РАН. М.
ИАК	—	Императорская Археологическая комиссия. СПб./Пг.
ИАЭТ	—	Институт археологии и этнографии СО АН СССР/РАН. Новосибирск
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН. Л.; М./СПб.
КБАЭ	—	Костёнковско-Борщёвская археологическая экспедиция ИИМК РАН
КемГУ	—	Кемеровский ГУ
КСИА	—	Краткие сообщения ИА АН СССР/РАН. М.; Л.
КСИИМК	—	Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
Л.	—	Ленинград
ЛОИИМК/ ЛОИА	—	Ленинградское отделение ИИМК/ИА АН СССР
М.	—	Москва
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Л./СПб.
МВД	—	Министерство внутренних дел
МГУ	—	Московский ГУ им. М. В. Ломоносова
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ММНАК	—	Материалы Международной научной археологической конференции
ММНК	—	Материалы МНК
МНК	—	Международная научная конференция
НА	—	Научный архив

НГУ	—	Новосибирский ГУ
НАН	—	Национальная академия наук
НИИ	—	Научно-исследовательский институт
НКП	—	Народный Комиссариат просвещения РСФСР/СССР
НКТ	—	Невская книжная типография
НЦ	—	Научный центр
НЭ	—	Нумизматика и эпиграфика. М.
ОЭС	—	Оптико-эмиссионная спектрография
Пг.	—	Петроград
ПГУ/ЛГУ/ СПбГУ	—	Петроградский/Ленинградский/Санкт-Петербургский ГУ
РА/СА	—	Российская/Советская археология. М.
РАИМК	—	Российская академия истории материальной культуры. Пг.
РАН	—	Российская академия наук
РГНФ	—	Российский гуманитарный научный фонд. М.
РГО	—	Русское географическое общество. СПб.
РО	—	Рукописный отдел
РФ	—	Российская Федерация
РФФИ	—	Российский фонд фундаментальных исследований. М.
САИ	—	Свод археологических источников.
Сб.	—	Сборник
СГУ	—	Саратовский ГУ
СО	—	Сибирское отделение АН СССР/РАН
СЭМ	—	Сканирующая электронная микроскопия

ТГУ	—	Томский ГУ
ТД	—	Тезисы докладов
Тр.	—	Труды
УрГУ	—	Уральский государственный университет. Екатеринбург
УФСБ	—	Управление Федеральной службы безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. СПб.
ФАНД	—	Фонд археологічної наукової документації
ЦГА СПб	—	Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦНА	—	Центральны науковы архіў
ЮТАКЭ	—	Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ЮФУ	—	Южный федеральный университет
ABSA	—	The Annual of the British School at Athens. Cambridge
AEAE	—	Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. Novosibirsk
AS	—	Academy of Sciences
ASCSA	—	American School of Classical Studies at Athens
BCIA	—	Brief communications of the Institute of Archaeology of AS of the USSR/RAS. M.; L.
BSIIMC	—	Brief communications of the Institute for the History of Material Culture of AS of the USSR. M.; L.
BS	—	Bosporos Studies. Simferopol; Kerch
CAR	—	Corpus of Archaeological Records. M.; L.
CSA	—	Central Scientific Archive of the National AS of Belarus. Minsk
DAI	—	Deutsches Archäologisches Institut
IA	—	Institute of Archaeology

IAE	—	Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian branch of RAS. Novosibirsk
IHMC	—	Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg
ISAC	—	The Proceedings of the International Symposium on Ancient Ceramics '99. Shanghai, 1999
JAH	—	Journal of ancient history. M.
L.	—	Leningrad
FAD	—	Fond of Archaeological Documents.
LCS	—	Liquid scintillated spectrometry
LSU	—	Leningrad State University
M.	—	Moscow
MAE	—	Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera). L./St. Petersburg
MD	—	Manuscript division
MSA	—	Materials and studies in the archaeology of the USSR
MSU	—	Moscow State University
RA/SA	—	Russian/Soviet archaeology. M.
RAS	—	Russian Academy of Sciences
STACE	—	South Turkmenistan Archaeological Complex Expedition
s. v.	—	sub voce (лат.) — см. или см. под словом
SU	—	State University
USA	—	United State of America

**Список авторов статей,
опубликованных в «Записках ИИМК РАН», № 16**

Алёшкин Вадим Андреевич	— Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
Белецкий Сергей Васильевич	— Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.
Васильева Екатерина Евгеньевна	— Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.
Веретюшкин Роман Сергеевич	— Россия, 305000, Курск, ул. Радищева, д. 33. Курский государственный университет, Научно-исследовательский институт археологии юго-востока Руси.
Горлов Константин Вячеславович	— Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии.
Грушин Сергей Петрович	— Россия, 656049, Барнаул, ул. Ленина, 61. Алтайский государственный университет, Исторический факультет, кафедра археологии, этнографии и музеелогии.

- Егорьков Александр Николаевич — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория археологической технологии.
- Жущиховская Ирина Сергеевна — Россия, 690950. Владивосток, Пушкинская ул., 89.
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Сектор средневековой археологии.
- Кашуба Майя Тарасовна — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
- Кирпичников Анатолий Николаевич — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.
- Кирчо Любовь Борисовна — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
- Корольева Екатерина Петровна — Республика Беларусь, 220072, Минск, Академическая ул., 1.
Институт истории НАН Беларуси.
- Кузнецова Елена Владимировна — Россия, 410012, Саратов, Астраханская ул., 83.
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Институт археологии и культурного наследия.

- Намойлик Анна Сергеевна — Россия, 299045, Севастополь, Древняя ул., 1.
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Отдел научно-исследовательских работ.
- Мусин Александр Евгеньевич — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.
- Павличенко Наталья Андреевна — Россия, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7.
Санкт-Петербургский институт истории РАН, Отдел всеобщей истории.
- Пескова Анна Анисимовна — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.
- Платонова Надежда Игоревна — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.
- Поляков Андрей Владимирович — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
- Родионов Антон Михайлович — Россия, 394030, Воронеж, Кольцовская ул., 56а.
Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье».

-
- Соколова Ольга Юрьевна — Россия, 190000, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 34.
Государственный Эрмитаж,
Отдел Античного мира.
- Стёганцева Вероника Яковлевна — Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной
культуры РАН, Отдел археологии
Центральной Азии и Кавказа.
- Фрибус Алексей Викторович — Россия, 650000, Кемерово,
Красная ул., 6.
Кемеровский государственный
университет, Исторический
факультет, кафедра археологии.

Научное издание

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН № 16**

Редактор *М. А. Молчанова*
Корректор *М. А. Молчанова*
Верстка *И. Н. Лшук*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93;
95 3001 — книги. 95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 01.12.2017. Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 14. Печ. л. 13. Тираж 300 экз. Заказ 644

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
Отпечатано в ООО «Невская Книжная Типография»
197198, Санкт-Петербург, Большая Пушкарская ул., дом 31, литер «Б», помещение 1Н
Тел. +7(812) 380-7950
E-mail: spbcolor@mail.ru

9 785990 987197